

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГОУ ВПО «ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»

1 /3/ 2010

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 2 номера в год

Серия

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(Волгоградская академия государственной службы)
(председатель Редакционного совета);

В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент
(Волгоградская академия государственной службы);

К. О. Магомедов, д-р социол. наук, профессор
(Российская академия государственной службы);

Г. В. Орлов, д-р ист. наук, профессор
(Волгоградский архитектурно-строительный университет);

А. В. Понделков, д-р полит. наук, профессор
(Северо-Кавказская академия государственной службы
Ростов-на-Дону);

А. М. Старостин, д-р полит. наук, профессор
(Северо-Кавказская академия государственной службы,
Ростов-на-Дону);

Ю. И. Тарский, д-р социол. наук, профессор
(ПАГС, Саратов)

Главный редактор:

В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент

Зам. главного редактора:

О. В. Байдалова, д-р социол. наук, профессор

Ответственный научный секретарь:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Н. Х. Атаян, д-р экон. наук, профессор;

Ю. Д. Гражданов, д-р ист. наук, профессор;

Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;

В. А. Пилипенко, канд. филос. наук, доцент;

Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;

А. В. Миронов, д-р социол. наук, профессор

Е. В. Перерва, канд. ист. наук (секретарь)

Адрес редакции: ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»

400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

vestnik_polit@vags.ru

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ВАГС
2010**

От редакции

Уважаемые коллеги!

Представляем третий номер журнала «Научный вестник ВАГС. Серия: Политология и социология. Выпуск 3». Формируя содержание номера, редакция активизировала привлечение ученых южных регионов, вузов Волгограда. В данной связи особый интерес представляют научные статьи: д-ра полит. наук, проф. *А. М. Старостина* (г. Ростов-на-Дону, СКАГС) «Политические элиты и рефлексивное управление»; д-ра философ. наук, проф. *Г. Х. Шенкао* (г. Черкесск, Черкесская горно-техническая академия) «Власть языка и имени»; д-ра ист. наук, проф. *Г. В. Орлова* (Волгоград, ВолГАСУ) «Патриотизм – это прорыв в новое качество россиян».

В первом разделе предлагаем проблемную статью канд. филос. наук, проф. *Е. Н. Мельниченко* (ВАГС) «Консервативная модернизация» и российская политическая власть». Подобные материалы актуальны в условиях курса на децентрализацию в системе государственного устройства, задают ориентир к всестороннему осмыслению демократической перспективы в России. В содержательном ключе исполнена и статья канд. филос. наук, доц. *Е. М. Дриновой* (Волгоградский кооперативный институт) «Политизация религии в современном мире и феномен «политическая религия».

Во втором разделе «Социология» представлены статьи авторов с акцентированной региональной тематикой: канд. ист. наук, доц. *А. Л. Рябцева*, канд. полит. наук, доц. *К. А. Кузиной* (Астраханский государственный университет) «Имидж-портрет Каспийского региона в зарубежной и национальной прессе»; канд. социол. наук, доц. *А. В. Плотникова* (Инновационный центр Волго-Вятской академии государственной службы) «Инклюзия пожилого населения в информационное пространство региона». Социологическому анализу синдрома хронической усталости врачей как фактора конфликтогенности в их профессиональной деятельности посвящен материал канд. мед. наук *Е. Г. Поповой* (Волгоградский государственный медицинский университет).

В третьем разделе «Гуманитарное знание» рекомендуем обратить внимание читателя на статью канд. психол. наук *А. В. Юнда* (ВАГС) «Роль средств массовой информации в распространении девиантного поведения молодежи». Защита молодежного сознания конкретной системой превентивных мер характеризует в данном материале и гражданскую позицию автора. Научная жизнь академии представлена: информационным обзором Всероссийской научно-практической конференции, проведенной в ВАГСе в ноябре 2009 г. (совместно с СКАГС, под эгидой ЮНЦ РАН) по проблемам развития политических элит и формирования резерва управленческих кадров в современной России; аналитическим материалом *Е. А. Кулагиной* и *М. Ю. Корнеевой* (аспиранты ВАГС) «Инструменты решения социальных проблем в кризисный период» на основе участия представителей ВАГСа в «Сорокинских чтениях» 1–2 декабря 2009 г. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова).

Редакция журнала нацелена в 2010 г. на новый этап сотрудничества с учеными политологами, социологами, гуманитариями из соседних регионов, готова к взаимобмену знаниями и сотрудничеству.

Главный редактор
д-р полит. наук **В. А. Колесников**

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Орлов Г. В.
 Патриотизм – это прорыв в новое качество жизни
 россиян..... 5

Старостин А. М.
 Политические элиты и рефлексивное управление 9

Мельниченко Е. Н.
 «Консервативная модернизация»
 и российская политическая власть..... 12

Дринова Е. М.
 Политизация религии в современном мире
 и феномен «политическая религия»..... 20

Арефьев Е. С.
 Исследование политической культуры населения:
 проблема измерения..... 25

Каменская Е. А.
 Правовое обеспечение политики информацион-
 ной открытости органов власти субъектов
 Российской Федерации..... 27

СОЦИОЛОГИЯ

Рябцев А. Л., Кузина К. А.
 Имидж-портрет Каспийского региона
 в зарубежной и национальной прессе..... 33

Плотников А. В.
 Инклюзия пожилого населения
 в информационное пространство региона..... 42

Попова Е. Г.
 Синдром хронической усталости врачей как
 фактор конфликтности профессиональной
 деятельности: социологический анализ..... 46

Лиджи-Горяева С. Э., Мукаева С. Г., Оконов Б. А.
 Динамика в потребительском спросе населения
 Республики Калмыкия..... 57

Стародубов А. А.
 Особенности публичных слушаний в крупном
 российском городе..... 65

Красноусова И. Е.
 Правовое регулирование применения
 форм общественного мнения в деятельности
 исполнительных органов государственной власти:
 региональный аспект..... 71

THE CONTENT

POLITOLOGIYA

Orlov G. V.
 Patriotism is the breakthrough to new living stan-
 dards of Russians..... 5

Starostin A. M.
 Political elites and reflexive management..... 9

Melnichenko E. N.
 «Conservative modernization» and Russian political
 authority 12

Drinova E. M.
 Politicization of religion in modern world
 and «political religion» phenomenon 20

Arefiev E. S.
 Research of political culture of population:
 the problem of dimension..... 25

Kamenskaya E. A.
 Legal maintenance of a policy of an information
 openness of authorities of subjects
 of the Russian Federation..... 27

SOCIOLOGY

Ryabtsev A. L., Cousine K. A.
 Caspian region’s image in foreign and national
 press..... 33

Plotnikov A. V.
 Inclusion of aged people into the regional informa-
 tion area..... 42

Popova E. G.
 Chronic fatigue syndrome as a factor of professional
 activity’s conflictogenity: sociological analysis
 46

Lidji-Goryaeva S. E., Mukaeva S. G., Okonov B. A.
 Dynamics in the consumer demand for the popula-
 tion of the Republic of Kalmykia..... 57

Starodubov A. A.
 Features public hearings in major Russian city
 65

Crasnousova I. E.
 Legal regulation of forms of public opinion
 in the activities of the executive authorities:
 the regional dimension
 71

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Данильченко Т. Ю.
 Многообразие лакун: время Н. Я. Данилевского..... 79

Перерва Е. В., Балабанова М. А.
 Палеодемография населения, погребенного
 в могильнике Вакуровский бугор..... 83

Шенкао Г. Х.
 Власть языка и имени..... 89

Кулиев Ф. М.
 К вопросу о религиозной и этнической идентичности населения Северного Кавказа в условиях глобализации..... 93

Зиновьева Д. М.
 Проблемы психологии личности и отчуждения в работе Г. В. Ф. Гегеля «Феноменология духа»... 97

Юнда А. В.
 Роль средств массовой информации в распространении девиантного поведения молодежи..... 102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ

Кулагина Е. А., Корнеева М. Ю.
 Инструменты решения социальных проблем в кризисный период (информационный обзор участия в V Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения» «Социальная и культурная динамика России в условиях глобального кризиса: к 120-летию со дня рождения П. А. Сорокина»)..... 107

Колесников В. А., Бардаков А. И., Лагутин С. Г., Мкртчян Е. Р., Зиновьева Д. М.
 Политическая элита и формирование резерва управленческих кадров (информационный обзор Всероссийской научно-практической конференции «Политическая элита и формирование резерва управленческих кадров», состоявшейся 16–17 ноября 2009 г. в Волгограде в ФГОУ ВПО ВАГС)..... 112

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 117

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Danilchenko T. Y.
 Variety of lacunas: N. JA. Danilevsky's time..... 79

Pererva E. V., Balabanova M. A.
 Paleodemography of population buried in the burial mound Vakurovskiy bugor..... 83

Shenako G. H.
 Power of language and power of name..... 89

Kuliev F. M.
 To the question of religious and ethnic identity of the population of the Northern Caucasus in the context of globalization..... 93

Zinoyjeva D. M.
 Problems of psychology of personality and alienation in G. V. F. Gegel's work «Spirit phenomenology».... 97

Yunda A. V.
 The role of mass media in an expansion of behavior deviation of youth..... 102

SCIENTIFIC LIFE OF THE ACADEMY

Kulagina E. A., Korneeva M. Y.
 Social Problems Decision Tools in Crisis Period (information review of participation in V All-Russia Scientific Conference «Sorokin's readings» «Social and Cultural Dynamics of Russia in Conditions of Global Crisis: to the 120 Anniversary from the Date of P. A. Sorokin's Birth»)..... 107

Kolesnikov V. A., Bardakov A. I., Lagutin S. G., Mkrtschan E. R., Zinovieva D. M.
 Political elite and formation of managing cadres' reserve (informational review of Russian scientific conference «Political elite and formation of managing cadres' reserve» which held in November 16–17, Volgograd, VAGS)..... 112

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.... 117

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
 не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 351.858

ПАТРИОТИЗМ – ЭТО ПРОРЫВ В НОВОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ РОССИЯН

Г. В. Орлов

Одна из проблем сегодняшнего дня – эффективность нашего преподавательского труда. Нам страна доверила поколение XXI века, поставив задачей воспитание гармонично развитой личности российского патриота. Некоторые аспекты поисков на этом пути – в предлагаемой статье.

Ключевые слова: патриотизм, гражданин, фальсификация, режим, легитимность, национальные интересы, победа.

PATRIOTISM IS THE BREAKTHROUGH TO NEW LIVING STANDARDS OF RUSSIANS

G. V. Orlov

One of the main problems today is the effectiveness of our teaching labour. The country confided us the generation of XXI century and set the mission to bring up the harmonious patriotic person. Some of the aspects of the way of searching are reflected in this article.

Keywords: patriotism, citizen, adulteration, regime, legitimacy, national interests, victory.

В канун 65-й годовщины Победы над фашизмом буквально с взрывной силой вспыхнули (нет, не полемики) скандалы по поводу нашего недалекого прошлого. С полуслова знакомое: «Шашлычная антисоветская», статья «Антисоветчик – антисоветчику» [1. С. 8], приезд Владимира Войновича из Германии, для того чтобы заявить в СМИ: «Сталин и Гитлер – два сапога пара!». Ему вторит назвавшийся историком Никита Соколов: о русском менталитете – «патриотическая зараза», «патриотический сифилис» [2].

При кажущейся беспорядочности такой атаки уже обрисовывается продуманная стратегия. Сперва усиленная критика И. Сталина переносится, разрастается до «сталинизма», до масштаба всей Советской власти. Для смягчения добавляется, что «победил народ вопреки власти», то есть власть Советов («режим») была делегитимна. На языке политологии: «Делегитимность – утрата доверия, лишение власти общественного кредита. Разочарование в идеалах, концепциях политики данной власти, в ее целях, методах, людях, которые ее представляют» [3. С. 37]. Отсюда делается попытка увязать, уравнивать преступления фашизма и сталинизма как две антинародные системы, заслуживающие адекватных наказаний.

Мы помним, в том же 1945-м Победном году начался всемирный суд над фашизмом – Нюрнбергский процесс. Он был организован в соответ-

ствии с московской «Декларацией об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства», опубликованной 2 ноября 1943 г. за подписями И. Сталина, Ф. Рузвельта, У. Черчилля. Теперь предлагается организовать подобный суд над «сталинизмом», но и это не все. Следующий шаг: оказывается и те, кто воевал за Советы против фашистов – тоже ну очень нехорошие. Александр Подрабинек: «Презрение потомков – самое малое из того, что заслужили строители и защитники советского режима». «Это вам только кажется, что вы приватизировали патриотизм, любовь к России и заботу о ее будущем. Это вам только кажется, что отдых ваш заслуженный и почетный. Это вам только кажется, что вы пользуетесь всеобщим уважением. Вам внушили это давно, но ваше время кончилось» [1. С. 8].

Вступить с ними в открытую полемику? Так они только того и ждут. Кто его знал, какого-то А. Подрабиника? А вот смачно оплевал три поколения ветеранов, и ... забыли было Г. Попова, встряхнулся, записав предателя Власова в «герои в борьбе с режимом»... Все это под прикрытием «свободы слова».

Действительно, в прессе, в научных статьях, в учебниках – разноглосье. И это хорошо подтверждено Конституцией РФ. У нас «признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государст-

венной или обязательной» (ст. 13) [4]. Добавим, что в Думе РФ четыре партии и еще больше политических оценок недалекого прошлого. В федеральном перечне учебников для средних школ на 2008/09 учебный год 23 «рекомендованных» и 5 допущенных книг по истории. Это демократично: каждый слушатель, читатель, студент имеет **право выбирать**.

И все же, на наш взгляд, есть позиция, которая четко сведет воедино **конструктивные** подходы к историческому опыту – это главенство национальных интересов государственного общества.

Наши национальные интересы такие же, как у большинства народов: сохранение территориальной целостности; развитие и защита национальной экономики; развитие и защита национальной культуры и языка. Причем все народы не против усиления связей, сближения государств во всех сферах, но с учетом национальных интересов. Эти интересы всех вместе и каждого гражданина страны в частности способны **фильтровать** аргументы и факты.

Если спор идет о том, каким вариантом эффективнее реализовать наши национальные интересы – это дискуссия. Если оскорбляется российский патриотизм – генетический код нации – это действие против национальных интересов – им соответствующая оценка.

Власть отреагировала решительно. В мае 2009 г. был опубликован Указ Президента «О Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсифицировать историю в ущерб интересам России». Указ следует принципам демократических стран. В нем два ключевых понятия: «фальсификация истории» и «интересы России».

По словарю С. И. Ожегова, «фальсификация, фальсифицировать – подделывать с целью выдать за подлинное, настоящее» [5. С. 185]. В словаре иностранных слов И. Лехина, Ф. Петрова – «сознательное искажение, подмена подлинного, настоящего ложным» [6. С. 785].

И «интересы России» давно устоявшееся понятие.

Так что к истерике фальсификаторов нам следует отнестись как к подарку, позволяющему еще раз усовершенствовать, проверить эффективность нашего патриотического воспитания поколения XXI века.

У патриотов различные участки на этом фронте: одни работают с документами, публикуют сборники, другие анализируют эти материалы в статьях и монографиях, третьи – выходят в аудиторию, готовят учебники, работают «глаза в глаза» с молодым поколением XXI века.

Решили и мы высказать свои мнения.

Волгоградская областная администрация (первый заместитель губернатора, д-р экон. наук Ю. И. Сизов) создала творческую группу, поручив ей написание учебника для студентов.

Только что вышла (октябрь 2009 г.) в Волгограде учебная книга по истории (7-е издание). Авторы – шесть профессоров ведущих вузов города: д-р экон. наук М. К. Беляев (ВолгГАСУ), д-р полит. наук А. Н. Выршиков (ВолГУ), д-р социол. наук Н. В. Дулина (ВГТУ), д-р ист. наук Е. Г. Олейникова (ВАГС), д-р ист. наук С. И. Рябов (ВГПУ), д-р ист. наук Г. В. Орлов (ВолгГАСУ) – «Отечественная история: россияне в мировой цивилизации. Мир, Россия, Волгоградская область». Под общей редакцией проф. Г. В. Орлова (Волгоград, 2009. – 632 с.).

На первой странице – «65-летию Великой Победы СССР над фашизмом ПОСВЯЩАЕТСЯ».

Наша книга о формировании и развитии национальных интересов россиян. В ней анализируется способность той или иной общественной системы, отвечая на вызовы времени. Защищать национальные интересы россиян: создавать условия для реализации политических, социально-экономических и духовных потребностей личности, гармонизировать интересы различных социальных групп, строить демократическое правовое государство.

Мы предлагаем ряд инновационных подходов в ответ на вызовы времени.

1. Первый такой вызов. Сейчас в некоторых СМИ бушует мода на разносную критику именно Советского периода в истории России.

В этой проблеме наш инновационный принцип состоит в следующем:

- государственная власть в России осуществлялась в виде монархии (до февраля 1917 г.) – Временного правительства (до октября 1917 г.) – Советов (до 1993 г.) и ныне – президентской республики;
- каждая из перечисленных систем, утверждаем мы, имела взлеты и падения в своем историческом развитии, и ни одна из них не заслуживает глобального осуждения равно так же, как и безграничного поклонения.

Отработав свой «моторесурс», они уходили в прошлое. Их нельзя «взять и отменить», их опыт можно и должно анализировать, выбирая будущее.

У нас же, как на исторические события смотрят? Одни – только левым глазом и только так оценивают все происходящее. Другие – только правым глазом – у них все в противоположном ценнике. Мы пробуем «смотреть в оба!». К этому призывает и президент Д. Медведев: «Мы должны

смотреть на свое прошлое трезво. Видеть в нем и грандиозные победы, и трагические ошибки, и примеры для подражания, и проявление лучших черт национального характера» [7].

О Советской власти. Ретроспективно о том, что бесспорно:

Советы достойно защищали национальные интересы россиян в течение 76 лет. *Территориальная целостность* страны Советской властью сохранялась и приумножалась за счет воссоединения с братскими народами. В декабре 1922 г. было создано новое государство – Союз Советских Социалистических республик на неведомых дотоле принципах федерации суверенных республик с правом выхода из его состава.

За годы Советской власти *экономический потенциал* страны увеличился в 50 раз. СССР вышел на 2-е место в мире, а по ряду показателей – на 1-е.

Суверенитет страны был обеспечен финансовой и экономической самостоятельностью, защищен достаточной обороноспособностью.

В идее, в морали Советы опирались и развивали лучшие традиции россиян – коллективизм, взаимовыручку, любовь к Родине: «Была бы только Родина, счастливой и богатою, а краше счастья Родины – нет в мире ничего!».

У этих прекрасных начинаний были тоже свои взлеты и падения, свой исторический срок жизни.

Много радости и зла, много прорывов в будущее и тяжелейших провалов сопровождало эти 76 советских лет. И в чем-то и здесь закон диалектики развития, закон единства и борьбы противоположностей. Но именно в те 76 лет ковался мост для прорыва в новое качество, в новых исторических условиях нового века. СССР победоносно отразил нападение агрессоров, в 1941–1945 гг. взял на себя всю тяжесть разгрома мощнейшей в мире фашистской военной армады, перед которой распласталась Европа. Защитил территориальную целостность страны, ее природные богатства; созданные народом материальные ценности; менталитет России, традиционный коллективизм, духовность, свободолюбие; великую многонациональную российскую культуру, жизнь новых поколений...

...**После этих побед**, после выхода из экстремальных ситуаций (со свойственными им рычагами управления) стало возможным осуществлять: переход к социально-ориентированной рыночной экономике с плюрализмом форм собственности; демократизацию общественной жизни; достойное благополучие каждого россиянина.

Бесспорным завоеванием сегодняшнего демократического общества стали – свобода слова, свобода мнений, взглядов, критериев оценок.

Дальше в беседах со студентами – факты, аргументы, перекрестки мнений.

2. Следующая проблема – ценность систем хозяйствования. Мы исходим из того, что в истории XX и XXI вв. существует две наиболее ярко выраженные системы организации производства и социальной жизни – рыночная и плановая. Каждая из них имеет свои плюсы и минусы. И, подобно маятнику, многие страны совершают путь от одной крайней точки этой амплитуды к другой: от рынка к плану и обратно, выбирая наиболее эффективные подходы к данному историческому моменту.

С середины XX в. в ряде стран были предприняты попытки (часто удачные) создать экономику, объединяющую плюсы рыночной и плановой систем. Третий путь получил название социально ориентированной рыночной экономики.

В России это движение от рыночной экономики к плановой и обратно проходило в различных политических условиях.

3. Впервые в стране мы применяем синхронный анализ (по десятилетиям) событий в Мире – России – Волгоградском регионе. Причем каждая лекция (10 летний период) имеет последовательно одинаковую структуру: *российская хроника* (основные события в стране) – *опыт цивилизаций* (Европа, Азия, Америка: система управления, организация производства, идеи, уровень жизни различных социальных групп...) – *экономика России в человеческом измерении* (анализ по тем же параметрам, что и в зарубежных странах) – *Человек* (российский менталитет, политические и экономические интересы классов и социальных групп...) – *Царицын – Сталинград – Волгоград* (те же параметры в масштабах конкретного региона).

Это о концептуальных принципах.

Следующая составляющая эффективности в патриотическом воспитании – работа в аудитории – «глаза в глаза» с поколением XXI в.

Новое поколение – всегда новое. Молодежь прагматична, требует доказательств каждого тезиса, оставляет за собой право выбирать точку зрения с учетом и интересов страны, и личного благополучия. Мы это учитываем.

Авторский коллектив руководствовался рекомендацией великого русского историка прошлого столетия В. О. Ключевского, который считал, что «каждый из нас, определяя направление своей деятельности, должен быть хоть немножко историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим Гражданином».

Для чего? Чтобы тебе было хорошо, чтобы сохранились и умножились твои достижения в родной стране. Для себя – семьи – страны.

Вот с этих патриотических по своей сути позиций и **выбирай**.

Выбор. Да, практически перед гражданами нашей страны был выбор. Особенно бескомпромиссно жестким в дни сражений.

Блокадница (в те дни студентка мединститута, а впоследствии профессор) Т. Фадеева вспоминала в 1999 г. о людях, о судьбах тех далеких дней: «...Студенты Ленгосуниверситета голодать начали уже в сентябре 1941 г.

Многие выдержали эту нагрузку. Что же помогло нам, студентам, выжить на блокадном пайке, при бомбежках, без жилья (общежитие было разрушено бомбами в ноябре 1941 г.)? Ответ один. Помогло общее горячее стремление сделать все для приближения Победы. Помогала забота друг о друге, постоянная взаимоподдержка и взаимопомощь. Это не пустые громкие слова, это было реальностью нашей жизни, наших стремлений и давало нам силы работать по 17–20 часов в сутки. Испытание голодом вело к изменению привычек, отношения к окружающим, к изменению личности. Человек оставался человеком, пока осознавал необходимость в себе окружающих, чувствовал, что должен выполнять нужную людям работу. Без этого уходили и физические силы, а главное – исчезали человеческие понятия. Все начиналось с индивидуализма, эгоизма, раздражительности, страха, а затем у многих это переходило в безволие, трусость, смерть».

Порой мы вступаем в полемику с отдельными позициями популярных и в целом талантливых СМИ.

Телепередача «Цена победы» рассказывает об огромных людских потерях в Отечественной войне. Это горе, это правда.

Фронтвики в песне клялись: «...Мы за ценой не постоим!». Действительно, цену Победы можно соотносить только с ценой поражения.

Вот что предлагал «новый» немецкий порядок, рассказываем мы в книге по документам Нюрнбергского процесса.

Позиция лично Гитлера: уничтожая большевизм и разрушив Советское государство, завоевать на Востоке жизненное пространство для немецких колонистов. Конфликт между Германией и славянами независим от политического строя, славяне неполноценны как раса, необходимо безвозвратное уничтожение в России любых форм политической организации: у рабов не бывает государства. По мнению генерала Йодля, следовало отделить Советскую власть от народа и использовать против режима политическое и социальное недовольство граждан, прежде всего крестьян.

Таков «выбор», предложенный населению нашей страны нацистами.

Мы вместе убеждаемся, что и патриотизм, и предательство – всегда личный выбор. Именно так – в равноправной со студентами полемике мы предлагаем им выбирать свою позицию в оценке исторических личностей, успехов и провалов в реформах, в многоголосице по поводу будущего Родины и их участия в прорыве Родины в число высокотехнологичных держав.

Эффективность такого одного направления в работе недавно проверили.

Как сегодня смотрит молодежь на актуальную проблему: «Патриотизм и предательство?». В канун 65-й годовщины Победы мы спросили об этом 17–18-летних учеников старших классов школы, колледжа, гимназии и первокурсников архитектурно-строительного университета, технического университета Волгограда (правнуков победителей Сталинградской битвы).

В анонимном письменном опросе участвовало 500 юношей и девушек.

Выявились три наиболее характерные позиции:

1. «Жизнь дороже Родины» – 1,5 % опрошенных. Характерные высказывания: «...По-моему, это глупо, лишать себя жизни ради того, чтобы тебя считали героем», «...Зачем мертвому награда?!», «...У каждого в жизни бывают моменты, когда он трусит. Я этого не оправдываю, но это отнюдь не предательство», «...Человек может стать предателем, потому что он видит, что страна проигрывает войну, с едой и одеждой было плохо, а немцы все это давали...».

2. «Родина дороже жизни» – 65 % опрошенных. «...Я твердо считаю, что предательство – это «черная» сторона человека, которая проявляется в трусости, в измене себе и Родине», «...У патриота всегда есть надежда, а у предателя ее нет», «...Я верю в Бога и в проклятие предателей».

3. Около 33,5 % затруднились определиться. «...Сейчас телевидение и туда, и сюда. Я и сам запутался. Кто против Сталина, вроде герой. Тогда какой Родины?», «...Относиться к предателям можно двояко: можно их осуждать, а можно попытаться понять ситуацию, в которой они оказались», «Эйнштейн сказал, что все в природе относительно, и патриотизм и предательство, думаю, тоже...».

Мы стараемся донести до студентов, доказать, что и сегодня у них есть выбор. Делайте так, чтобы вам было хорошо. Патриотизм имеет основной функцией защиту интересов личности и общности людей (интересов политических, экономических, социальных и духовных). Защитите себя, родителей, близких, свой дом, работу и образ жизни, свои духовные ценности (язык, национальные особенности, привычки...). Защитите словом, поступком, оружием. Это и будет ваш выбор.

Выбор. В морозный день 17 декабря уходящего 2009 г. молодость страны заглянула в свой завтрашний день с двумя прагматичными вопросами: «Какой будет Россия к 2020 г.?» и «Что будешь делать в ней ты?»

Завершающим аккордом в этот день стал Форум победителей «ПРОРЫВ», который собрал с спорткомплексе «Олимпийский» 20 тысяч молодых россиян, уже шагнувших в будущее своими первыми успехами.

«Мы будем делать страну сильной, мощной. И для этого нужна ваша энергия. Энергия молодых», – приветствовал их президент Дмитрий Медведев [8].

Это – мобилизация, это – первые ряды атакующих. Их руки, их плечи, их талант вливаются в ряды россиян, стремящихся вернуть России ведущее место в мире, благополучие каждому россиянину.

Библиографический список

1. Антисоветчик – антисоветчикам [Текст] // Аргументы и факты. – 2009. – № 41.
2. Именем Сталина [Текст] // Эхо Москвы. – 2009. – 22 мая.
3. Политология [Текст]: энциклопедический словарь. – М., 1993.
4. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Кнорус, 2009.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М., 1953.
6. Лехин, И. Словарь иностранных слов [Текст] / И. Лехин, Ф. Петров. – М., 1954.
7. Послание Президента РФ Д. Медведева Федеральному Собранию // Российская газета. – 2009. – 14 ноября.
8. Выступление Президента РФ Д. Медведева на Форуме победителей «Прорыв» // Российская газета. – 2009. – 19 декабря.

УДК 316.344.42

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

А. М. Старостин

В работе исследуется теория социального управления, выделяется объектный, реляционный и проективный типы управления в контексте организационных систем.

Ключевые слова: типы управления, рефлексия, субъекты и объекты управления, модели управления, элиты.

POLITICAL ELITES AND REFLEXIVE MANAGEMENT

A. M. Starostin

The article touches upon the theory of social management and types of management, such as objective, relational and projective ones in the context of organisational systems.

Keywords: types of management, subjects and objects of management, models of management, elites.

Современные политические и социально-экономические процессы в мире и в России становятся все более масштабными, многосвязными и динамичными. Что заостряет внимание как на проблемах, связанных с динамической стабильностью и нестабильностью, так и на возможностях и границах социального управления в таких условиях. Особо востребуема подобная проблематика стала в условиях современного глобального финансово-экономического кризиса. Более четко обрисовалась здесь и роль политических элит в качестве основных субъектов социального управления, включая и возможное управление политическими элитами стран-партнеров и стран-конкурентов.

Все это заставляет более внимательно относиться не только к анализу существующей практики

социального управления и, в частности, государственного управления (ситуативный анализ), но и к ее теоретико-методологическим основаниям.

Прежде всего, обращаясь к сущности управления, следует отметить, что под ним обычно понимают: «элемент и одновременно функцию организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических и др.), обеспечивающую сохранение их структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы и цели деятельности» [5. С. 19]. Сразу же подчеркнем, что в этом, в целом приемлемом для определенного контекста определении, есть свои ограничения, связанные, прежде всего, с контекстом. Ибо, например, в управлении развитием, все более востребованное применительно к современным социальным системам и организациям,

задачи «сохранения структуры и поддержания режима деятельности» имеют достаточно локальный характер, а основные задачи направлены как раз на изменение структуры и функций (и, следовательно, режима деятельности). Что же касается социально-природных систем, то здесь даже сами цели деятельности находятся в зависимости от состояния системы и приобретают динамически-нелинейный характер.

Словом, в рамках общей теории управления, понимание природы управленческих процессов неоднозначно. Попытки выстроить некую единую теорию управления как научную доктрину пока не увенчались успехом.

Сложность состоит еще и в том, что в современной теории управления мы имеем дело, с одной стороны, с представлениями и принципами управления, выработанными в кибернетике и математических теориях операций и игр, с другой – с представлениями гуманитарной природы, касающихся управления социальными организациями и теорией менеджмента. Что образует некоторый конгломерат управленческих представлений, часть которых необоснованно и неадекватно экстраполируется.

Традиционная (гуманитарная) теория социального управления, используемая в различных версиях по сей день, вполне может быть названа *социально-телеологической*. Она ориентирована на разработку технологий постановки сложных целей (принятие управленческих решений) и социальных технологий как средств их достижения.

В связи со сказанным следует особо подчеркнуть, что при столкновении с большими самоорганизующимися социальными системами, функционирующими в условиях, которые могут

быть и стабильными, и неравновесными, мы видим, что на практике социально-телеологическое понимание управления часто дает сбои, не приводит к поставленным целям. Да и невольно возникает вопрос: «А имеет ли вообще смысл использовать категорию «управление» применительно к большим самоорганизующимся системам?». В каком, например, смысле можно говорить об управлении Объединенной Европой или современной Россией?

Думается, что при столкновении с большими социальными системами и попытками целенаправленного воздействия на их функционирование и развитие мы вольно или невольно приходим к таким мыслям, в особенности, когда такие системы самопроизвольно сходят с привычной траектории движения. Примером тому выступает новейший глобальный кризис финансово-экономической системы. Никакие усилия и попытки его приостановки не приводят к стабилизации.

Для того чтобы сблизить гуманитарный и технократический подходы в теории управления, с нашей точки зрения, необходимо встречное движение со стороны этих подходов. Что касается гуманитарного, то он, по нашему мнению, должен предложить более обобщенные гуманитарные модели, которые могут в последующем быть формализованы. Основной путь здесь лежит через модели, где сопряжено понимание самих управляемых систем с определенным типом управления.

Итак, в нашем понимании основные модели управления, репрезентированные в рамках динамично изменяющихся систем, выглядят следующим образом:

Тип и структура систем	Агрегативные (стационарные)	Органические (самовоспроизводящиеся)	Рефлексивные
Тип изменений	Стационарный (стабильно функционирующий)	Эволюционный	Козволюционный
Тип управления	Объектный (внешнее воздействие на внутренние составляющие, внешнюю среду и траекторию движения или режим функционирования)	Реляционный (воздействие на структуру, связи и вещественный «геном»)	Проективный (воздействие на информационный «геном»)

В рамках данной таблицы представлены изоморфные отношения типов систем и типов управления. Однако в реальной практике социального управления мы очень часто имеем дело с гомоморфными их отношениями, когда, например, объектный тип управления применяется

к органическим и даже рефлексивным системам. Реже мы сталкиваемся с попытками переноса проектного типа управления на биологические и физические системы (великий физиолог И. П. Павлов, имея в виду подобную неадекватность, запрещал своим сотрудникам выражения

типа: «Собака подумала» и вытекающие отсюда типы воздействий).

Поскольку в аппарате описания управляющих воздействий используется значительное число терминов, имеет смысл их дифференцировать применительно к трем типам управления: объективному (1), реляционному (2) и проективному (3). Так, применительно к **объективному** типу управления чаще всего используются термины: направляющее воздействие; активизация; будирование; применительно к **рефлексивному**: руководство; влияние; целенаправленные преобразования; планирование; регулирование, упорядочение; применительно к **проективному**: развитие; подстройка; содействие; целевая детерминация; соразвитие.

Такое «аппаратное расширение», с одной стороны, и дифференциация – с другой, позволяют произвести понятийную нюансировку и расширить «понятийное гнездо», связанное с социальным управлением.

Поэтому следует подчеркнуть, что наиболее распространенная в теории и практике современного управления социально-телеологическая трактовка социального управления имеет свои границы, как и всякая научная абстракция. Очевидно, что чем с более сложной самоорганизующейся социальной системой мы имеем дело, тем более смещаемся в поиске адекватного управленческого инструментария от категорий целевой детерминации к категориям коэволюционного влияния, поддержания социального гомеостаза, социально-средового воздействия, упорядочения социально-хаотических состояний и т. п.

Наряду с приведенной авторской моделью социального управления в последние годы активно развиваются иные модели рефлексивного управления, исходящие из концепции мыследеятельности Г. П. Щедровицкого и концепции самоорганизующихся и саморефлексивных систем В. А. Лефевра [2, 3, 4, 6].

Сравнение данных подходов дает следующие различия: автор предлагает интерпретацию управления в рамках субъект-объектного подхода (s – o), включая в него аспект неклассического понимания субъект-объектных взаимодействий, задействующих антропный принцип. Что в итоге приводит к многообразию схем взаимодействия и управления, типа: s – (s – o); s – (o – o); o – (s – o).

Лефевровская концепция базируется на субъект-субъектной модели управления, отдавая предпочтение конкурентным и конфликтным взаимодействиям [1. С. 85–93]. Или, как определил еще 40 лет назад В. А. Лефевр, рефлексивное управление – это процесс, в котором один из противников передает другому основания для принятия решений.

С другой стороны, автор тяготеет к синергетическим интерпретациям моделей социального управления, где действующий субъект (или полисубъектная система) выступает аттрактором в динамически изменяющейся среде. Такой подход, с нашей точки зрения, позволяет наметить пути конвергенции естественнонаучного и гуманитарного (телеологического) подходов к управлению. Лефевровский подход не ставит такой задачи, но в его рамках происходит значительное углубление понимания внутреннего мира субъекта, рассматриваются отношения, в которых происходит «обмен внутренними мирами». Причем эти отношения представлены в формализованной форме («алгебра рефлексивных отношений»).

С нашей точки зрения, продвинуться в решении современных проблем социального развития удастся лишь после смены методологических подходов к социальному управлению и перехода к новым концепциям, подобным вышеизложенным.

Они в нашей классификации относятся к 3 типу систем (рефлексивному) и соответствующему типу управления (проективному).

Библиографический список

1. *Лепский, В. Е.* Субъектно-рефлексивный анализ парадигм управления [Текст] / В. Е. Лепский // Рефлексивный подход: от методологии к практике. – М., 2009.
2. *Лефевр, В. А.* Конфликтующие структуры [Текст] / В. А. Лефевр. – М., 1967.
3. *Лефевр, В. А.* Рефлексия [Текст] / В. А. Лефевр. – М., 2001.
4. Рефлексивный подход: от методологии к практике [Текст]. – М., 2009.
5. Теория управления [Текст] / под ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина. – М.: РАГС, 2008.
6. *Щедровицкий, Г. П.* Философия. Наука. Методология [Текст] / Г. П. Щедровицкий. – М., 1997.

УДК 321.01

«КОНСЕРВАТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ» И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Е. Н. Мельниченко

Статья посвящена актуальным проблемам модернизации в контексте выступлений и публикаций Президента РФ Д. Медведева и материалов XI съезда партии «Единая Россия». Основное внимание уделено анализу структурных и функциональных особенностей современной системы представительства и государственного управления, поиску путей и способов модернизации государственного аппарата и его кадрового корпуса.

Ключевые слова: демократия, консерватизм, коррупция, модернизация, мобилизация, политическое развитие, рационализация, самоорганизация, эффективность.

«CONSERVATIVE MODERNIZATION» AND RUSSIAN POLITICAL AUTHORITY

E. N. Melnichenko

The article deals with problems of modernization in the context of speeches and publications of the RF President D. Medvedev and the XI Congress materials of the Party "United Russia". The article focuses on structural and functional special features of the modern representation and states government system and on the search of ways and methods of the state machinery and its personnel modernization.

Keywords: democracy, conservatism, corruption, modernization, mobilization, political development, rationalization, self-organization, effectiveness.

Три года назад в одной из своих статей мы попытались оценить наиболее вероятные сценарии развития России [7. С. 22–27]. Один из них описывался в терминах технико-экономической деградации, массовой маргинализации, авторитарной регрессии и т.п. Другой представлялся как движение к эффективной конкурентной экономике, встроенной в мирохозяйственные связи, к самодостаточному гражданскому обществу, демократии и прочим достижениям западного модерна.

Надо признать, что за прошедшее время перспективы не стала более понятной. Будущее страны не предопределено и оба сценария в равной степени вероятны. При этом, если пессимистический сценарий воспроизводится самопроизвольно, то реализация оптимистического (и, разумеется, желательного для россиян) требует осмысленных стратегий, напряжения сил и долгой кропотливой работы.

Речь идет, прежде всего, о стратегии национального развития, под которой следует понимать концептуальную модель желаемого (и, что важно, принимаемого обществом) социального порядка, а также пути, средства, этапы воплощения ее в жизнь. Следует заметить, что по части сочинения разного рода концепций и проектов дело у нас обстоит неплохо. Однако до детального планирования, распределения функций и ответственности, изыскания ресурсов, организации работ, и прочей «черной работы» руки у инициаторов масштабных проектов, как правило, не доходят. Оно и понятно: муть сапоги в Индийском океане куда как приятней, чем месить ими грязь родного бездорожья.

У кого есть такая осмысленная, обоснованная, проработанная и жизнеспособная стратегия, и есть ли она вообще – вопрос открытый. Во всяком случае, дальность полета партийно-политической мысли не превышает одной – двух легислатур, а точка ее приземления ограничивается тем или иным числом мест в законодательных собраниях.

То, что предыдущий и действующий президенты излагали в своих посланиях и обращениях представляет скорее не системную и последовательную концепцию развития, а набор тактических лозунгов и интуитивных замыслов, структурных дефектов общества и государства не устраняющих. К сожалению, события последних месяцев несколько не опровергают этих умозаключений, а, напротив, укрепляют. Несмотря на то что в стране объявлена всеобщая модернизация, явной мобилизации масс и консолидации элит вокруг модернизационного проекта пока не наблюдается.

В чем дело? Основная причина, как представляется, состоит в противоречивом отношении российских граждан к своему государству, которое представляет собой смесь патерналистских ожиданий и недоверия. Не вдаваясь в причины этой амбивалентности, отметим, что патернализм ставит несамодостаточные слои в позицию пассивного ожидания государственных услуг, а недоверие проблематизирует включение потенциально активных групп в исходящие от власти инициативы. И то и другое питает взаимное отчуждение общества и власти, что в конечном

счете лишает сколь-нибудь масштабный национальный проект массовой поддержки.

В такой ситуации модернизаторская миссия всецело ложится на государство, а сама модернизация вписывается в парадигму «догоняющего развития». В этой парадигме государственное насилие выступает естественным (и решающим) фактором преодоления исторических тупиков, внутренних и внешних кризисов. Более того, ослабление государственного начала всегда означало разброд в обществе, кровавые конфликты между верхами и низами, ужасающие бедствия. Вспомним Смуту начала XVII в., кровавые 1917–1920 гг., моральный и социальный хаос 90-х гг., порожденный развалом государственных структур.

Повторяемость этих процессов указывает на наличие традиционной матрицы воспроизводства структурных оснований российского социума, к коим мы относим госкапитализм, корпоративизм и клиентелизм (как универсальную форму организации государственных и общественных институтов). Естественной расплатой за форсированную, принудительную, неорганичную модернизацию является ее диалектическое отрицание в циклическом движении от «катастрофической эффективности» к столь же «катастрофической неэффективности», вызванной истощением и деструкцией государства и общества.

К счастью, сегодня насилие не может служить средством технологического развития и экономического роста. И дело не только в том, что в мировом общественном мнении это считается дурным тоном, а в том, что плоды модернизации и теперь и в будущем будут измеряться не тоннами и кубометрами, а совокупным интеллектуальным потенциалом нации, для развития которого требуется свобода творческого самовыражения.

В новой ситуации не остается ничего иного, как мобилизация «сверху» с использованием институтов политической инфраструктуры в качестве «приводных ремней» от власти к массам. В нашем случае это – СМИ, а также партийная система с одним главным и тремя вспомогательными (так называемая «конструктивная оппозиция» в ГД) «ремнями», интегрированными в корпоративистскую «вертикаль власти». Это, пожалуй, и все, поскольку профессиональные союзы, группы по интересам, гражданские инициативы и прочие субъекты гражданского общества в экономических, социальных и политических процессах почти не просматриваются. Поэтому для оценки перспектив нового модернизационного проекта следует проанализировать программные установки партии «Единая Россия», которая, если судить по материалам ее XI съезда, назначена генподрядчиком мобилизационных работ [5, 10, 11, 12].

Главные вопросы состоят в следующем: насколько план модернизации, озвученный первыми лицами государства и руководством «партии власти», теоретически обоснован и идеологически убедителен, насколько он реалистичен, какова ее политическая «капиталоемкость»? Следует прямо сказать, что в своем нынешнем виде он оставляет больше вопросов, чем ответов и, на наш взгляд, нуждается в серьезной доработке. Проблемы обнаруживаются уже в самой идеологии проекта, где предпринимается попытка совместить несовместимое. Скрещивать консерватизм с модернизацией все равно, что давить на газ и тормоз одновременно. Нетрудно заметить, что при всей привлекательности государственных и партийных программ указанный гибрид будет работать прежде всего на сохранение *status quo*. Все понимают, что «консерватизм» от слова «консервировать». Можно предположить, что именно этот смысл вкладывает Б. Грызлов в понятие «российский консерватизм». В свое время такого рода «консерватизм» в исполнении Л. Брежнева был назван «застоем». Если это так, то нам, скорее всего, предлагают имитационный проект «консервативной модернизации».

Серьезно умаляет достоинство проекта отсутствие тщательной проработки его в части определения приоритетов, сроков, этапов, ближайших и последующих задач, ресурсов и исполнителей. Неясно, например, в какой последовательности будет осуществляться модернизация социальной сферы и экономики. Наконец, непонятно, что собираются делать «консерваторы-модернизаторы», чтобы государство и его аппарат превратить из тормоза в локомотив прогресса. Тема политической модернизации свелась к призывам развивать партийную систему и укреплять российскую демократию. Слово «коррупция» прозвучало в докладе Б. Грызлова лишь единожды в одном ряду с алкоголизмом.

Думается, российским ученым и политикам еще предстоит выработать научную и эвристически продуктивную концепцию модернизации своей страны. Прежде всего, надо понять, что модернизация не политическая кампания, не пиаровская фишка, а экзистенциальная для современной России задача. Как отмечают некоторые эксперты, перед Россией стоит несколько вызовов [11. С. 22–27].

Первый – экономический и геополитический. Страна занимает восьмую часть суши, обладает огромными природными ресурсами при 2 % мирового населения и 3 % от мирового ВВП. Налицо огромная диспропорция между геополитическим, экономическим, и демографическим потенциалами. И это при растущем отставании теперь уже не только от Запада, но и от Востока.

Другой вызов связан с открытостью страны. И сколько не говори о патриотизме отъезд наиболее способных и конкурентоспособных людей становится неизбежным. Изменить эту ситуацию можно, или закупорив страну, что невозможно, или создав в стране условия жизни, сопоставимые по качеству с западными.

Третий вызов находится внутри страны. В России формируется буржуазное общество. В сознании людей укореняются такие ценности, как частная собственность, права человека, демократия. И на этом фоне система управления страной осталась архаичной – феодально-бюрократической, отчужденной от большинства населения, крайне неэффективной, что ставит под угрозу существование государства как такового.

Четвертый вызов заключается в том, что в обществе нет осознания того, что так дальше жить нельзя. В конце 80-х гг., когда Горбачев объявил перестройку, масса людей понимала, что дальше так жить нельзя. Сейчас у людей ощущение, что жизнь, в общем-то, нормальная и оно не побуждает что-то менять. Поэтому призывы руководства не всегда находят своего адресата.

Другая задача состоит в серьезном пересмотре представлений о модернизации, которые формировались в 90-е гг. Надо, наконец, понять, что модернизация – это естественноисторический процесс, который осуществляется самопроизвольно, нередко вопреки воле различных политбюро и прочих властвующих кланов. Поэтому их задача (властвующих элит) не препятствовать и не подгонять, а встраиваться в процессы модернизации. Недавняя история России – тому свидетельство. С одной стороны, страна пережила дезинтеграцию, деиндустриализацию, распад всей политико-экономической структуры СССР, которые видимо, были неорганичны для XXI в. С другой – внедрение и массовое распространение технологий, которые в начале 90-х были экзотикой (компьютеры, Интернет, сотовая связь и т.п.). Чрезвычайно возросла социальная мобильность, возникли новые субъекты хозяйственных и политических отношений, хотя никаких планов на этот счет не принималось и власть, занятая текущими проблемами, ни о какой социальной или экономической модернизации речи не вела. Правда, политической модернизации «повезло» больше. В свое время тема эта была весьма популярна у политологов и политиков, однако, вырождение концепта в теорию и практику «цветных революций» и откат к авторитаризму на всем постсоветском пространстве изрядно понизило спрос на вестернизаторскую политическую инженерию, а заодно показало, что модернизацию нельзя делать по произволу.

Судя по всему, мы имеем дело с нелинейным процессом самоорганизации мирового сообщества, а структурная ломка и трансформация национальных, региональных и глобальных социальных, экономических, политических и технологических структур разворачивается как самопроизвольный процесс их адаптации, к новым обстоятельствам инициируемый не национальными элитами или «мировой закулисой», а объективными процессами глобализации и межкультурной коммуникации. Стало быть, политика модернизации может иметь успех, если она строится с учетом глобальных процессов и проблем, а также с учетом внутренней логики и закономерностей самой модернизации как процесса продвижения к более высокому уровню системной самоорганизации, эффективности и адаптивности.

В этом контексте по-новому встает вопрос о целях и содержании национального развития. Парадигма модернизации (во всяком случае, в ее вестернизаторской версии) должна уступить место парадигме адаптации, где во главу угла ставится не приближение к западным стандартам, которые между прочим тоже на месте не стоят, а движение к открытой, саморегулируемой, гибкой и эффективной системе управления социальными процессами, способной своевременно и адекватно реагировать на новые вызовы и проблемы.

Строго говоря, это уже не вполне система, а некая подвижная структура – механизм для изучения альтернатив (Ральф Дарендорф). «Экономические структуры и политика в нем не predetermined. Поэтому политическое развитие сводится не столько к изменению и созданию каких-то политических отношений и норм, сколько к возникновению политических институтов для решения постоянно расширяющегося круга социальных и экономических проблем в процессе формирования нового, открытого типа взаимодействия политической системы и общества. Такое взаимодействие предполагает: создание политических организаций, обеспечивающих для населения не только право, но и реальную возможность влиять на принятие политических решений (избирательное право, политические партии и группы интересов, свободная пресса); изменение ориентации политической элиты и лидеров в направлении свободной конкуренции политических программ и лидеров; формирование рациональной бюрократии (компетентной и ответственной перед политиками), обеспечивающей выполнение необходимых управленческих функций на основе беспристрастной законодательной системы и правовой технологии разрешения конфликтов.

Если рационализация, национальная интеграция и социальная мобилизация определяют предпосылки изменений в политической системе, то ее эволюция предполагает формирование механизмов, связывающих интересы и требования населения с властью. Отсюда следует, что страна становится политически более развитой, если ее политическая система изменяется в направлении более выраженной артикуляции интересов социальных групп (посредством добровольных ассоциаций), лучшей агрегации интересов (с помощью политических партий), результативной политической социализации (через расширение средств массовой коммуникации, позволяющих населению успешно усваивать политические нормы и ценности)» [2. С. 71–72].

Система развивается, если имеет место последовательное приращение ее способности активно реагировать на изменения внешней и внутренней среды, изыскивать и оптимальным образом распределять и использовать ресурсы, обеспечивать необходимый темп социально-экономической динамики и приемлемый с точки зрения базовых принципов данного общественного устройства уровень политической конфликтности. Политическое развитие в таком понимании – это приобретение новой возможности (или совершенствование старой), позволяющее политической системе достаточно эффективно и автономно реагировать на новую область проблем. Трудности политического развития возникают тогда, когда одновременно появляются требования, касающиеся сразу нескольких этих возможностей. Добавим также, что трудности и проблемы объективного порядка сплошь и рядом усугубляются политическим субъективизмом, волюнтаризмом, ложными целями и негодными политическими технологиями.

Эти рассуждения могут послужить отправной точкой для выработки ориентиров и критериев новой стратегии модернизации. Ее исходным пунктом, по нашему мнению, должна стать модернизация системы государственного управления, которая могла бы вывести страну на траекторию устойчивого и динамичного развития. При этом подчеркнем, что в ближайшей и среднесрочной перспективе речь не идет о полноценной демократизации, а лишь о доведении существующего режима до уровня эффективности, достаточного для организации экономических и социальных реформ.

Здесь надо исходить из фазовых и временных параметров воспроизводства российской политэкономической системы, ибо любой социальный проект обречен на неудачу, если он не согласован с режимом автоколебаний реформируемой

системы. Все указывает на то, что нынешний цикл воспроизводства политической системы (30 лет с двумя полуциклами 1985–1999 и 2000–2015 гг.) проходит в традиционном для России формате как по темпам, так и по содержанию [8]. Извечно в России воспроизводится однотипная, по сути, политэкономическая и социальная структура, что превращает воспроизводственные циклы в «дурную бесконечность» – бег по кругу без выхода за пределы качества, заданного условиями среды и логикой исторического развития. Это – модернизация сверху и вдогонку, а также либерализация без демократизации. Перерастет ли на следующем витке либерализация в демократизацию, покажет время, а пока придется преодолевать дефекты политической системы, которые препятствуют ее превращению в действенный фактор социально-экономического развития.

Проблема, конечно, не в определениях, а в реальном содержании основных составляющих политики – системе представительства и системе государственного управления. Нет нужды доказывать, что обе подсистемы пока не отвечают критериям демократии, и даже критериям эффективности авторитарных режимов. Как известно, институт представительства, основными компонентами которого являются политические партии и избирательная система, группы интересов, СМИ, предназначен для того, чтобы выявлять и сопоставлять все разнообразие общественных потребностей, интересов, представлять их государству в виде задач и ограничений, контролировать деятельность государства по реализации этих задач и ограничений.

Приходится признать, что эти функции реализуются лишь отчасти и ущербно, ибо система представительства как институт у нас как-то не складывается. Возникнув на рубеже 90-х из пучины стихийной самодеятельности, когда разного рода общественные объединения регистрировались тысячами, она плавно перешла в фазу вырождения, которое усугубляется последними новшествами в избирательном и партийном законодательстве. Так что приходится довольствоваться тем что имеем – «Единой Россией» и Общественной палатой. Биполярная и, что очень важно, конкурентная партийно-политическая система западного типа у нас не заладилась в силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств, зато клоны КПСС возникают как бы самопроизвольно при всякой смене хозяина Кремля. И это не удивительно при той культуре участия, которая вынуждает законодателя отменять нижний порог явки на выборы.

Не лучшим образом обстоит дело в регионах. Электоральные циклы 1999–2008 гг. в известной

мере консолидировали политический режим, но не консолидировали демократию. В большинстве субъектов Федерации, среди которых Волгоградская область не исключение, выборы нередко используются как инструмент номенклатурно-кланового господства, трамплин для политической карьеры безнравственных, а то и криминальных личностей, средство оболванивания населения. За годы либеральных реформ политическая жизнь в российской провинции не стала публичной и прозрачной, а, напротив, приобрела двойное измерение, двойные мировоззренческие стандарты и соответственно двойное содержание. Внимание обычно фиксируется на тех процессах, которые лежат на поверхности общественной жизни, поддаются наблюдению и эмпирической фиксации, хотя главное происходит как раз в «подводной» части на уровне теневой политики. Это латентное пространство имеет хорошо организованные и интегрированные в политическую структуру области группы давления с их неформальными отношениями с местной властью и теневым бизнесом, с системой лоббирования интересов различных групп за пределами области. Основными политико-экономическими процессами здесь остаются отчуждение и перераспределение финансовых средств и других ликвидных ресурсов с использованием рычагов власти и влияния. Такой порядок блокирует развитие гражданского общества и полноценных институтов представительства.

Способность государства быть эффективным зависит от двух основных факторов – *состояния государственного аппарата*, (система органов и должностных позиций) и *состояния кадрового корпуса государства* (персональный состав и профессионализм работников этого аппарата).

Наиболее серьезными недостатками российского государственного аппарата являются его неспособность эффективно обеспечивать права и свободы граждан, а также собственную эффективность. При этом второй является решающим, поскольку: во-первых, это резко ослабляет возможность использования государственного аппарата как средства модернизации экономики, без чего задача формирования демократического государства не может быть решена ни по сути, ни в связи с финансовыми ограничениями; во-вторых, это сильно снижает и без того слабую способность институтов представительства адекватно отображать потребности общества как задачи государства, в силу чего государство из потенциально наиболее эффективного инструмента трансформации общества превращается в фактор противодействия ей.

Что же касается состояния *кадрового корпуса* государства, то для него характерны: недостаточ-

ность и несистемность нормативно-правового регулирования правового статуса и деятельности государственных служащих; некомпетентность значительной части государственных служащих, особенно в правовых, финансово-экономических и кадровых вопросах; снижение престижа государственной службы, неуверенность в собственном положении значительной доли государственных служащих; коррумпированность государственного аппарата, использование должностного положения как источника дополнительных доходов, преимуществ и т. п., отсутствие связи личного интереса чиновников с конечными социальными результатами их деятельности.

В целом можно констатировать полную оправданность господствующего в обществе убеждения, что функционирование государственного аппарата на всех уровнях управления – федеральном, республиканском и местном – не соответствует задачам осуществления экономических, социальных и политических реформ. Между тем проблемы государственного аппарата постоянно выпадали из списка приоритетных или откладывались до более подходящего момента. Что же касается административной реформы, то она, на наш взгляд, была проведена в точном соответствии с «законом В. Черномырдина» – «Что бы ни делали, получается как всегда». Следствием ее стало увеличение численности госаппарата при одновременном снижении его эффективности и росте коррупции. И так будет до тех пор, пока политическое руководство страны не поймет, что с таким аппаратом мелкий бизнес не поднимешь, инвестиционный климат не улучшишь, нефтедоллары в Стабфонде не убережешь, время, отпущенное на возрождение страны, растратишь. Что собственно и происходит. И если уж пенять на нынешнюю власть, то прежде за дефицит ответственного конструктивного авторитаризма, способного обеспечить в стране закон, порядок, государственную дисциплину.

Нужна концепция реформирования государства, взамен нынешней политики государственного строительства с ее неопределенностью целей и отсутствием политической воли к модернизации и рационализации госаппарата. Для дальнейшего развития страны без реформы самого инструмента реформ, то есть государства, уже не обойтись. Власть, чтобы избежать анархии должна это сделать самостоятельно.

Анализируя причины, вызывающие дисфункции государства, легко увидеть, что все они имеют общую основу – практически полное отсутствие ответственности государства перед обществом, общества перед государством, уровней и ветвей власти друг перед другом. При этом речь идет не

о недостатках системы ответственности, а об отсутствии ответственности как таковой. Следовательно, сутью стратегии развития, о которой идет речь, должно стать *формирование ответственного государства*. Носителем этой стратегии могли бы быть правительство, Государственная Дума, президент, причем в триединстве, что является уязвимым местом означенной стратегии. Достичь здесь консенсуса трудно, однако возможно при определяющей роли президента. Ключевую роль президента в данном случае можно обосновать, исходя из концепции плебисцитарной демократии М. Вебера. Вебер полагал, что харизматический лидер, стоящий вне классов, статусов и политических клик, имея независимый от бюрократии источник легитимизации своей власти, и не будучи интегрирован в бюрократическую иерархическую структуру, смог бы объединить вокруг себя нацию и защитить индивида от «бюрократической тирании» [1. С. 644–706].

Трудно отказать в логике М. Делягину [3. С. 174–175], который отмечает своеобразие системы управления в России, где президент определяет стратегию государства и утверждает законы, а ответственность за их реализацию лежит на правительстве и принимающей законы Госдуме. Эта «византийская» система снимает с руководителя страны ответственность, способствуя дезорганизации и деградации государства. Для устранения этого институционального дефекта следует преодолеть искусственное разделение функций стратегического и тактического управления и совместить посты президента и премьера, установив, что президент по должности обязан не только формировать, но и непосредственно возглавлять правительство. Соответственно надо объединить администрацию президента с аппаратом правительства, перейдя к некоторому подобию наиболее логичной и внутренне стройной американской системы.

Сегодня депутаты Госдумы не получают даже ответов министров на свои вопросы. Это освобождает правительство и администрацию президента от ответственности перед парламентом. Чтобы исправить положение, надо дать Госдуме право парламентского расследования, на котором должны давать показания все граждане России, кроме президента.

Переход к фактическому назначению губернаторов создал возможность интеграции федеральной и региональной систем госуправления по типу наиболее эффективных коммерческих корпораций. Надо установить, что госуправление объединяет функциональное и отраслевое управление, осуществляемое федеральными органами исполнительной власти, с территориальным

управлением, осуществляемым губернатором. Их функции должны быть разделены по каждому вопросу. Неминуемые конфликты, вызываемые объективно обусловленным различием интересов центрального и территориального управления (а также между федеральными ведомствами), должны разрешаться Комиссией по административным спорам – компактным органом в составе аппарата президента, находящимся под контролем президента, и специально назначенного Наблюдательного совета.

Контрольные функции должны быть переданы специально выделенным органам с хорошо развитой обратной связью. Контрольные функции в рамках компетенции федерального Центра осуществляются только федеральными структурами на всей территории страны. Функции контроля и решения споров должны быть разделены, а занимающиеся ими структуры – не связаны друг с другом.

Функции оказания госуслуг также должны быть отделены от управления и максимально централизованы для облегчения контроля. В частности, все значимые госзакупки целесообразно осуществлять через единую Федеральную контрактную корпорацию, находящуюся (как потенциально коррупционная структура) под особо жестким перекрестным контролем.

Функции инноваций, сегодня размытые, должны быть сосредоточены: технологические – в Министерстве науки и технологий, управленческие – в Аппарате президента. Эти структуры должны организовывать экспертизы и принимать решения о внедрении.

Региональное управление должно строиться не по принципу «удельных княжеств», а быть встроено в единую систему государственной исполнительной власти. Так, вице-губернаторы и руководители департаментов региональных правительств, курирующие вопросы общенационального значения, должны подчиняться не губернатору, а профильному органу федеральной исполнительной власти и принимать все необходимые решения в соответствующей сфере. Губернатор должен лишь координировать их деятельность, кроме руководителей силовых, кадровых и финансовых структур. Они должны предоставлять ему информацию о своей деятельности в касающейся его части, но оставаться самостоятельными и не быть объектом даже координации с его стороны.

Конфликты между руководителями региональных структур исполнительной власти (или между ними и губернатором) должны решаться Комиссией по административным спорам Аппарата президента. Губернатор не должен обладать

контрольными функциями в отношении вопросов, имеющих общенациональную значимость. Более того, он не должен иметь возможность принимать решения о финансировании, которые должны находиться в компетенции руководителей соответствующих региональных структур исполнительной власти.

Такое возможно лишь на технологии электронного документооборота, которая делает госуправление прозрачным и экономичным. Она может давать руководителям федеральных органов исполнительной власти и губернаторам доступ ко всей деловой электронной переписке своих подчиненных, а представителям контрольных структур – ко всей переписке, имеющей отношение к контролируемым ими сферам и вопросам. Ускорение документооборота позволит сократить численность государственного аппарата при повышении его эффективности и оперативности.

Прозрачность принимаемых решений, соответствие их жестким процедурам и нормативам, наличие обратной связи создаст необходимые институциональные и технологические предпосылки для ограничения коррупции, которая превратилась в первое и главное препятствие на пути к обновлению страны. Российская государственность сегодня используется не для модернизации, а как инструмент тотальной коррупции, ставшей едва ли не главным мотивом государственной службы. По сути, практически любой новый инвестиционный проект в России реализуется с кратным коэффициентом по отношению к исходной себестоимости из-за технической отсталости и коррупционной нагрузки. В этих условиях об успешной модернизации в России не может быть и речи.

В качестве материальных предпосылок антикоррупционной политики можно предложить повышение зарплаты и социальные гарантии чиновникам (во многом это уже сделано), увязав их на формальной основе с эффективностью работы чиновников. Было бы полезно провести реструктуризацию аппарата госуправления как для его рационализации, так и для подавления укоренившейся в нем культуры коррупции. Сюда же следует добавить реформу правоохранительной системы в целях создания многоуровневого контроля и ответственности судейского корпуса в сочетании с гарантиями независимости, безопасности и социальной обеспеченности судей аналогичную той, что осуществил де Голль во Франции при модернизации судебной системы.

Решение этих задач даст перспективу для формирования целостной системы контроля и ответственности по следующим взаимосвязанным направлениям:

- формирование системы политического контроля за деятельностью органов исполнительной власти, предполагающей возможность членов общества через представительные институты обеспечивать целесообразность деятельности государственных органов и должностных лиц;
- формирование системы административного контроля, предполагающей обязательность надзора вышестоящих органов исполнительной власти за законностью и целесообразностью деятельности подчиненных органов и должностных лиц;
- формирование системы судебного контроля за деятельностью органов законодательной и исполнительной властей, предполагающей возможность членов общества через специализированные государственные органы обеспечивать законность деятельности органов власти и должностных лиц;
- формирование системы публичной ответственности государства, предполагающей возможность членов общества через институты гражданского общества обеспечивать эффективность деятельности государственных органов и государства в целом;
- создание высокопрофессионального и обладающего необходимым моральным состоянием корпуса государственных служащих, независимых в своей деятельности от политической конъюнктуры и личных пристрастий и влияний;
- формирование в общественном мнении положительного образа государства и государственного служащего и др.

Конечным итогом такой стратегии должны стать рационализация государства и государственной службы. Вместо того чтобы навязывать людям социальный порядок, соответствующий представлениям властвующей элиты, государство должно, во-первых, обеспечить безопасность общества, поддерживая в нем некоторый порядок, позволяющий как-то гармонизировать различные аспекты этой безопасности; во-вторых, предоставить членам общества услуги, которые по социальным, экономическим или иным причинам нецелесообразно оказывать в порядке индивидуальной самостоятельности; в третьих, сдвигаясь от функций патронажа к функциям «ночного сторожа», сформировать среду обитания, обеспечивающую самостоятельность социальных субъектов.

Авторитаризм такого государства будет последовательно убывать по мере вызревания гражданского общества и механизмов саморегуляции. Это долгосрочная перспектива. Проскочить за 30 лет дистанцию, которую Запад прошел за 150–200 лет, немислимо. Политике безответственной социальной инженерии, «оранжевых революций» и катастроф надо противопоставить стратегию постепенного демонтажа одряхлевшей социаль-

ной системы и управляемого транзита. Порядок лучше анархии – это аксиома! Сегодняшняя проблема России не столько в дефиците демократии, сколько в нехватке эффективного мобилизующего авторитаризма с разумной и ответственной стратегией развития, которая рано или поздно приведет его к самоотрицанию.

Хочется надеяться, что в следующем цикле либерализация дойдет не только до олигархов и монополий, но и до широких предпринимательских слоев, а государство обретет своих граждан. В этом случае появится спрос на демократию и соответственно шанс на выход из порочного круга авторитарно-имперской «дурной бесконечности». Проведение административной реформы по описанным выше принципам создаст в России эффективный аппарат управления и кардинально повысит ее глобальную конкурентоспособность.

Библиографический список

1. Вебер, М. Политика как призвание и профессия [Текст] / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990.
2. Дарендорф, Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе [Текст] / Р. Дарендорф // Вопросы философии. – 1990. – № 9.
3. Делягин, М. Т. Россия для россиян [Текст] / М. Делягин. – М., 2009. – 480 с.
4. Ильин, В. Реформы и контрреформы в России [Текст] / В. Ильин, А. Панарин, А. Ахиезер; под ред. В. В. Ильина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 400 с.
5. Медведев, Д. А. «Единая Россия» справилась с поставленными задачами. Выступление Д. Медведева на XI съезде ЕР. 21.11.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edinros.er.ru/er/text.shtml?11/0372,110043>

6. Мельвиль, А. Ю. Демократические транзиты: теоретико-методол. и прикл. аспекты [Текст] / А. Ю. Мельвиль. – Моск. обществ. науч. фонд. – М.: 1999. – 106 с.

7. Мельниченко, Е. Н. «Ответственное государство»: от метафоры – к реальной политике [Текст] / Е. Н. Мельниченко // Научный вестник ВАГС: сб. науч. ст. Выпуск 7. 15 лет российских реформ: итоги, проблемы, перспективы. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007.

8. Мельниченко, Е. Н. Западный модернизм и историческая логика России: возможен ли синтез? [Текст] / Е. Н. Мельниченко // Научный вестник ВАГС: сб. научных статей. Выпуск 2. – Волгоград: Изд-во ВАГС, 2002. – 284 с.

9. Моцеллоков, Е. Н. Реформы-революции в России как непрерывный циклический процесс (постановка проблемы) [Текст] / Е. Н. Моцеллоков // Вестник МГУ, серия 12. Социально-политические исследования. – № 5. – 1994.

10. Партия должна активно участвовать в политической борьбе. Доклад председателя «Единой России», премьер-министра РФ на XI съезде «Единой России» / Официальный сайт партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edinros.ru/text.shtml?10/9267,110041>.

11. Послание президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 [Текст] // Российская газета. – Федеральный выпуск №5038 (214). – 2009. – 13 ноября.

12. Пять приоритетов модернизации. Определены направления развития экономики [Текст] // Российская газета. – Неделя №5043 (219). – 2009. – 19 ноября.

13. Rustow, D.A. Transition to Democracy: Towards a Dynamic Model [Text] / D. A. Rustow // Comparative Politics. – 1970. – April.

14. Huntington, S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century [Text] / S. Huntington. – Norman, London, 1991.

УДК 322.2

ПОЛИТИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ФЕНОМЕН «ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ»

Е. М. Дринова

Статья посвящена исследованию политических процессов в религии, которые своим основанием уходят в эпоху античной демократии, а в наше время обусловлены глобализацией общества. Объектом исследования являются политические процессы в религии, их формы и механизмы. Утверждается, что закономерной реакцией на эти процессы в современном мире стало появление политической религии.

Ключевые слова: политическая религия, конфессиональный партогенез, радикальный ислам, идеологические религиозные доктрины.

POLITICIZATION OF RELIGION IN MODERN WORLD AND «POLITICAL RELIGION» PHENOMENON

E. M. Drinova

This article is about the research of political processes in religion which basis is in antique democracy epoch, and nowadays are caused by the globalization of society. The objects of research are political processes in religions, their forms and mechanisms. The natural reaction to these processes in the modern world became the political religion.

Keywords: political religion, confessional partogenez, a radical islam, ideological religious doctrines.

Одной из актуальных тенденций мирового развития, обозначивших в современном мире новую интерпретацию застарелого противоречия между светским и религиозным, стало нарастание политических процессов в религии, ее радикальная политизация. Интенсивно протекающие процессы политизации религии вызывают серьезную трансформацию религии как социального института, и как следствие оказывают не всегда позитивное влияние на развитие большинства современных государств, в том числе и России. Это сложная и пока мало изученная в современной социально-политической мысли проблема. Для того чтобы в определенной мере претендовать на целостное и объективное ее исследование, любому аналитику, на наш взгляд, необходимо применять те методы, которые будут наиболее адекватными самой предметной области исследования и окажутся максимально эффективными в изучении как формирования, так и протекания политических процессов в самой религии.

В первую очередь – это диалектический, геополитический, структурный, исторический, цивилизационный подходы. С позиций диалектического подхода религия и политика рассматриваются как взаимно полагающие, так и взаимно отрицающие друг друга социальные процессы. Уже это обстоятельство дает возможность определить саму внутреннюю логику предмета исследования – выявить взаимопроникновение идейных конструкций и их практические вариации при ответе на вызовы эпохи. Структурный метод позволяет обозначить структурные элементы религии и выявить их последующие качественные

трансформации в зависимости от реальных политических процессов, протекающих в обществе, и задач, стоящих перед ним. Культурологический и исторический методы позволяют исследовать роль формообразующих доктрин религии в политических процессах в контексте исторического развития общества. Геополитический подход акцентирует внимание на мобилизационной функции религии, направленной на достижение как региональных, так и мировых политических целей. Основная идея модернистского подхода, на наш взгляд, заключается в том, что процессы модернизации вызывают разнонаправленные процессы в религии. С одной стороны, они ослабевают роль религии в обществе, в результате ее влияние на политические процессы постепенно снижается, что приводит к секуляризации социальной жизни. С другой стороны, влияние модернизации, как глобализации, выразилось в усилении уровня религиозности в мире, что привело к сохранению традиционных для религии институтов общественной жизни, что отразилось в таких аспектах, как увеличение социального служения и благотворительности взамен аскезе. Третья тенденция кладет в основу стремление к сохранению и воспроизводству религии в самобытной форме. Вот почему реакция на глобализацию со стороны исламского мира была и остается столь непредсказуемой и агрессивной. Для мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока, Индии глобализация выразилась в усилении традиционного института религии. О существовании внутренней, глубинной связи между процессами глобализации и конфессиональными деструкциями, свидетельствует бурный всплеск религиозного терроризма.

Несомненно, изучение политических процессов в религии значительно шире обозначенной нами проблемы, а, следовательно, ее исследование не может ограничиваться рамками указанных подходов и обозначенных понятий. Для нашего исследования принципиальными являются такие понятия, как религиозная экспансия, конфессиональный партогенез, миссионерская деятельность, военно-религиозный конфликт, религиозный терроризм. Особое внимание нами уделяется идеологическим религиозным доктринам, экзистенциальным аспектам политического бытия религии. Представляется перспективным сочетание политической и философской методологии, применение различных методов при анализе политических процессов в религии как в рамках религиозно-психологических аспектов исследований, так и в рамках феноменологического и экзистенциального дискурсов. Концептуальный анализ позволяет, по существу, определить специфику политизации религии (многообразие политических процессов в стратах религиозного бытия).

По-видимому, в этой связи, учеными разрабатывались и разрабатываются такие направления и подходы и аспекты анализа взаимосвязи религии и политики, как политическая антропология (Л. Вольтман), политическая теология (К. Шмитт), особое место в этом процессе занимает русская религиозная политическая философия (В. Соловьев). Эти исследования напрямую указывают на необходимость политического измерения религии, на корреляцию теологических концептов с системами либерально-демократических, ультра-радикальных и иных политических ценностей. Основываясь на их работах, можно с большей долей уверенности осуществлять новые методологические подходы, которые позволяют исследовать различные религиозно-политические процессы (от местных, локальных до цивилизационных, глобальных), обозначить теоретические и практические пути их разрешения.

В нашем анализе проблемы мы будем исходить из того, что в процессе исторического развития общества религия как один из социокультурных феноменов интегративного порядка легитимировала политическую власть, оказывала существенное влияние на формирование политических систем, а государство, одновременно, в свою очередь, применяло ее духовный и идеологический потенциал для усиления своих властных реалий и возможностей. Здесь нам близка позиция П. Бурдье, утверждавшего, что позиция церкви и позиция «доминирующих фракций господствующих классов в поле власти и структуре властных отношений, позволяет церкви выполнять функцию сохранения политического строя», несмотря на тот факт,

что отношения между политической и религиозной властью неизбежно предполагают трения и конфликты. При этом церковь становится неким символическим гарантом политического спокойствия в обществе.

По его мнению, церковь «внушает и закрепляет схемы восприятия, мышления и действия, которые объективно согласуются с политическими структурами и, следовательно, способны дать этим структурам ту высшую легитимацию, которой является «натурализация». При таком понимании религия направлена на поддержание политического строя, тогда как символическое разрушение религиозного порядка «способно затронуть политический при том условии, что оно сопровождается политическое ниспровержение этого порядка» [1. С. 55–59].

Представляется, что здесь неизбежно возникает проблема необходимости рационального объяснения синтеза и разделения светской и религиозной веры в рамках политических процессов в религии. Известно, что существует демаркационная линия между религией и идеологией: религия – это, прежде всего, вера в существование некой трансцендентной сущности, в отличие от которой идеология выступает как постоянный поиск ценностей и их утверждение, но, как правило, в догматическом варианте политического дискурса. Не случайно, в свое время, К. Шмитт обратил внимание на тот факт, что политика представляет собой крайнее выражение любой противоположности, будь она религиозной, этнической или какой-либо иной, а проникновение в религию политических ценностей приводит к подчинению религиозных ценностей политическим. На наш взгляд, эти процессы происходят через догматизацию относительной истины и придание ей статуса вечной, абсолютной.

Характеризуя логику политических механизмов, применительно к религии, на примере католицизма, К. Шмитт отмечает проявление политического в религии. «Политическое означает здесь не обращение с известными социальными и международными факторами власти и не овладение ими, как того требует макиавеллистское понятие политики, превращающее ее в простую технику, поскольку оно изолирует отдельный, внешний момент политической жизни. Политическая механика имеет свои законы, и католицизм, подобно всякой иной исторической величине, втянутой в политику, охватывается этими законами» [2. С.119].

Иными словами, существуют единые социальные механизмы, действующие как в религии, так и в политике. К религии восходит генезис политических устремлений. В таком аспекте, по

его мнению, «все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия (подчеркнутой). – Е. Д.). Не только по своему историческому развитию, ибо они были перенесены из теологии на учение о государстве, причем, например, всемогущий Бог становился всевластным законодателем, но и в их систематической структуре» [2. С. 57].

Впоследствии эти идеи были развиты российскими исследователями (М. С. Уваров, В. П. Рожков, В. Н. Белов, А. И. Пигалев, С. П. Гурин и др.) и были сведены к следующим утверждениям:

- характерной чертой общечеловеческой культуры выступает сближение нравственных и политических норм, которое коррелируется социальными коллективными механизмами;
- социальные механизмы являются общими для религиозных и светских политических групп. Последовавшая их дифференциация была обусловлена усложнением социальных отношений и становлением государственности;
- устойчивым архетипом существования культуры, как легитимного объекта, выступают взаимоотношения духовной и светской власти;
- политические процессы, обусловленные сакральной вертикалью государственной власти, привели к утверждению гегемонии мировых религий.

Политические процессы в религии, своими корнями, уходящие еще в эпоху античной демократии, в наше время обусловлены модернизацией общества, его дальнейшей глобализацией. Специфической реакцией на эти процессы стало появление политической религии. Вообще само понятие «политическая религия» не является новым для научной мысли. Это понятие использовал итальянский политолог Э. Фегелини, считавший, что для понимания сущности политической религии следует расширить само понятие религии, включив в него, наряду с монотеистическими религиями, и светские течения, в которых можно усмотреть религиозность [3. С. 66].

Новым стало сущностное понимание и осмысление роли политической религии в политических процессах и геополитических государственных стратегиях. Сегодня дискуссия о сущности политизации религии затрудняется тем, что когда говорят о религии, то в первую очередь подразумевают церковь, а когда речь идет о политике – то государство. Эти два института конституируют социум, влияют на территориальные параметры государства, определяют его геополитические доктрины, но отличаются между собой, прежде всего, по духу идеологических императивов. Феномен политической религии

произвел переворот в отношениях между богословием и политикой: он способствовал манифестации политического компонента в религии и включению теологического компонента в политический.

Политическая религия – это явление не противоположное традиционной религиозной модели, как полагает ряд российских политологов. Скорее всего, в их сознании довлеет стереотипное понимание религии, согласно которому основное ее предназначение заключается в спасении души человека. Однако при этом как-то упускается из виду, что распространение духовного влияния религии не ограничивалось этим, в большинстве случаев оно направлялось на освящение установленной власти от Бога. Проблема заключается в том, что религия не «забывает» свое традиционное назначение, а просто реализует свой потенциал в политических процессах, что приводит зачастую к побочным деструктивным проявлениям в ней самой и в обществе в целом.

Вместе с тем следует признать, что в определенные переломные эпохи религия может взять и берет на себя объединительные и прогрессистские функции. В этом аспекте говорить о существовании политической религии следует как об интегрирующем понятии, отражающем природу традиционной религии, которая переходит в новое качество и начинает функционировать в политическом топосе. В политической религии аксиологическо-духовный аспект, акцентирующий идею спасения души человека, отходит на второй план, а ведущую роль начинают играть ее политические устремления и цели. В политической религии осуществляется ее основная функция – политическая, которая направлена на реализацию политических процессов в религии. Политическая функция превращается, таким образом, в действенное средство реализации политических процессов в религии.

Вот почему при анализе проблемы участия религии в политических процессах, следует обратить внимание на такие значимые темы, как религия и политическая идеология, деятельность политических религиозных организаций и партий, религия и становление государственности, религия и военные конфликты, религия и терроризм. Основным вопросом здесь является роль религии в становлении государственности, влияния политической идеологии на религиозные процессы. Религия, несомненно, была специфическим компонентом государственного строительства и национального возрождения общества. В таком контексте формирование политических религиозных партий и организаций, их активное участие в государственной и международной сферах следует

рассматривать как один из аспектов актуальных политических процессов современного мира.

Особо следует подчеркнуть, что для всех монотеистических религий характерно существование политических организаций и партий, которые входили в общечеловеческую историю под лозунгами привилегированного положения монорелигиозной составляющей – иудейского, исламского, христианского и буддийского государств. В числе их общих черт следует выделить такие компоненты, как:

- активное участие религиозных партий в политической и светской жизни государства;
- наличие религиозной и национальной идеологии, составляющих основу комплекса ценностных ориентиров и политических программ;
- существование развитой организационной структуры политической религиозной партии, действующей на единых для всех ее членов религиозных принципах.

Глубина и уровень религиозного партийного строительства сегодня зависят от степени популярности партии в массах, ее включенности в деятельность государственных структур. В многообразии представленных на политической арене религиозных партий мы выделяем существование основных четырех форм: либеральные партии, демократические партии, ультраортодоксальные партии и запрещенные законом партии. Отметим, что основы такой партийной классификации не ограничиваются вышеназванными, и имеют множество полутонов и оттенков в зависимости от содержания деятельности и угла зрения исследователя.

В этой связи весьма интересен анализ процессов конфессионального партогенеза в период демократических преобразований в России, на примере республик Северного Кавказа и Татарстана. Первая религиозная партия – Исламская партия возрождения была создана в 1990 г. Так, впервые в истории современной России был создан прецедент создания чисто религиозной партии. Официально она была зарегистрирована в Москве и в Дагестане как политическая религиозная партия, а ее лидером стал философ азербайджанского происхождения Гейдар Джемаль, утверждавший, что Россия должна пойти по пути развития исламского государства. Только таким способом Россия может «избежать геополитического исчезновения – стать исламским государством». Он и другие лидеры призывали к тесному сотрудничеству между Россией и исламским миром, которое, по их мнению, выступало залогом противостояния Западу и возрождения России как великого государства на геополитической арене.

Активизация политических процессов в стране сопровождалась образованием множества новых религиозных движений, которые претендовали на вхождение во властные государственные структуры. Так, на выборах в Государственную Думу исламская партия «Рефах» получила девять мест, но новый Федеральный закон о религиозных организациях запретил регистрацию партий на религиозной основе. Легитимируя свое место среди политических партий, исламская партия изменила свое название и стала называться «Евразийская партия России». В рамках ее обновленной политической программы стала возможной консолидация большинства разноконфессиональных партий России. Со временем в партию вошли такие организации, как «Рефах», «Чеченская солидарность», «Православное единство», «Конгресс буддистских народов», «Молодая Москва» и другие. Обновленная программа партии стала представлять собой некий симбиоз политико-религиозных взглядов под эгидой евразийства. В ее программе были определены три магистральные линии в развитии страны:

во-первых, декларировалась позиция России по восстановлению нарушенных связей со всеми постсоветскими республиками и соседними мусульманскими государствами;

во-вторых, предполагалось уравновесить отношения между центром и периферией, урегулировать вопрос войны в Чечне и тем самым избежать сепаратистских настроений, угрожающих Российской Федерации;

в-третьих, в экономическом аспекте программы акцентировалась роль партии в поддержке обездоленных классов.

В 2003 г. партия в очередной раз сменила название и стала называться «Евразийская партия – Союз патриотов России», что повлекло за собой очередные изменения в ее партийной позиции. Со временем процессы партийного строительства постепенно охватили республики Северного Кавказа и Татарстана. Исламские партии стали появляться на территории Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии. В Дагестане была создана Исламская партия возрождения, которая в результате политических разногласий распалась на два блока: умеренное крыло было представлено культурно-просветительской организацией «Аль-Исламия», второе, радикальное крыло, возглавил Исламский джамаат Дагестана, его финансирование велось арабскими спонсорами. Позднее в республике возникло еще несколько исламских партий: «Нур» и «Союз мусульман России». Активные действия и радикальные взгляды партийных лидеров привели к тому, что в 1998 г. была предпринята попытка захвата здания правительства в Дагестане. В 2001 г. члены

движения «Нур» создают Исламскую партию России, действующую в рамках российского законодательства. Радикальная позиция лидеров партии привела к тому, что ей отказали в перерегистрации, однако, формально партия просуществовала до 2003 г.

Аналогичные политические процессы происходили в Карачаево-Черкесии. Возрождение и последующая политизация ислама привели к тому, что в республике начались процессы превращения медресе в центры распространения радикальных религиозно-политических идей. В результате в 1999 г. молодые исламисты Карачаево-Черкесии отправились воевать в Чечню. Закономерной реакцией на эти процессы стала ликвидация большинства структур исламского движения в республике. Несколько иная ситуация сложилась в Кабардино-Балкарии, где в 90-е гг. был создан Исламский центр, занимавшийся распространением радикальных идей ислама. После его закрытия в республике было образовано движение «Джамаат», объединившее в своих рядах группы сторонников неофициального ислама. Движение ставило своей целью нейтрализацию радикально настроенных группировок в республике, что в конечном итоге привело к тому, что сегодня в Кабардино-Балкарии существует устойчивая модель этноконфессионального пространства.

Отдельного рассмотрения заслуживают процессы политизации ислама в республике Татарстан, где после принятия Декларации о государственном суверенитете республики особую роль в национальном объединении татар и в возрождении ислама сыграло Духовное Управление мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ). Одновременно в республике шел процесс образования националистических и религиозных организаций, среди которых особое место занимало национальное движение «Иттифак», ставившее своей целью идею возрождения чистого ислама. Националисты утверждали, что в современной сложной ситуации религия должна защищать нацию, а нация – религию. Последовавшее сближение радикально настроенных националистов с религиозными мусульманскими деятелями, несомненно, отразилось на партийной позиции партии, где утверждалось, что «только подчинив нацию канонам Ислама», можно избавиться ее от исчезновения. «Татарин должен жить по канонам Ислама. На первом месте – Аллах, на втором – нация. По другому, не может быть... Может быть, нам давно необходимо было призывать нацию жить только по Корану, может быть, необходимо было самим показать пример и преклоняться не перед идеей государственности, не перед нацией, а перед Аллахом?» [4. С. 5] Лидер партии Ф. Байрамова открыто заявляла: «Национально-освободительную борьбу, которую мы

ведем против российской империи, мы впредь объявляем Джихадом, направленным на избавление от господства неверных... Мы, националисты-мусульмане, начинаем борьбу за создание исламского государства в Татарстане». Мы специально столь подробно остановились на программном документе партии, который подтверждает существование в татарском обществе национальных концептов, скрепленных политической и религиозной идеологией [5. С. 510–512].

Мы видим, что теория и практика политических процессов в религии, обозначенная существованием многочисленных исламских партий в республиках Северного Кавказа и Татарстана, показывает, что политизация религии и попытка формирования политической культуры ислама стала повседневной реальностью России. Однако важно отметить, что политическая амбициозность лидеров, непримиримая идеология, активное участие адептов радикального ислама в первой и второй чеченской кампании привели к тому, что исламское политическое движение серьезно дискредитировало себя в глазах населения. Религиозный радикализм всегда воспринимался в российском обществе как угроза национальной безопасности. По этой причине деятельность всех религиозных партий в стране была запрещена законом. Таким образом, проект по политизации ислама в России не состоялся во многом потому, что влияние политического ислама было пресечено на государственном уровне.

В заключение мы хотели отметить, что открытыми остаются вопросы о том, в какой степени политические процессы в религии позволят преодолеть существующие негативные последствия, обусловленные политизацией самой религии? Возможна ли в будущем легитимация и вхождение в политическую систему религиозных партий, стремящихся к мирным преобразованиям, а также их конструктивный союз с государственными структурами? Если ответить положительно на эти вопросы, то вхождение в официальную политическую систему всех религиозных партий, в том числе и исламских, порождает опасность того, что пришедшие в систему государственной власти исламские или иные религиозные структуры прибегнут к радикальному изменению существующих конституционных норм, как, например, в свое время это произошло в Египте и Афганистане. Что же касается отрицательного ответа на эти вопросы, то при таком решении нам видится в определенной мере ущемление прав человека. Это значит, что сама проблема политической религии, ее участия в политических процессах не решена, и ее нельзя решить исключительно на законодательном уровне путем разрешения или запрета. Без ответов на вопрос о природе политического

в бытие религии в целом нельзя понять сущности политизации религии, той разумной меры в какой синтез политического и религиозного имеют право на позитивное существование в государстве.

Библиографический список

1. Бурдые, П. Социальное пространство: поле и практики [Текст] / П. Бурдые. – СПб., 2005.
 2. Шмитт, К. Политическая теология [Текст] / К. Шмитт. – М., 2000.

3. Религия и политика в 20 веке. Материалы второго коллоквиума Россия и Италия [Текст]. – М., 2005.
 4. Программа партии Иттифак [Текст]. – Набережные Челны, 1993.
 5. Мухаметшин, Р. М. Ислам и общественно-политические организации и движения [Текст] / Р. М. Мухаметшин // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. – Казань, 2006.

УДК 32:316.37

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ:
ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ**

Е. С. Арефьев

В данной статье рассматривается проблема измерения политической культуры населения. Автор анализирует различные методы и индикаторы измерения политической культуры, представленные в монографиях Алмонда, Вербы, Хикспурса и Мильнера. В результате автор приходит к выводу, что только использование системного подхода, объединяющего в себе такие индикаторы и методы, как опросы общественного мнения, явка избирателей на выборы, уровень доверия населения, позволяют прийти к наиболее адекватной оценке уровня политической культуры населения.

Ключевые слова: политическая культура населения, уровень доверия, явка избирателей на федеральные и муниципальные выборы, политические знания населения.

**RESEARCH OF POLITICAL CULTURE OF POPULATION:
THE PROBLEM OF DIMENSION**

E. S. Arefiev

In this article author considers the problem of dimension of political culture. The author analyses different methods of dimension and indicators of political culture. Researching monographs written by Almond, Verba, Hixspoors, Milner, author draws a conclusion that only use the system method, including different indicators such as voter turnout, level of trust, public opinion poll, you can get the most adequate valuation of the political culture of population.

Keywords: political culture of population, level of trust, voter turnout, federal and municipal elections, political knowledge of population.

Рассматривая такой феномен, как политическая культура, нельзя обойти вниманием методологические аспекты исследования. Очень значимым является вопрос о том, каким образом отслеживать изменения в политической культуре населения, какие индикаторы использовать при измерении уровня политической культуры. К сожалению, отечественные исследователи уделяют недостаточное внимание вопросам методологии и поиску объективных показателей, характеризующих политическую культуру населения. Более пристальное внимание этим аспектам уделяется западными исследователями. Так, например, первоначально в качестве одного из главных методов они использовали социологические опросы, по результатам которых ученые пытались проанализировать степень интереса индивидов к политике,

их отношение к представителям власти, существующей политической системе и демократическим ценностям. Одними из первых, кто стал проводить подобные исследования во второй половине XX в., были американские политологи Г. Алмонд и С. Верба. Позже этот ряд индикаторов политической культуры был дополнен. Так, например, в начале 90-х голландские политологи Хьюкс и Хикспурс, исходя в целом из «классической схемы» операционализации понятия «политическая культура», предложили собственный набор индикаторов измерения этого явления [1. С. 29]. Так, например, в качестве индикатора ориентации в отношении политической системы в целом они рассматривали степень интереса индивидов к политике, индикатором ориентации относительно собственной политической компетентности выступала оценка возмож-

ности личного участия, зависящая от социальных и демографических характеристик гражданина [4. Р. 51–82].

Особого внимания заслуживает и монография Х. Мильнера «Гражданская грамотность», изданная в 2002 г. В ней автор пытался проанализировать все возможные индикаторы политической культуры. Особо значимым для ученого является индикатор политического знания [5. Р. 5–10]. Уровень этого индикатора также определяется по результатам социологических опросов, когда опрашиваемым задаются вопросы о существующей политической системе, функциях конкретных должностных лиц и органов власти, а также о том, кто занимает тот или иной пост в существующей системе. Но все эти индикаторы (интерес к политике, отношение к власти, политические знания), как считает Х. Мильнер, отличаются субъективностью. Поэтому он разрабатывает такой индикатор, который основывается не на социологическом методе, а на статистическом. И таким индикатором является явка избирателей на выборы (федеральные, региональные, местные). Как считает Х. Мильнер, чем выше явка населения, тем выше уровень политической сознательности и выше уровень политической культуры населения. Однако он делает поправку, считая, что в некоторых странах (там, где голосование является обязательным, например, Казахстан, Белоруссия) индикатор явки избирателей на выборы не является сколько-нибудь значимым.

На наш взгляд, к этой поправке можно добавить еще одну – в некоторых странах (в том числе и в России) для обеспечения высокой явки избирателей на избирательные участки широко используется так называемый административный ресурс. Так, например, в России в последние годы имеется выраженная тенденция – на федеральных выборах явка значительно выше, чем на муниципальных. Хотя Х. Мильнер считает, что именно явка на муниципальные выборы в большей степени отражает уровень политической культуры местного населения. Сложившаяся в России ситуация объясняется во многом тем, что на выборах в федеральные органы или выборах высших должностных лиц (например, президента) административный ресурс задействован значительно сильнее, чем на муниципальных.

Тем не менее, по нашему мнению, помимо явки избирателей при анализе политической культуры населения можно использовать такие статистические показатели, как количество действующих политических партий и общественных объединений, а также количество членов этих партий и общественных объединений, то есть тех, кто активно включен в политическую жизнь общества.

Еще одним важным индикатором уровня политической культуры является показатель доверия как между отдельными членами местного сообщества, так и в целом их уровень доверия к публичным органам власти. Проблема доверия, считающаяся одной «из наиболее важных синтетических сил в обществе», приобрела в последние годы особое звучание в связи с активной разработкой теории социального капитала, которая связывается прежде всего с трудами П. Бурдьё, Р. Патнэма, Л. Хэнифэна, Ф. Фукуямы и ряда других ученых.

Ф. Фукуяма, отталкиваясь от работ Р. Патнэма и их последователей, определяет социальный капитал как способность людей образовывать друг с другом определенную общность и работать вместе в одном коллективе ради достижения общей цели. Такая способность к объединению и солидарности зависит от наличия внутри сообщества норм и ценностей, разделяемых всеми его членами, и от готовности последних подчинять свои интересы интересам группы. Результатом появления общих норм и ценностей выступает доверие, которое, по мнению Ф. Фукуямы, представляет собой возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами [2. С. 52]. Таким образом, доверие, выступающее необходимой предпосылкой социального капитала, возникает в обществе как выражение ожиданий нормального, честного поведения и взаимодействия на основе общих ценностей, норм, традиций, обычаев.

Сама по себе степень доверия к органам государственного и муниципального управления важна уже потому, что непосредственно связана с развитием стабилизационных и интеграционных процессов, крайне необходимых российскому обществу. Основными содержательными моментами стабилизационной политики являются: сплочение различных групп и слоев населения; гармонизация социально-экономических и социально-политических интересов; предотвращение острых политических, этнических, религиозных и иных конфликтов; достижение консенсуса по наиболее важным и острым вопросам общественной жизни; налаживание сотрудничества и тесного взаимодействия всех соперничающих политических сил. Все последние годы сознание россиян находилось под мощным прессом деструктивных процессов, провоцирующих рост неудовлетворенности различными сторонами жизни, вызывающих массовое недовольство, усиливающих разобщенность и снижение доверия [3. С. 44]. Сейчас от недостатка доверия страдают как отдельные люди, так и все

общество. В периоды таких коренных общественных преобразований и обострения конфликтов поиск новых путей повышения доверия приобретает особую актуальность. Кроме того, индикатор доверия населения к власти напрямую взаимосвязан с политическими настроениями и политическими ожиданиями граждан, исследование которых также необходимо при анализе политической культуры населения.

Так как автор является сторонником системного подхода, то, по его мнению, наиболее адекватное исследование политической культуры должно включать в себя как метод социологического опроса, так и метод анализа статистических данных. Так, например, в социологическом опросе обязателен блок вопросов, выясняющих знания респондентов о политической системе, функциях органов власти, должностных лицах, второй блок вопросов должен включать вопросы, выявляющие степень интереса граждан к политике, оценку их возможного участия в политических действиях, а также уровень межличностного доверия граж-

дан и их доверия к органам власти (федеральным, региональным, местным), их политические настроения и ожидания. Вторая часть исследования должна состоять из анализа данных об участии граждан в выборах, а также анализа данных о членстве граждан в политических партиях и общественных организациях.

Библиографический список

1. Орлов, И. Б. Политическая культура России XX века [Текст] / И. Б. Орлов. – М.: Аспект-Пресс, 2008.
2. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, Ермак, 2004.
3. Козырева, П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала [Текст] / П. М. Козырева // Социс. – 2009. – №1.
4. Heunks, F. Political culture 1960–1990 [Text] / F. Heunks, F. Hiksloops // Values in Western Societies / Ed. R. de Moor. – Tilburg, 1995.
5. Milner, H. Civic literacy [Text] / H. Milner. – Hanover, Tufts University, 2002.

УДК 353

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. А. Каменская

Год назад в России принят один из самых революционных законов – №8 ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

Новый нормативный акт выводит нашу страну на новый уровень выстраивания отношений между властью, СМИ и обществом. Сам факт его принятия является знаменательным событием и демонстрирует готовность власти к открытому диалогу с общественностью. Россия наконец-то преодолела так называемый «комплекс секретности», который она активно культивировала в советские времена.

Ключевые слова: обеспечение доступа к информации, проблемы реализации закона, Интернет, ответственность органов власти, свобода информации.

LEGAL MAINTENANCE OF A POLICY OF AN INFORMATION OPENNESS OF AUTHORITIES OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

E. A. Kamenskaya

One year ago in Russia one of the most revolutionary laws – «About providing of access to the information on activity gosudarstvennyh bodies and local governments» is accepted.

The new statutory act deduces our country on new level of forming of relations between the power, mass-media and a society. The fact of its acceptance is significant event and shows readiness of the power for open dialogue with the public. Russia at last has overcome so-called «a privacy complex» which it actively cultivated in a Soviet period.

Keywords: providing of access to the information, problems of realisation of the law, the Internet, responsibility of authorities, freedom of information.

Еще в 2003 г. Министерством экономического развития и торговли был разработан проект Закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

И только через шесть лет – 9 февраля 2009 г. – закон был принят и вступил в силу с 1 января 2010 г. Министерством, ведомствам, региональной власти, органам местного самоуправления было дано время, чтобы организационно подготовиться

к открытому общению с людьми. Отныне, по нормам нового закона, любой человек сможет обратиться в орган власти любого уровня – от федерального правительства до поселкового совета с требованием предоставить ему копию документа по интересующему вопросу. «Документ закрепляет право любого юридического и частного лица на получение информации из всех ветвей власти, – так прокомментировал закон глава департамента государственного регулирования в экономике министерства экономического развития Андрей Шаров. – Это будет уже не справка, не ответ на запрос, а именно копия протокола, нормативного акта, всего, содержащего нужную гражданину информацию» [1].

За время отсрочки по исполнению закона государственные органы и органы местного самоуправления должны были провести ревизию информации, определив, что нужно закрыть, а что нельзя ни при каких обстоятельствах. Предполагалось, что будет разработан полный перечень информации, которую власти должны предоставлять по первому требованию.

Реализация закона потребует от государственных органов и органов местного самоуправления серьезной подготовки и финансовых вложений. В ст. 6, посвященной способам обеспечения доступа к информации, предусмотрено размещение информации не только в сети Интернет, но и в помещениях, занимаемых указанными органами, и в иных отведенных для этих целей местах. Кроме того, органы власти должны оборудовать эти помещения информационными стендами или другими техническими средствами аналогичного назначения для ознакомления пользователей с текущей информацией.

Это означает, что органы власти обязаны изыскивать возможности, в том числе и финансовые, для обеспечения обществу специально оборудованными помещениями. В соответствии с положениями п. 8 ч. 2 ст. 12 государственные органы и органы местного самоуправления обязаны «учитывать расходы, связанные с обеспечением доступа граждан и организаций к информации о своей деятельности, при планировании своего бюджетного финансирования на соответствующий финансовый год» [2]. В то же время, как показывает практика, в большинстве регионов России, в частности, Южного федерального округа, расходы на реализацию нового закона в бюджетах текущего года не предусмотрены.

Международный опыт показывает, что доступ к государственной машине требует серьезной подготовки и обходится недешево. По данным Министерства юстиции США за 2008 финансовый год, количество получаемых ведомствами

запросов составляет от двух тысяч (Министерство образования) до 72 тысяч (Министерство обороны). Наиболее востребованные населением ведомства вынуждены держать на обработке запросов, поданных на основании закона о свободе доступа к информации, до 400 сотрудников (Министерство юстиции). Затраты на исполнение запроса в среднем составляли около тысячи долларов, а в ряде ведомств, к примеру, в ЦРУ, они поднимались до 7 тыс. долл. Расходы министерств и ведомств на эту деятельность доходили до нескольких десятков миллионов долларов. А сборы за исполнение запросов не покрыли и одного процента всех затрат [3].

Можно предположить, что российские органы власти в 2010 г. могут получить 150–200 тысяч запросов. В среднем на обработку каждого запроса органы власти затратят примерно тысячу рублей. Таким образом, их затраты на исполнение закона составят по приблизительным данным, как минимум, 150 млн. руб.

Статья 8 нового закона впервые вводит норму, которая предоставляет автору запроса право обосновывать необходимость получения информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, доступ к которой не ограничен [2].

Обращает внимание и то, что в законе нашлось место для некоммерческих организаций как участников процесса информационного взаимодействия с властью. Определяя понятие пользователей информации, закон относит к ним не только гражданина (физическое лицо), но и общественное объединение.

К организационно-техническим мерам, обеспечивающим право граждан на информацию, можно отнести, прежде всего, состояние коммуникаций в нашей стране, ибо если нет демократических структур в области коммуникаций, то нет и гарантий для осуществления права на получение и распространение информации. «Индивид, – пишет Ракитов, – вооруженный компьютером и имеющий доступ ко всем открытым базам данных и знаний, по уровню информированности не только не уступает, но может превосходить государственных чиновников. Наличие интегрирующих систем связи открывает, по существу, неограниченные возможности для предпринимательской инициативы, контактов и взаимодействия, что само по себе представляет объективное социально-экономическое основание реальной демократии» [4. С. 171].

Возможность с помощью персональных компьютеров получать информацию в конкретной базе данных устраняет многих посредников в таком процессе и защищает от бюрократических проволочек.

Новые информационные технологии, ослабляя монополизм государственных структур на информацию, делают осуществимым на деле принцип равной доступности к ней всех заинтересованных сторон. «Право граждан на информацию – своего рода право-гарантия, ибо установление и реальное претворение в жизнь данной юридической возможности будет означать существенное достижение в повышении правовой защищенности личности вообще» [5. С. 279].

В соответствии с требованиями мирового законодательства новой информационной эпохи вся информация, находящаяся в распоряжении органов власти и на которую в соответствии с законом не распространяется режим ограниченного доступа, в обязательном порядке должна обнародоваться в Интернете. Интернет-доступ – неперемное условие, соответствующее современным информационно-технологическим реалиям, одно из главных звеньев системы общественного контроля над деятельностью органов власти.

Впервые законодательство обеспечивает доступ граждан к информации о деятельности власти по Интернету, позволяя обратиться к власти не только в традиционном письменном виде, но и в электронном. Новый закон дает право государственным органам и органам местного самоуправления размещать в сети Интернет нормативные правовые акты, изданные государственным органом, муниципальные правовые акты, изданные органом местного самоуправления, включая сведения о внесении в них изменений, признании их утратившими силу, признании их судом недействующими, а также сведения о государственной регистрации нормативных правовых актов, муниципальных правовых актов в случаях, установленных законодательством Российской Федерации.

Новый закон также впервые придает официальный статус электронным документам, которые будут публиковаться на государственных интернет-порталах или на сайтах органов местного самоуправления. Проблема доступа граждан к официальной информации уже не может быть решена только публикацией в традиционных СМИ.

В настоящее время, согласно Уставу Волгоградской области, определены два официальных источника публикации законодательных актов, принятых Волгоградской областной Думой, – газета «Волгоградская правда» и информационный бюллетень, выходящий, как правило, один раз в квартал.

Для реализации этих нужд только на публикацию официальных материалов в газете «Волгоградская правда» из бюджета Волгоградской области ежегодно расходуется более двадцати миллионов рублей. В 2009 г. общая смета госу-

дарственного учреждения «Редакция газеты «Волгоградская Правда» составляла 52,8 млн. руб., из которых 23,8 млн. руб. – средства областного бюджета (или 45,1 %) [6]. Автор полагает, что новый закон дает основание органам власти для размещения принятых нормативных правовых актов на собственных информационных интернет-сайтах. Эта мера позволит не только сэкономить значительные бюджетные денежные средства, но и реформировать деятельность самих редакций печатных СМИ, значительно облегчить их содержание в интересах читательской аудитории и минимизировать стоимость.

Об актуальности данной проблемы свидетельствует низкий тираж официальных печатных СМИ, в том числе, как уже упоминалось, газеты «Волгоградская правда». Если в 2000 г. ее тираж составлял 90000 экземпляров, в 2004 г. – 57000 экземпляров, в 2007 г. – 20000, то в 2009 г. всего лишь 9000 экземпляров. При населении Волгоградской области почти в три миллиона жителей публикация официальных материалов в этой газете представляется крайне неэффективной с точки зрения свободного доступа к информации.

Небольшая площадь официальных печатных изданий в регионах не позволяет публиковать весь объем гигантского информационного потока, связанного с деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления. Получив эту информацию из Интернета, в сегодняшних правовых условиях гражданин не может применить ее в ходе отстаивания своих прав и законных интересов в судах и иных государственных инстанциях.

Статья 22 закона предусматривает плату за предоставление информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Плата взимается, если объем запрашиваемой и полученной информации превышает определенный Правительством Российской Федерации объем информации, предоставляемой на бесплатной основе.

В то же время в законе отсутствует перечень лиц, относящихся к социально и экономически незащищенным группам (категориям) населения (дети, инвалиды, пенсионеры, лица, официально признанные безработными), которым информация предоставлялась бы на безвозмездной основе. Автор полагает, что этот перечень может быть разработан по усмотрению органов и организаций, предоставляющих эту информацию.

Обществу должны быть доступны тексты нормативных актов, их разрабатываемых проектов, административные регламенты, порядок обжалования решений данного органа власти, результаты проверок его работы, содержание официальных

выступлений руководителей. Подчеркнем, что в категорию доступных попали проекты нормативных актов, а не только принятые документы. Это дает возможность структурам гражданского общества принять участие в публичном обсуждении и разработке нормативных актов, имеющих социальную значимость, выразить к ним свое отношение.

Особо оговаривается, что открытыми для ознакомления должны быть статистические данные: показатели, характеризующие состояние и динамику развития экономической, социальной и иных сфер жизнедеятельности, регулирование которых отнесено к полномочиям государственного органа, органа местного самоуправления; сведения об использовании выделяемых бюджетных средств и другая аналогичная информация.

Для граждан появляется такая новая возможность, как присутствие, в том числе представителей общественных объединений, на заседаниях коллегиальных государственных органов и коллегиальных органов местного самоуправления. Такая возможность должна быть обеспечена вне зависимости от желания или нежелания чиновника: «Коллегиальные государственные органы и коллегиальные органы местного самоуправления обеспечивают возможность присутствия физических и юридических лиц, общественных объединений, государственных органов и органов местного самоуправления на своих заседаниях» [2]. Для того чтобы органы власти «обеспечили возможность присутствия», и была предпринята попытка отсрочки данного закона.

Присутствие общественности на заседаниях коллегиальных органов должно осуществляться в соответствии с их регламентами или иными нормативными правовыми актами, регламентами органов местного самоуправления или иными муниципальными правовыми актами, которые также необходимо было подготовить за этот период. Однако, на наш взгляд, в новом законе необходимо было бы установить *единый порядок присутствия* граждан на заседаниях коллегиальных органов во избежание различных трактовок, усложняющих эту процедуру в регионах.

По нашему мнению, ст. 13 «Информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, размещаемая в сети Интернет» также содержит существенную недоработку. Представленный в законе перечень информации, который органы власти обязаны размещать на своих интернет-сайтах, и ранее в большей степени являлся открытым. Остальной объем информации органы власти будут вправе определять самостоятельно. В данном случае вновь может иметь место ограничительная функция доступа к социально значимой информации [2].

Анализ информации о подготовке субъектов Федерации к реализации данного закона позволяет сделать вывод о явном нежелании государственных органов и органов местного самоуправления корректировать свою деятельность с учетом новых требований к доступу социально значимой информации. Так, в Волгоградской области с 1 марта по 31 декабря 2009 г. в СМИ не было опубликовано ни одной официальной информации о подготовке региональных и муниципальных органов власти к работе в новом режиме. В ноябре 2009 г. состоялась коллегия Комитета по печати и информации администрации Волгоградской области, на которой рассматривались вопросы информационного сопровождения реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., и ни слова не было сказано о подготовке к реализации на территории региона столь актуального для российского общества и, в частности, для СМИ, законодательного акта.

Не претерпели изменения информационные сайты государственных органов и органов местного самоуправления. На официальном портале администрации Волгоградской области отсутствует в полном объеме обратная связь с населением региона, не представлены образцы установленных форм обращений, заявлений и иных документов, принимаемых государственным органом к рассмотрению в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами; отсутствуют графики приема руководителей подразделений по личным вопросам, статистические данные.

Согласно закону, государственные органы и органы местного самоуправления ведут «учет расходов, связанных с обеспечением доступа к информации». Однако при формировании бюджета Волгоградской области на 2009–2011 гг., как уже было сказано, не предусмотрено выделение средств на обеспечение доступности к информации в ее новом правовом варианте.

Государственные органы, органы местного самоуправления должны определить соответствующие структурные подразделения или уполномоченных должностных лиц, которые бы осуществляли контроль над исполнением закона. Права и обязанности этих подразделений и должностных лиц устанавливаются регламентами или иными нормативными правовыми актами. Но по прошествии года со дня принятия закона данное требование закона в нашей области не исполнено.

Учитывая, как медленно идет процесс разработки и принятия регламентов по всей стране, особенно на муниципальном уровне, подготовки к реализации закона на местах, можно говорить о нежелании чиновников перестраивать свою деятельность с учетом требований Федерального

закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

Показательно, что при таком, на взгляд автора, негосударственном подходе к исполнению нового закона со стороны властных структур, контроль над обеспечением доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления осуществляют сами же руководители государственных органов и органов местного самоуправления. Для реализации этого положения закона должен быть установлен соответствующий порядок осуществления контроля над обеспечением доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, который устанавливается нормативными правовыми актами государственных органов, муниципальными правовыми актами (ст. 24) [2].

Эта статья закона вызывает справедливые нарекания правоведов и общественности. Формирование эффективной системы защиты и контроля над реализацией информационных прав и свобод граждан, безусловно, более перспективно – и для развития отечественного информационного права, и для цивилизованного подхода к разрешению информационных споров, если оно позволяет сопрягать усилия государства и гражданского общества. Во многих странах мира созданы и действуют общественные наблюдательные советы, выступающие посредниками между властью и населением при разрешении спорных вопросов.

По мнению М. И. Савинцевой, «проблема получения информации о деятельности органов власти и местного самоуправления средствами массовой информации с принятием нового Закона о доступе к информации осталась нерешенной. Так, в сфере информационного обеспечения, СМИ всегда выполняли двойную роль: так сказать «просителя» информации и собственно средства распространения информации» [7].

Еще один пробел, с точки зрения автора, заключается в том, что закон не предполагает ежегодных отчетов органов власти об итогах его исполнения. С учетом того, что контролирующие функции по соблюдению этого правового акта возложены на самих чиновников, данная недоработка закона дает им возможность сокрытия реального положения дел в сфере доступа к информации.

Закон едва вступил в силу, а в регионах России уже появились консалтинговые структуры, предлагающие свои услуги по обучению чиновников скрывать информацию. К примеру, органам власти предлагают провести экспертизу ценности и конфиденциальности имеющихся в распоряжении

государственного органа информации и документов. Материалы с истекшими сроками хранения, которые не хотелось бы раскрывать, предлагается уничтожить по актам.

Еще одна «лазейка» для чиновников – отнесение «нежелательной для обнародования информации» к служебной тайне. Согласно действующему законодательству, к *государственной тайне* можно отнести только информацию, попадающую в установленные законодательством списки. Тогда как к *служебной информации ограниченного распространения* можно отнести все, что угодно, за исключением информации, попадающей в довольно узкий перечень, данный в Постановлении правительства РФ «Об утверждении положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти» [8].

Если эти меры не помогают, то чиновникам предлагают воспользоваться тем, что закон позволяет организациям, вместо посылки копий документов, дать ссылку на публикацию в средствах массовой информации или на сайт, где размещена эта информация. Выкладывая информацию на сайте, ее можно не только сделать труднодоступной для части заявителей (тех, кто не располагает средствами и навыками для работы в Интернете), но и создать ситуацию, когда заявитель получит на руки не оформленные в установленном порядке копии документов, а электронную копию, имеющую спорную юридическую силу.

Вместе с тем, несмотря на явные недоработки, новый закон предоставляет гражданам право быть непосредственными участниками осуществления государственной власти, а не сторонними ее наблюдателями. При условии активного использования этого нормативного акта можно кардинально изменить и экономику страны, значительно снизить уровень коррумпированности исполнительных органов власти.

Реализация заложенного в законе механизма доступа граждан к информации уже в ближайшее время покажет, готовы ли чиновники к предоставлению открытого доступа к информации, способны ли по-новому выстраивать взаимоотношения с обществом.

Библиографический список

1. Куликов, В. За отказ предоставить информацию чиновники ответят должностью и рублем [Текст] / В. Куликов // Российская газета. – 2009. – 13 февраля.
2. Российская Федерация. Законы. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ: федер. закон [принят Госдумой 22.12.2008 г. № 262-ФЗ] // Российская газета. – 2008. – 26 декабря.

3. Храмцовская, Н. Свобода доступа к информации: чем чреват закон? [Электронный ресурс] / Н. Храмцовская. – Режим доступа: www.gov.sar.ru

4. Ракитов, А. Философия компьютерной революции [Текст] / А. Ракитов. – М., 1991.

5. Венгеров, А. Б. Научно-технический прогресс и правоприменение в сфере управления [Текст] / А. Б. Венгеров. – М., 1985.

6. Бюджет Волгоградской области на 2009–2011 годы» [Электронный ресурс]. Информационно-справочный портал администрации Волгоградской области, 2009. – Режим доступа: www.volganet.ru

7. Савинцева, М. И. Правовое обеспечение информационной открытости в России по новому закону о доступе к информации [Текст] / М. И. Савинцева // Право СМИ. – 2009. – Выпуск №3.

8. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти: постановление [принято 3.11.1994 №1233] // СЗ РФ. – 1994. – №306. – Ч. 2.

Магистратура 520905 «Государственная политика и управление»

Профессиональная программа по направлению подготовки магистров 520905 «Государственная политика и управление» (руководитель магистратуры – заведующий кафедрой истории и теории политики доктор политических наук В. А. Колесников) ориентирована на анализ широкого спектра понятий и процессов, характеризующих особенности формирования, функционирования, структурно-функционального обеспечения реализации государственной политики и государственного управления. Направление нацелено на подготовку высококвалифицированных специалистов в сфере качественного государственного управления, исследовательских кадров для формирующейся российской политической науки.

Программу обеспечивают профессионалы по вопросам государственной политики и управления, привлекаются практики из системы государственного управления и государственной службы, ведущие преподаватели других кафедр: доктора наук, профессора и доценты. Одним из основных принципов обучения в магистратуре предполагается максимальная индивидуализация процесса обучения, что позволяет продолжить творческую работу преподавателя и магистра в качестве научных руководителей и аспирантов, соискателей ученых степеней.

Эффективное обеспечение государственной службы современными менеджерами и предоставление качественных государственных услуг гражданам Российской Федерации является приоритетным направлением государственной политики и актуализирует подготовку магистров по направлению 520905 «Государственная политика и управление».

Магистратура 520904 «Политические институты и процессы»

Обучаясь в магистратуре по профессионально-образовательной программе 520904 «Политические институты и процессы» (руководитель магистратуры – доктор политических наук, профессор кафедры А. И. Бардаков), магистрант значительно расширяет свой кругозор в области общественного знания. Учебный процесс в магистратуре осуществляется в традиционных и инновационных формах, магистрантам читают лекционные курсы доктора политических, исторических, философских наук, а практические (семинарские) занятия ведут опытные доценты и профессора.

Углубленное изучение истории политических учений и политической науки, теории и методологии политической науки, политической философии, государственной политики и управления, а также политической антропологии, прикладной политологии, теории мирового политического процесса и международных отношений, теории культуры и этики позволяет сформировать системные знания о современных политических институтах и процессах.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.52

ИМИДЖ-ПОРТРЕТ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В ЗАРУБЕЖНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

А. Л. Рябцев, К. А. Кузина

На основе контент-анализа печатных изданий авторы делают попытку создать портрет Каспийского региона. Авторы приводят качественные и количественные характеристики имиджа региона, дают характеристику факторам, влияющим на процесс создания регионального имиджа.

Ключевые слова: имидж, пресса, стереотипы, региональная политика, взаимное восприятие, общественное мнение.

CASPIAN REGION'S IMAGE IN FOREIGN AND NATIONAL PRESS

A. L. Ryabtsev, K. A. Cousine

The authors created the portrait of Caspian region on the bases of content-analysis. In the article there are qualitative and quantitative characteristics of the regional image, factors forming the regional image.

Keywords: image, press, stereotype, regional politic, mutual impression, public opinion.

Проблема регионального имиджа стала интересовать специалистов не так давно. Актуальность и необходимость ее исследования обусловлена как минимум тремя важными обстоятельствами. Первое – это уникальное географическое разнообразие территории государств, межгосударственных образований. Второе – практическое значение изучения в условиях выработки перспективной региональной политики. Третье – это необходимость иметь возможность контролировать имидж региона и управлять им.

Имидж региона – весьма трудноопределимое понятие, прежде всего потому, что речь идет о комплексе качеств и свойств, которые чаще всего невозможно представить в качестве зрительного образа. Имидж – объект не материалистичный, он возникает лишь в сознании людей, и оценить его можно лишь по отношению, которое будет проявляться. Чаще всего это комплекс ассоциативных представлений, соотносимый индивидом с регионом. Он близок к понятию «социальный стереотип», но возникновение стереотипов, как правило, стихийно, главная же особенность имиджа – управляемость.

Как политический термин «Каспийский регион» стал использоваться в литературе после распада СССР, в связи с проблемой освоения энергетических ресурсов. В Прикаспийский регион сегодня

входят пять прибрежных государств, имеющих непосредственный выход к Каспийскому морю: Россия, Азербайджан, Казахстан, Иран и Туркменистан. Открытие значительных запасов нефти на шельфах Каспийского моря, разработка различных проектов по освоению топливно-энергетических ресурсов и созданию маршрутов для их доставки на мировой рынок, а также транспортных коридоров, позволяющих соединить Европу с Азией, – все это привело к появлению нового определения Каспийского региона. В отечественной и зарубежной литературе, периодике эту территорию именуют как Транскаспийский регион, Прикаспий или Каспийский регион, район Каспийского моря, а прикаспийские государства часто называются государствами «бассейна Каспийского моря». В дипломатической практике последнего десятилетия именно этот термин используется для обозначения стран региона. Своеобразие Каспийского региона заключается и в том, что на его геополитическом пространстве протекают те же процессы и явления, которые характерны для мировой политики – региональная интеграция, демократизация внутренней и внешней политики, транснациональная кооперация. В то же время в этом регионе обострились негативные процессы – угроза международного терроризма, религиозного экстремизма, нелегальная транспортировка оружия, наркотрафик.

Сегодня, когда резкий скачок в процессе развития информационных технологий, произошедший за последние 20 лет, привел к тому, что последние стали оказывать все большее влияние на политику, культуру, экономику, науку, и, сфера их влияния не ограничена границами национальных государств, СМИ имеют определяющее значение в формировании базовых представлений о регионе, имидже региона. Имидж региона создается в значительной мере усилиями СМИ: правительственными, оппозиционными, независимыми, местными, федеральными, зарубежными. Центральная роль в этом процессе отводится региональной прессе, что связано с близостью к жизни региона, его проблемам, аудитории. Поскольку средства массовой информации взаимодействуют с массовым сознанием населения, то они сами достраивают имидж, придавая ему те или иные черты (нормативные, идеологические, а то и просто искусственные) через подачу и отбор информации. Вполне очевидно, что имидж региона напрямую связан с тем, какая информация о регионе попадает в СМИ [1].

Огромное влияние на формирование имиджа региона оказывает частота и содержание упоминаний о регионе, тематическая структура публикаций в национальных СМИ. В свою очередь, частота публикаций о регионе зависит от близости источника информации к ее потребителю и от силы информационного сигнала, то есть от значимости происходящих в регионе событий для потребителя информации. Прежде чем приступить к непосредственному анализу существующих в сознании индивидов представлений о Каспийском регионе, обратим внимание на то, что образ региона будет рассматриваться через его отражение в общероссийских

печатных средствах массовой информации, а также в зарубежной прессе, российских и зарубежных Интернет-изданиях. И в этой связи выясним, каково доверие граждан страны в целом и региона в частности к центральному и местным СМИ.

Для изучения газетного имиджа Каспийского региона, создаваемого в российской прессе и проведения контент-анализа российских газет и Интернет-изданий были выбраны: «Независимая газета», Интернет-издание газеты «Газета», «Комсомольская правда», «Российская газета», «Известия», «АиФ».

Анализ имиджа Каспийского региона, отраженного в российских СМИ, состоит из качественных и количественных характеристик. Количественная сторона сообщает о частоте упоминания региона, об информированности о нем широких слоев населения. Качественная сторона – это чем насыщен информационный поток из того или иного географического ареала.

Всего было проанализировано 356 информационных сообщений. Результаты анализа сообщений Российской прессы представлены в табл. 1. Мы можем утверждать, что, судя по периодичности и содержанию сообщений, большинство редакций не ставит перед своими журналистами постоянных и распланированных задач и целей по формированию позитивного общественного мнения по отношению к Каспийскому региону. Примерно 75 % всех материалов информационного плана о Каспийском регионе в российской прессе составляет информация о конкретном прикаспийском государстве: Казахстане, Иране, Туркменистане или Азербайджане. При этом к Казахстану относится 40 % сообщений, Азербайджану – 30 %, Ирану – 22 %, Туркменистану – 8 %.

Таблица 1

Газеты	Общее кол-во статей	Кол-во статей о Каспийском регионе (%)
Независимая газета	150	8
Газета	102	14
Комсомольская правда	36	2
Российская газета	48	4
Известия	11	6
АиФ	9	3

Для всех стран региона характерен «событийный» режим отслеживания ситуации. Так, пики «рейтинга» Казахстана и Азербайджана соответствуют периодам парламентских и президентских кампаний. Хотя сообщения об этих государствах в российской прессе достаточно интенсивны, что объясняется усилившимися тенденциями к региональной интеграции. Освещение Туркменистана,

наоборот, несоразмерно с действительным весом этого государства в регионе. Сложившаяся ситуация отражает постепенный уход Туркменистана с ближайшей к России внешнеполитической орбиты.

В целом все публикации можно условно разделить на несколько жанровых групп (по частоте обращения):

1. Краткие информационные сообщения без каких-либо комментариев.
2. Корреспонденции.
3. Интервью с ответственными работниками органов государственной власти и местного самоуправления.
4. Портретные и событийные очерки.
5. Развернутые анонсы событий.
6. Крупные аналитические материалы.

Сообщения о Каспийском регионе, носящие политический характер, преобладают – они составили 50 %, сообщения экономического характера – 37 %, сообщения социально-культурного характера, экологические и иные – 13 %. Примечательно, что примерно до середины 2003 г. подавляющее большинство информационных сообщений о Каспийском регионе освещали проблемы правового определения статуса Каспия. Однако после заключения Россией, Азербайджаном и Казахстаном двухсторонних международных соглашений, которые урегулировали вопросы раздела Каспия между этими государствами (за что и получили название «Каспийской Антанты» [6]), об этой проблеме писать почти перестали. В то же время с 2003 г. и по настоящее время информационные сообщения о Каспийском регионе содержат в основном информацию, связанную со строи-

тельством экспортного трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан и деятельностью Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), с 2004 г. прибавилась проблема «ядерного» Ирана, а также возможность осуществления военной операции США в Иране.

При отборе сообщений для анализа среди прочих равных характеристик главным и определяющим является то, о чем говорится. В качестве такого признака мы взяли тему – изображение определенной сферы жизнедеятельности государства. Продемонстрируем четыре наиболее часто встречающихся тем для информационных сообщений о государстве в российской прессе (в % соотношении ко всем информационным сообщениям).

Тематика информационных сообщений о Казахстане следующая:

1. Внутренняя политика – 47 %.
2. Внутренняя экономика – 2 %.
3. Быт, торговля, соцобеспечение, здравоохранение – 6 %.
4. Внешняя политика и экономические отношения с другими странами – 6 %.
5. Сотрудничество с РФ:
 - политическое – 12 %;
 - экономическое – 9 %;
 - социокультурное – 18 %.

Таблица 2

Темы сообщений	Характер информации			
	позитивная	негативная	смешанная	нейтральная
Внутренняя политика	4	80	6	10
Экономика	10	2	13	75
Быт, торговля, соцобеспечение, здравоохранение	5	13	67	15
Внешняя политика и экономические отношения с другими странами	7	26	8	59
Сотрудничество с РФ:				
политическое	62	5	14	19
экономическое	27	9	10	54
социокультурное	89	1	1	9

Как видно из табл. 2, сотрудничество Казахстана с Россией в политической и социокультурной сферах оценивается в прессе как положительное, в экономической сфере – нейтральное. В то же время внутренняя политика государства оценивается в целом негативно. Пик критики действий властей Казахстана пришелся на вторую половину 2005 г., что было непосредственно связано с подготовкой и проведением президентских выборов в Казахстане. В этот период времени российская пресса много писала о конфронтации власти и оппозиции, сокращении информационного

пространства, ущемлении в правах оппозиции, трансформации партийной системы вследствие закрытия ряда оппозиционных партий и объединений, принятия недемократических законов. Освещался и конфликт между властью и «третьим сектором» – неправительственными организациями. При этом тон информационных сообщений был достаточно резким, о чем можно судить по заголовкам некоторых публикаций: «Назарбаев готовит страну к полной покорности» [19. С. 5], «Из Казахстана высылают наблюдателей» [20. С. 5], «В Казахстане объявили конкурс на послу-

шание» [21. С. 5], «Казахстанская оппозиция вынуждена уйти в подполье» [29. С. 6], «Назарбаев стал законченным диктатором» [22. С. 5]. Причем подавляющее количество составили сообщения о положении оппозиции в Казахстане. Неоднократно сообщалось в российской прессе и о сворачивании демократических реформ в республике: «Опрос с пристрастием» [30. С. 5], «Казахстан откладывает политические реформы» [32. С. 11].

Внешняя политика Казахстана в целом оценивается нейтрально, много и позитивных сообщений. Российская пресса рассматривает Казахстан как «единственное государство, которое не поссорилось со своими соседями» [15. С. 5]. Много внимания уделяется отношениям Казахстана и России, такие сообщения носят позитивную оценку. Так, Казахстан неоднократно назывался российской прессой как «самый близкий союзник России» [11. С. 14], а отношения между РФ и Казахстаном считаются «союзническими», «беспрецедентно хорошими» [16. С. 5], встречи президентов двух стран детально освещаются и скрупулезно подсчитываются. Позитивно оценивается российскими изданиями также деятельность Казахстана в рамках СНГ и ШОС. Пресса также уделяет боль-

шое внимание отношениям Казахстана и США, НАТО: «Назарбаева признали первопроходцем демократии» [24. С. 5], «НАТО добралось до Туркестана» [31. С. 1, 5]. Периодически темой информационных сообщений становится участие Казахстана в работе нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, который рассматривается российской прессой как «энергетический коридор» [8. С. 5], позволяющий ослабить зависимость Казахстана и Азербайджана от России.

Освещающая отношения Азербайджана и России, в российской прессе приоритетными были те же темы, продемонстрируем их в процентном соотношении:

1. Внутренняя политика – 47 %.
2. Внутренняя экономика – 11,5 %.
3. Быт, торговля, соцобеспечение, здравоохранение – 11 %.
4. Внешняя политика и экономические отношения с другими странами – 18 %.
5. Сотрудничество с РФ:
 - политическое – 9 %;
 - экономическое – 0,5 %;
 - социокультурное – 3 %.

Таблица 3

Темы сообщений	Характер информации			
	позитивная	негативная	смешанная	нейтральная
Внутренняя политика	2	78	11	9
Внутренняя экономика	3	8	13	75
Быт, торговля, соцобеспечение, здравоохранение	5	11	71	13
Внешняя политика и экономические отношения с другими странами	17	12	47	24
Сотрудничество с РФ:	15	16	14	10
политическое	74	12	8	6
экономическое	9	18	16	57
социокультурное	6	9	81	4

Внутренняя политика Азербайджана, как и Казахстана, в целом оценивается негативно (табл. 3). На это так же, как и в предыдущем случае, повлияли прошедшие осенью 2005 г. парламентские выборы, отношения официальных властей и оппозиции. Наибольшее количество и частота сообщений об Азербайджане в российских изданиях пришлось на вторую половину 2005 г. Давление и репрессии со стороны официального Азербайджана по отношению к оппозиции вызвали очень резкую критику в российской прессе. Об этом можно судить по следующим информационным заголовкам: «Новый парламент Баку снова будет беззубым» [27. С. 10], «Управляемое насилие в Баку»

[9. С. 5], «Ильхам Алиев зачистил Азербайджан по-туркменски» [7. С. 4], «Имидж для власти ничто» [10. С. 5]. Ситуацию осложняет и нагорно-карабахская проблема, которая российской прессой оценивается крайне неоднозначно: «Москва, стараясь сохранить хорошие отношения как с Баку, так и с Ереваном, в известной степени самоустранилась от посредничества в разрешении этого конфликта, заведомо согласившись на любой сценарий, который устроил бы обе противостоящие стороны» [25. С. 10]; «Кремль не проявляет заинтересованности в развитии отношений с Карабахской республикой» [23. С. 4]; «Начав войну против Армении за Нагорный Карабах, Азербайджан

будет иметь дело с Россией» [18. С. 6], «Россия не исключает возможности участия своих миротворцев в урегулировании карабахского конфликта» [13. С. 5]. Внешняя политика Азербайджана сбалансирована, то есть негативных и позитивных оценочных категорий в одном и том же сообщении примерно равно. При этом отношения Азербайджана со странами СНГ и в рамках СНГ рассматриваются позитивно, как и отношения Азербайджана с другими каспийскими государствами, чего нельзя сказать об оценке его отношений с западными государствами, международными структурами и организациями типа ПАСЕ и ОБСЕ, а также с США и Турцией. При определении российско-азербайджанских отношений в политической сфере пресса использует преимущественно позитивные характеристики: «Ильхам Алиев наладил нормальные отношения с Москвой... Есть хорошие нефор-

мальные отношения Владимира Путина и Ильхама Алиева. Отношение Москвы к власти в Баку положительное, поскольку Кремль опасается оранжевого сценария» [12. С. 11].

Процентное соотношение приоритетности тем в отношении Ирана в российской прессе выглядит следующим образом:

1. Внутренняя политика – 5 %.
2. Внутренняя экономика – 5 %.
3. Быт, торговля, соцобеспечение, здравоохранение – 2 %.
4. Внешняя политика и экономические отношения с другими странами – 11 %:
 - 4.1 «Ядерная программа» – 53 %.
5. Сотрудничество с РФ:
 - политическое – 20 %;
 - экономическое – 5 %;
 - социокультурное – 1 %.

Таблица 4

Темы сообщений	Характер информации			
	позитивная	негативная	смешанная	нейтральная
Внутренняя политика	2	67	20	11
Внутренняя экономика	9	12	70	9
Быт, торговля, соцобеспечение, здравоохранение	5	13	67	15
Внешняя политика и экономические отношения с другими странами	13	56	24	7
Сотрудничество с РФ:				
политическое	18	14	17	51
экономическое	44	8	21	27
социокультурное	84	6	3	7

Как уже говорилось выше, с августа 2004 г. и по настоящий момент российские периодические издания уделяют большое внимание «ядерной» стороне Ирана при освещении и внутренней и международной жизни этого государства, и табличка процентного соотношения приоритетных тем это подтверждает. При этом российская пресса в целом нейтрально (в отношении Ирана) характеризует происходящие события. Более того, пресса отражает поддержку Ирана со стороны Москвы: «Путин выразил озабоченность ядерными программами Тегерана, но настоял на том, что ничего противозаконного тот не совершил и иранское досье не надо направлять в СБ ООН» [28. С. 1, 3], «Москва заявила, что Иран не нарушает свои международные обязательства» [26. С. 6], «Президент заявил, что Россия будет всячески способствовать развитию переговоров иранских партнеров со всеми вовлеченными в решение этой проблемы странами. Иранская проблема должна быть решена в рамках МАГАТЭ» [14. С. 5].

Внутреннюю политику Ирана как, впрочем, и других прикаспийских государств, информационные сообщения характеризуют в целом негативно. Количество статей, посвященных социальной, экономической и культурной сторонам жизни иранского общества, невелико. Негативно оценивается и внешняя политика, а отношения между Ираном и РФ в политическом контексте – нейтрально. Информационные сообщения подчеркивают, что Иран рассчитывает на поддержку со стороны Москвы, «настроен на дальнейшее сближение с Москвой» [2. С. 8].

Менее всего газетных сообщений в российской прессе, по сравнению с другими каспийскими государствами, отводится Туркменистану. Пик газетных сообщений о Туркменистане пришелся на декабрь 2006 – февраль 2007 гг., что было связано со смертью «пожизненного президента» страны С. Ниязова и президентскими выборами. Приоритетность тем следующая:

1. Внутренняя политика – 34 %.
2. Внутренняя экономика – 12 %.

3. Быт, торговля, соцобеспечение, здравоохранение – 1 %.

4. Внешняя политика и экономические отношения с другими странами – 33 %.

5. Сотрудничество с РФ – 20 %.

В целом Туркменистан называется не иначе как «вечно нейтральный» [5. С. 1, 5]. Критически оцениваются политический режим («Туркмения... государство, где постепенно переходят к бессрочной форме правления» [17. С. 1]) и неоднократные заявления Туркмении об ограничении своего сотрудничества в рамках СНГ, желании выйти из состава других региональных организаций. И хотя некоторые информационные сообщения за 2007 г. сообщают о действиях нового президента государства, направленных на вывод страны из изоляции, их доля в общем потоке сообщений о Туркменистане незначительна. Критикуется репрессивная политика по отношению к жителям Туркмении со стороны властей, многочисленные нарушения прав человека, преследование оппозиции. Политическое сотрудничество российской прессой оценивается нейтрально, культурное и экономическое – положительно.

Для проведения контент-анализа прессы Азербайджана мы использовали статьи Интернет-

версии газеты «Азербайджанские известия» (2004–2006 гг.), а также газеты «Эхо» и «Туран» (2006 г.) в версии Интернет-портала Az.day. Нами было проанализировано 565 информационных сообщения, 25 % из которых составляют сообщения о Каспии, Каспийском регионе и каспийских государствах. При этом, собственно, Каспию и Каспийскому региону внимание уделяется в 29 % информационных сообщений. Остальные статьи посвящены отношениям Азербайджана с другими прикаспийскими государствами, где РФ отводится более половины сообщений, на втором месте по частоте упоминания – Иран, далее – Казахстан, замыкает перечень Туркменистан.

Ирану посвящено 17 % всех сообщений, из которых:

1. Внутренняя политика – 4 %.

2. Внутренняя экономика – 4 %.

3. Быт, торговля, соцобеспечение, здравоохранение – 11 %.

4. Внешняя политика и экономические отношения с другими странами – 11 %.

5. Сотрудничество с Республикой Азербайджан – 56 %.

6. Сотрудничество с РФ – 14 %.

Таблица 5

Темы сообщений	Характер информации			
	позитивная	негативная	смешанная	нейтральная
Внутренняя политика	0,4	89	6	4,6
Внутренняя экономика	12	64	6	18
Быт, торговля, соцобеспечение, здравоохранение	1	29	46	24
Внешняя политика и экономические отношения с другими странами	3	16	74	7
Сотрудничество с РФ	18	14	9	59

РФ посвящено 49 %, более половины из которых (порядка 79 %) рассматривают собственно отношения Азербайджана с РФ в различных сферах. Остальные информационные сообщения

посвящены внутренней жизни РФ и ее международным отношениям с другими странами, преимущественно с США, каспийскими государствами.

Таблица 6

Темы сообщений	Характер информации			
	позитивная	негативная	смешанная	нейтральная
Быт, торговля, соцобеспечение, здравоохранение и т.д.	20	40	6	34
Внешняя политика и экономические отношения с другими странами	50	0,5	12,5	37
Сотрудничество с Азербайджаном	66	9	5	20

Казахстану посвящено 4,3 % публикаций. При этом информационные сообщения, касающиеся жизни Казахстана, носят либо положительный, либо нейтральный характер. То же можно сказать и об описании азербайджано-казахстанских отношениях, которые содержатся в 60 % всех сообщений о Казахстане и носят либо положительный, либо безоценочный характер.

Наименьшее количество сообщений об отношениях с Туркменистаном – 0,7 % азербайджанской прессой рассматриваются с позиции политики и носят негативный характер. Мы не встретили

ни одного сообщения в анализируемых нами статьях об отношениях Азербайджана с Туркменистаном в иных, кроме политической, сферах, как и сообщений о внутренней политике, экономике и социума Туркменистана.

Сообщения, непосредственно посвященные Каспию и Каспийскому региону, в большей степени рассматривают экономические аспекты – 37 %, политические информационные сообщения составляют 32 %, другое (экология, сохранение биоресурсов, наука и проч.) – 31 % сообщений.

Таблица 7

Темы сообщений	Характер информации			
	позитивная	негативная	смешанная	нейтральная
Политика	36	18	19	27
Экономика	64	1	9	26
Социум	45	5	5	45

Общее число выбранных для анализа информационных сообщений казахстанской прессы составило 180 единиц. Нами были проанализированы статьи Интернет-издания «Эксперт-Казахстан»¹ (за 2005 г.), а также сообщения, доступные в портале «Агентство политических новостей – Казахстан»² 2005 г.) и Казинформ³.

34 % от общего количества проанализированных статей упоминают Каспий, Каспийский регион, каспийские государства. Как и в российской и азербайджанской прессе информационные сообщения Казахстана также много внимания уделяют конкретным каспийским государствам, освещая их национальную политику, международные отношения и отношения между ними и Казахстаном. По числу упоминаний в казахстанских газетах лидирует Россия – 40 %, следом идет Иран – 34 %, Азербайджан рассматривается в 18 % всех статей, Туркменистан – лишь 8 %.

Отношения между РФ и Казахстаном в подавляющем большинстве случаев оцениваются как положительные. Доля сообщений о внутренней политике и экономике России незначительна.

Отношения между Казахстаном и Ираном, как и в случае с РФ, в целом оцениваются положительно. Если речь идет об определении статуса Каспия, то оттенок таких сообщений в основном негативный. В целом же отношения рассматриваются как нейтральные.

При упоминании о Каспии и Каспийском регионе информационные сообщения прикаспийских государств часто называют эту территорию

«зоной конфликта», «нестабильным регионом». «Стратегический регион», «традиционная зона российского влияния» [3. С. 1, 5] для России он назван в российской прессе, другие государства в своих информационных сообщениях называют Каспийский регион зоной своих стратегических интересов, признавая при этом роль России на Каспии. При этом прикаспийская пресса часто упоминает о том, что это регион, «стратегически важный» и для США, что не делает его морем «дружбы и доверия». Усугубляет положение ситуация, складывающаяся вокруг Ирана.

Очевидно, что сложившийся образ Каспийского региона транслируется и на образ отдельных государств, являющихся каспийскими. И наоборот, имидж конкретного каспийского государства влияет на восприятие в целом Каспийского региона.

Самый закрытый имидж из всех прикаспийских государств сегодня у Туркменистана. Об это свидетельствует и весьма незначительный объем информационных сообщений, которые, к тому же, посвящены больше сотрудничеству Туркменистана с другими государствами Каспийского региона, нежели его внутренней жизни. Одновременно с этим, двухстороннее сотрудничество Туркменистана с любым из прикаспийских государств оценивается прессой либо положительно, либо нейтрально. Исключение здесь составляет Азербайджан, занимающийся разработкой спорных с Туркменистаном нефтяных месторождений, поэтому и информационные сообщения Азербайджана в основном рассматривают двухстороннее сотрудничество с негативной стороны. И хотя и российские сообщения, и сообщения прессы

¹ <http://www.expert.ru/printissues/kazakhstan/>

² <http://www.apn.kz>

³ <http://www.inform.kz>

других прикаспийских государств дают в оценке Туркменистана такие характеристики, как «средневековый режим», «авторитарное государство», «вечно нейтральный Туркменистан», а С. Ниязова называли не иначе, как «средневековым вандамом», все-таки эта закрытость может создавать в целом благоприятный или нейтральный образ государства в глазах общественности. Так, по данным опроса ФОМ за 13 февраля 2003 г., Туркмения для россиян – страна весьма «далекая». Выразить свое отношение к ней смогли чуть менее трети опрошенных, из них 25 % хорошо относятся к Туркмении, а 5 %, наоборот, плохо. Более половины россиян (59 %) относятся к Туркмении безразлично. При этом больше половины респондентов (59 %) затруднились ответить на вопрос, какой город является столицей этого государства. Представление о Туркмении как о «тоталитарном государстве», нарушающем права и свободы граждан, распространено примерно среди трети россиян. А российско-туркменские отношения большинство респондентов считают хорошими. Таким образом, образ Туркменистана в российском массовом сознании достаточно расплывчат и фрагментарен.

«Признанный региональный лидер», «государство, способное стать узловой страной в Центрально-Азиатском регионе» – именно таким образом информационные сообщения России говорят о Казахстане. Вообще, отношения между Казахстаном и РФ оцениваются прессой этих двух государств очень высоко, более того именно эти государства называются в информационных сообщениях прикаспийских государств как «лидирующие страны постсоветского пространства». И пресса Казахстана, и пресса России сообщают друг о друге больше, чем о других государствах региона. При этом негативная оценка внутренней политики Казахстана не мешает созданию положительного образа и привлекательного партнера для России как «ближайшего соседа и союзника».

Опросы общественного мнения в целом подтверждают сложившийся газетный имидж Казахстана. Так, по данным ФОМ за 3 мая 2007 г.,¹ российско-казахстанские отношения видятся сегодня россиянам вполне благоприятными: 72 % опрошенных считают их хорошими, и лишь 6 % – плохими. 80 % респондентов убеждены, что России следует стремиться к более тесным отношениям с Казахстаном, и только 6 % полагают, что этого делать не следует. При этом большинство участников опроса уверены, что к созданию таких отношений стремится, как казахское, так и российское руководство, и лишь небольшая часть

опрошенных полагают, что к большему сближению власти Казахстана и России не стремятся (применительно к руководству Казахстана соотношение ответов на соответствующий вопрос составляет 65 % и 7 %, к руководству России – 70 % и 6 %). Ровно половина опрошенных симпатизируют президенту Казахстана Н. Назарбаеву, 9 % респондентов заявили о своей антипатии к этому политику, доля затрудняющихся выразить свое отношение к нему составила 41 %.

Пресса Азербайджана так же положительно относится к Казахстану, как к экономическому и политическому партнеру по ряду региональных структур, в том числе и как к соседу по Каспию. Большинство азербайджанских информационных сообщений, говоря о внешней политике государства, об отношениях с каспийскими соседями, позиционируют Азербайджан как государство, объявившее «интеграцию в евроатлантические структуры приоритетным направлением своей внешнеполитической деятельности», а также как «стабилизатор общерегиональной ситуации». В российской прессе Азербайджан рассматривается как республика с «самой быстро растущей на сегодня в СНГ экономикой», как «стратегически важная страна для региона». Одновременно и российские информационные сообщения и азербайджанская пресса подчеркивают, что отношения с Россией «являются одними из внешнеполитических приоритетов» для Азербайджана, заявляют о «высоком уровне азербайджано-российских связей». В азербайджанской прессе Азербайджан выступает в роли «естественного и надежного союзника России», а сама Россия рассматривается как «сильная держава». Таким образом, отношения между Азербайджаном и Россией российской прессой, прессой Азербайджана оцениваются весьма позитивно. Россию, Казахстан и Азербайджан объединяет единая позиция по разделу Каспия, вообще «каспийский блок» вопросов между этими государствами относительно урегулирован. И даже критика по поводу строительства, а теперь и функционирования нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, к которому присоединяется и Казахстан, направлена в российской прессе не столько на действия со стороны каспийских соседей, сколько на интерес во всем этом Западной Европы и США. Такое положение позволяет в информационных сообщениях упоминать о России, Казахстане и Азербайджане как о «Каспийской Антанте». Ведь не случайно, что переговоры по поводу создания сил безопасности на Каспии в начале этого года министр обороны России Сергей Иванов начал именно с Азербайджаном и Казахстаном.

Россию, Казахстан и Азербайджан связывает также отношение к Ирану в целом и к «иранской

¹ <http://www.fom.ru/>

ядерной программе» в частности. Так, Иран в информационных российских сообщениях рассматривается как «один из главных внешнеэкономических партнеров России на Каспии», «зона особых интересов России», а Россия – как «единственный серьезный союзник в регионе». Частоту упоминаний сообщений в прессе каспийских государств можно назвать «иранским сезоном»: оживление российско-иранских контактов с 2005 г., подписание между Азербайджаном и Ираном важных документов о сотрудничестве и открытие азербайджанского консульства в Тебризе, ирано-казахстанские экономические связи позволяют говорить об Иране как о важном для сотрудничества стран каспийского региона государстве. Иран – важный собеседник в том, что касается вопросов разграничения Каспия и его дна, решения вопросов добычи природных ресурсов. По сообщениям прессы государств каспийского региона, начиная с 2005 г., Иран готов согласиться на раздел Каспия на условиях «Каспийской Антанты».

В целом исследование показало, что как в российской, так и в прессе других прикаспийских государств, освещение проблем, связанных с прикаспийским сотрудничеством, освещается фрагментарно, носит событийный характер и, к сожалению, не содержит серьезного анализа.

Библиографический список

1. *Васищева А.* СМИ и проблема формирования имиджа региона [Электронный ресурс] // Собрание трудов «Южнороссийское обозрение» – 2003. – Вып. 19. – Режим доступа: http://www.kavkazonline.ru/csrip/elibrary/uro/v19/vol%2019_main.htm
2. *Горшков, И.* Иран не может быть соперником [Текст] / И. Горшков // Независимая газета. – 2005. – №141.
3. *Гордиенко, А.* Застолбили Каспий. Под контролем США окажутся Южный Урал и Сибирь [Текст] / А. Гордиенко, С. Мамедов, В. Иванов [и др.] // Независимая газета. – 2005. – 15 апреля.
4. *Гордиенко, А.* Последний карнавал СНГ [Текст] / А. Гордиенко // Независимая газета. – 2005. – №237–238. – 27 августа.
5. *Иванов, В.* Невероятные приключения американцев и русских в Туркестане [Текст] / В. Иванов, И. Плугатарев, В. Панфилов // Независимая газета. – 2005. – №189. – 6 сентября.
6. *Калоков, Е.* На Каспии появилась своя Антанта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/print2002/09/23/html>
7. *Кожушко М.* Ильхам Алиев зачистил Азербайджан по-туркменски [Текст] / М. Кожушко // Независимая газета. – 2005. – №239. – 3 ноября.
8. *Мамедов, С.* Российский маршрут зачислили в резерв [Текст] / С. Мамедов, Ю. Симонян // Независимая газета. – 2005. – №172. – 17 августа.

9. *Мамедов, С.* Управляемое насилие в Баку [Текст] / С. Мамедов // Независимая газета. – 2005. – №256–257. – 25 ноября.
10. *Мамедов, С.* Имидж для власти ничто [Текст] / С. Мамедов // Независимая газета. – 2005. – №214. – 5 октября.
11. *Маркедонов, С.* Самопровозглашенные государства лишились опоры [Текст] / С. Маркедонов // Дипкуррьер. Приложение к Независимой газете. – 2006. – 16 января.
12. *Маркедонов, С.* Предчувствие революции [Текст] / С. Маркедонов // Дипкуррьер. Приложение к Независимой газете. – 2005. – 12 сентября.
13. *Мамедов, С.* Иванов озадачил азербайджанцев [Текст] / С. Мамедов // Независимая газета. – 2006. – 25 января.
14. *Мелихова, Н.* Схожесть позиция по иранскому ядерному досье [Текст] / Н. Мелихова // Независимая газета. – 2005. – № 266. – 7 декабря.
15. НАТО добралось до Туркестана [Текст] // Независимая газета. – 2005. – №216/217. – 7 октября.
16. *Панфилова, В.* Казахстан настроился на образцовые выборы [Текст] / В. Панфилова // Независимая газета. – 2005. – №262–263. – 2 декабря.
17. *Панфилова, В.* Арменбаши [Текст] / В. Панфилова, Н. Орлова // Независимая газета. – 2005. – №184. – 31 августа.
18. *Плугатарев, И.* Баку и Ереван запугивают друг друга [Текст] / И. Плугатарев // Независимая газета. – 2005. – 11 ноября.
19. *Сапраев, Д.* Назарбаев готовит страну к полной покорности [Текст] / Д. Сапраев // Независимая газета. – 2005. – №155. – 28 июля.
20. *Салимов, С.* Из Казахстана высылают наблюдателей [Текст] / С. Салимов // Независимая газета. – 2005. – №256–257. – 25 ноября.
21. *Салимов, С.* В Казахстане объявили конкурс на послушание [Текст] / С. Салимов // Независимая газета. – 2005. – №167. – 11 августа.
22. *Салимов, С.* Назарбаев стал законченным диктатором [Текст] / С. Салимов // Независимая газета. – 2005. – №144/145. – 15 июля.
23. *Салимов, С.* Казахстан не намерен заикливаться на дружбе с великим соседом [Текст] / С. Салимов // Независимая газета. – 2005. – №237. – 1 ноября.
24. *Салимов, С.* Назарбаева признали первопродцем демократии [Текст] / С. Салимов // Независимая газета. – 2005. – №222. – 14 октября.
25. *Скаков, А.* Синхронное оттаивание [Текст] / А. Скаков // Дипкуррьер. Приложение к Независимой газете. – 2006. – 26 марта.
26. *Скосырев, В.* Тегеран получил передышку [Текст] / В. Скосырев // Независимая газета. – 2005. – №190. – 23 сентября.
27. *Терехов, А.* Новый парламент Баку снова будет беззубым [Текст] / А. Терехов // Дипкуррьер. Приложение к Независимой газете. – 2005. – №12. – 24 октября.
28. *Терехов, А.* О банановых республиках, олигархах и идиоте [Текст] / А. Терехов // Независимая газета. – 2005. – №190. – 7 сентября.

29. *Хасенова, А.* Казахстанская оппозиция вынуждена уйти в подполье [Текст] / А. Хасенова // Независимая газета. – 2005. – №132. – 1 июля.

30. *Хасенова, А.* Опрос с пристрастием [Текст] / А. Хасенова // Независимая газета. – 2005. – №148. – 20 июля.

31. *Хасенова, А.* НАТО добралось до Туркестана [Текст] / А. Хасенова // Независимая газета. – 2005. – №216–217. – 7–8 июля.

32. *Харламов, В.* Казахстан откладывает политические реформы [Текст] / В. Харламов // Дипкурьер. Приложение к Независимой газете. – 2005. – 12 сентября.

УДК 331.101.234

ИНКЛЮЗИЯ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

А. В. Плотников

Статья посвящена анализу факторов, ограничивающих возможности получения социально-культурной информации пожилыми людьми, разработки и использованию информационных технологий, способствующих инклюзии пожилого населения в информационное пространство региона, институализации новых форм социального партнерства и работы с пожилыми людьми.

Ключевые слова: инклюзия, информационно-образовательные технологии, гендерные различия, информационный потенциал, неформальные сети в сельском социуме.

INCLUSION OF AGED PEOPLE INTO THE REGIONAL INFORMATION AREA

A. V. Plotnikov

The article is dedicated to the analysis of factors, which restrict opportunities of old people from getting sociocultural information. It also represents development and usage of informational technologies which help aged people to get involved into the regional information area

Keywords: inclusion, informational technologies, gender differences, informational potential, gender differences, informal network in rural society.

Обеспечение равного доступа к информации является одним из важнейших условий реализации социально-культурных прав пожилых людей, их интеграции в трансформирующиеся институты российского общества. Прошедший XX век был отмечен значительным старением населения России. В соответствии с классификацией ООН население страны считается старым, если доля лиц в возрасте старше 65 лет составляет 7 %. В Кировской области, по данным переписей населения, темпы старения населения были несколько выше среднероссийских показателей, и на начало 2009 г. удельный вес этой возрастной категории населения превысил 14 %.

Тенденция старения сохранится и в дальнейшем, поскольку, с одной стороны, в трудоспособный возраст будут вступать малочисленные группы населения, родившиеся в начале 1990-х гг., а с другой – из трудоспособного возраста будут выходить представители поколения послевоенных лет, родившиеся в период всплеска рождаемости.

Увеличение доли пожилого населения – общемировая тенденция, требующая переосмыслить многие существующие основания социальной и экономической политики, научные интерпретации, стереотипы общественного восприятия возраста и социальные установки.

Научные интерпретации старения и старости как социального феномена претерпели существенные трансформации. На смену известной теории «освобождения», рассматривающей старение как естественный процесс не только физического «увядания», но и исключения пожилого человека из социальной среды, пришли «теории активности», интерпретирующие «третий возраст» как этап жизни, который должен наполняться активной, творческой жизнедеятельностью.

В государственной социальной политике Российской Федерации в последнее десятилетие декларируется необходимость создания условий для активной, творческой жизнедеятельности пожилых граждан, прекративших активную трудовую деятельность, обеспечивающих их интеграцию в институты общества.

Одним из основных направлений реализации проекта «активной старости», социальной интеграции пожилых является создание новых информационно-образовательных технологий для пожилых людей. Особую актуальность этому придают значительные трансформации институтов российского общества, условия, когда прежняя, советская институциональная модель информационной инклюзии пожилого населения практически прекратила свое

существование, а также развитие новых информационных технологий.

Как эти вопросы решаются на примере конкретного российского региона?

Кировская область в 2002–2004 гг. была одним из регионов Российской Федерации, в котором, в рамках Федеральной целевой программы «Старшее поколение», реализовывался пилотный проект «Организация образовательной и досуговой работы с гражданами пожилого возраста».

Исследовательским коллективом под руководством автора данного материала было проведено два социологических исследования – до начала реализации проекта и по итогам его реализации (последний – на средства гранта Минздравсоцразвития России). В число исследовательских задач входили: оценка инклюзии пожилых граждан в информационное пространство региона; изучение потребностей пожилого населения на рынке информационных услуг при реализации спроса и предложения на эти услуги; оценка имеющихся и предложение оптимальных информационно-образовательных технологий, способствующих социальной интеграции и адаптации к условиям трансформирующегося общества, ряд других задач.

Объем выборки, репрезентирующий пожилое население региона (достигших пенсионного возраста), составил 960 человек; средняя ошибка выборки составила 5 % с вероятностью 95 %.

Проведенные исследования показали, что потребности в получении информации – просмотре телепередач, чтении газет, журналов и книг, приносят наибольшее удовлетворение из других видов досуга пожилым людям (этот фактор отметили более 60 % работающих и 40 % неработающих пенсионеров). Еще для каждого третьего работающего и неработающего пенсионера потребность в обращении к средствам массовой информации, другим источникам информации является «важной».

Существуют значительные различия по степени инклюзии пожилых в официальное информационное пространство, обращаемости к средствам массовой информации. Основными дифференцирующими факторами здесь выступают уровень образования и возраст респондентов. Так, из числа респондентов, имеющих высшее и среднее специальное образование, только 2 % «вообще не читают газет», тогда как среди респондентов с общим средним образованием таковых оказалось 10 %, а из имеющих неполное среднее и начальное образование – почти 40 %. Аналогичное распределение наблюдается и в отношении электронных СМИ. «Вообще не смотрят телевидение» – около 2 % респондентов со средним образованием и выше, тогда как среди респондентов с неполным средним образованием и ниже – 15,8 %.

Наряду с образованием, возраст так же является фактором, определяющим степень инклюзии респондентов в информационное пространство. К примеру, в возрастной группе старше 75 лет (состоящей на 90 % из женщин, преимущественно со средним и неполным средним образованием) в сравнении с «младшими» группами пожилых, почти на 15 % меньше респондентов, смотрящих телевидение и слушающих радио; на 30 % меньше читающих газеты и журналы.

У 5,8 % опрошенных отсутствует телевизионный приемник, что существенно сужает возможности доступа к информации. Как правило, это неработающие пенсионеры в возрасте старше 70 лет, имеющие начальное (и ниже) образование. Более 60 % этих респондентов являются одинокими людьми.

Существенным фактором, ограничивающим доступ большинства респондентов к различным информационным источникам, является крайняя скудность бюджетов, особенно неработающих пенсионеров.

В последнее время информационное пространство региона стало гораздо более разнообразным. Стали транслироваться новые телевизионные каналы – «Культура», «Звезда», ТНТ и другие. Появилось значительное количество новых газет и журналов – как федеральных, так и местных (например, «Наш город», «Источник новостей», «Вятская особая газета» и другие). Однако расширение разнообразия регионального информационного пространства не сопровождалось соответствующим ростом его доступности – в большинстве муниципальных районов и даже городских округах по-прежнему транслируются только передачи первого и второго телевизионных каналов ОРТ и РТР, а ограниченность бюджетов пожилых людей позволяет выписывать не более одной-двух газет.

Ежедневно канал ОРТ смотрят 89,6 % опрошенных, РТР – 71,8 % опрошенных во всех типах поселений региона. Остальные федеральные телеканалы транслируются только на областной центр и четыре прилегающих к нему муниципальных районов, поэтому в общей выборке их рейтинг в несколько раз ниже («Звезда» – 17,9 %, «Культура» – 9,8 %, НТВ – 5,2 %, ТВЦ – 5,1 %). Телевизионные каналы RenTV, СТС, ТНТ, ряд других, смотрят менее 2 % респондентов, что во многом определяется содержанием их программ, ориентированных в основном на зрителей молодого и среднего возраста. Следует отметить гендерные различия – мужчины в среднем смотрят большее число телевизионных каналов, нежели женщины.

Более 70 % респондентов отмечают, что содержание передач основных федеральных каналов мало соответствует культурным потребностям

пожилых людей: крайне мало доступных передач о насущных проблемах пожилых – правах пожилых людей, изменениях в законодательстве; о здоровом образе жизни и медицине; науке и технике, религии и др.

Значительную часть бюджета времени, затрачиваемую респондентами на просмотр телепередач, занимает просмотр новостных и аналитических программ. Новости и аналитические программы (федеральные и региональные) регулярно смотрят около 60 % опрошенных, в равной степени мужчины и женщины, причем работающие пенсионеры смотрят эти передачи чаще, чем неработающие. Гораздо больше включены в информационное пространство образованные респонденты. Среди пожилых людей с высшим образованием смотрят новостные и аналитические программы почти 80 %, тогда как с начальным образованием – 32 %.

Изучение бюджета времени, затрачиваемого пенсионерами на просмотр телепередач, показало, что около 55 % респондентов тратят ежедневно на просмотр телепередач от одного до трех часов; более трех часов в день смотрят телевизор 34,4 % опрошенных.

Таким образом, для 1/3 опрошенных просмотр телепередач составляет главное содержание их досуга.

Второе по значимости место в структуре информационного поля пожилых людей после телевидения занимают печатные СМИ. Результаты исследования показали наличие высокого интереса пожилых людей к печатным средствам массовой информации: 62,7 % опрошенных выписывают и читают газеты, 5 % – журналы. Мужчины читают газеты и журналы чаще, чем женщины; в возрастной группе от 55 до 64 лет читающих респондентов на 15 % больше, чем в старших возрастных группах.

Интерес пожилых людей к местным печатным изданиям гораздо выше, чем к центральным газетам и журналам. Это обусловлено, прежде всего, информационной политикой федеральных телевизионных компаний – в сетке их вещания новостным передачам региональных телекомпаний выделяется лишь около одного часа в день. Поэтому основным источником местных новостей являются городские и районные газеты, занимающие первое место по популярности у респондентов – их выписывают и регулярно читают около 45 %.

Растущей популярностью у респондентов пользуются бесплатные газеты, что объясняется невысоким уровнем доходов пожилых людей.

Федеральные печатные СМИ или их региональные приложения выписывают и читают около 6 % опрошенных. Вариант ответа «вообще не читаю

газет» отметили 12,8 % опрошенных, что говорит в целом о высокой значимости печатных СМИ для пожилых людей.

Большие различия в отношении чтения газет и журналов обнаруживаются между работающими и неработающими пенсионерами, последние читают в среднем почти в два раза меньше чем работающие респонденты, хотя приоритеты в отношении конкретных изданий те же.

Еще большие различия обнаруживаются в отношении радиопередач.

Если в г. Кирове регулярно слушают радио 68,7 % опрошенных, то в городах области и поселках городского типа – около 62 %, а в сельских населенных пунктах – только 46,5 % респондентов.

В отличие от чтения газет и журналов, работающие и неработающие респонденты слушают радио одинаково часто.

Существенно чаще слушают радио пожилые с более высоким уровнем образования – 73,3 % против 45,1 %, имеющих начальное образование.

Последнее место в рейтинге источников информации принадлежит сети Интернет, которой пользуются около 0,2 % респондентов.

Важным показателем является наличие обратной связи респондентов со средствами массовой информации.

Анализ ответов на вопрос «Приходилось ли Вам обращаться по какому-либо поводу в газету, на радио, на телевидение?» показал, что подавляющая часть респондентов (83,9 %) не обращались в средства массовой информации никогда.

Из числа респондентов, обращавшихся в средства массовой информации, 12,9 % – обращались в районную газету, 1,2 % – в центральные газеты, 1 % – в областную прессу. Практически не обращаются пожилые люди на радио (0,2 % опрошенных); на областное и центральное телевидение (соответственно 0,4 % и 0,3 %).

Сравнительный анализ показал, что среди респондентов, обращавшихся в СМИ, преобладают мужчины (они обращаются чаще женщин в 1,4 раза – 16,7 % против 11,9 %; почти в два раза чаще обращаются в СМИ работающие пенсионеры, чем неработающие – 21,8 % против 11,5 %).

Частота обращений в СМИ напрямую связана с уровнем образования респондентов: например, из числа обратившихся в районные газеты высшее образование имели 26,2 % тогда как начальное – только 2,8 % опрошенных.

Чаще обращаются в районные газеты мужчины от 60–64 и женщины от 55 до 59 лет.

Обращает внимание крайне низкая удовлетворенность респондентов результатами своего обращения в СМИ. Так, из числа респондентов, обратившихся в СМИ, полностью удовлетворены

полученными ответами лишь 15 %. Значительно выше степень удовлетворенности по результатами обращения в СМИ среди респондентов, имеющих высшее образование, 27,4 %, тогда как среди имеющих начальное образование и ниже – только 7,5 %.

В городах области процент удовлетворенных результатами обращения в СМИ выше, чем в поселках и сельских населенных пунктах (26,4 %). Ниже всего этот показатель в областном центре – 5,8 %.

Анализ ответов на открытый вопрос анкеты о том, с какими вопросами респондентам приходилось обращаться в средства массовой информации, показал, что почти 95 % обращений касаются решения личных проблем пожилых людей, находящихся в компетенции местных и региональных органов власти, правоохранительных органов. Это свидетельствует об устойчивости у пожилых людей, в основном жителей малых городов, поселков и сел, стереотипа, сформированного в советский период, о роли и возможностях газеты, так и о существующем отчуждении муниципальной власти от пожилых.

Радикально отличается структура источников информации у респондентов, проживающих в сельской местности и респондентов с низким уровнем образования (неполное среднее и ниже). Более половины из них ориентированы на обращение к информации преимущественно от ближайшего социального окружения (знакомых, друзей, родственников), которое представляет, таким образом, специфическую структурную сеть. Именно она, а не формальные, официальные средства массовой информации, как показало исследование, служит в сельской местности и среди малообразованных пожилых основным проводником полезной информации, и через эту сеть информация циркулирует между разными социальными кругами в сельском социуме. Информационный потенциал неформальных сетей в сельском социуме, в целом, превышает потенциал формальных структур общества.

Выявление групп пожилого населения, наименее включенного в информационное пространство региона, проживающих в сельской местности; имеющих низкий уровень образования; неработающих пенсионеров старше 70 лет и одиноких, а также специфики их информационных потребностей, позволило осуществить совместные целенаправленные усилия региональных органов власти и местного самоуправления, а также некоммерческих организаций и волонтеров по созданию условий доступа к информационным источникам прежде всего для данных групп.

Исследования показали, что наиболее доступной для обеспечения информационных потребностей

наименее включенных в информационное поле пожилых граждан в регионе является сеть учреждений системы социальной защиты населения – комплексных центров социального обслуживания населения (КЦСОН). Основную часть клиентов этих центров как раз и составляют вышеназванные категории пожилых людей. В КЦСОНах имеются приспособленные помещения, кадры, имеющие опыт работы с данной категорией населения. Для реализации пилотного проекта были отобраны восемь КЦСОНов в различных муниципальных районах области, проведено дополнительное обучение персонала, определены образовательные технологии для информационной работы с пожилыми людьми, учитывающими их специфические жизненные затруднения, особенности восприятия информации, структуру интересов и информационных потребностей пожилых.

Сравнительный анализ показал, что информационной инклюзии групп пожилых, наименее включенных в информационное поле, способствовали прежде всего информационные технологии, построенные по принципу «лицом к лицу», личного общения пожилых с консультантами и друг с другом. Это обучающие семинары, тренинги; организованные при КЦСОНах самостоятельные коллективы (клубы) по разным направлениям интересов пожилых людей; лектории правовых знаний и обеспечение памятками о правах пожилых граждан, гарантированных законодательством. Для пожилых людей с ограниченной подвижностью наиболее востребованной оказалась технология «Прямой телефонной линии». Наиболее востребованной технологией информирования для пожилого населения отдаленных сел и деревень стал ежемесячный выезд «Консультационного автобуса», состав информационной группы которого планируется с учетом потребностей и интересов граждан.

Очевидно, что государство в условиях нынешних трансформационных процессов, рыночной экономики, не в состоянии обеспечить удовлетворение информационных и культурных потребностей пожилых. Происходит институализация новых моделей социального взаимодействия, способствующих информационной инклюзии пожилых. Прежде всего, это становление партнерства государственных органов и учреждений и институтов гражданского общества. Реализация пилотного проекта позволила привлечь внимание к проблемам пожилого населения различных общественных организаций. Это способствовало активизации информационной работы с пожилыми местными ветеранских организаций, привлечение к работе с пожилыми различных некоммерческих организаций и политических партий. Востребованной оказалась инициатива старшеклассников о создании

на базе компьютерных классов школ, в рамках приоритетного национального проекта «Образование», подключенных к бесплатному широкополосному Интернету, курсов для пожилых людей по обучению пользования сетью Интернет.

Таким образом, институализация новых форм социального партнерства и работы с пожилыми людьми способствует информационной инклюзии пожилого населения, повышению качества жизни пожилых, особенно прекративших активную трудовую деятельность, их интеграцию в институты общества.

УДК 316.485

СИНДРОМ ХРОНИЧЕСКОЙ УСТАЛОСТИ ВРАЧЕЙ КАК ФАКТОР КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е. Г. Попова

Болезнь века «синдром хронической усталости» в социальном институте здравоохранения с точки зрения социологического анализа причин и последствий. Дополнительная занятость врачей приводит к эмоциональной деформации их межличностного общения с пациентом. Социальные оценки профессиональной деятельности врачей Волгограда в ходе комплексного социологического опроса.

Ключевые слова: синдром хронической усталости, синдром эмоционального выгорания, профессиональная депривация, профессиональная дезадаптация, конфликты в амбулаторно-поликлинических учреждениях.

CHRONIC FATIGUE SYNDROME AS A FACTOR OF PROFESSIONAL ACTIVITY'S CONFLICTOGENITY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

E. G. Popova

The disease of the century “Chronic fatigue syndrome” in the Social Institution of Health from the point of view of social analysis of reasons and consequences. Additional occupation of doctors leads to the emotional deformation of their interindividual communication with patients. Social assessments of doctors’ professional activity in Volgograd during the sociological opinion poll are presented in the article.

Keywords: chronic fatigue syndrome, emotional burnout syndrome, professional deprivation, professional disadaptation, conflicts in out patiently stations.

Возникновение хронического стресса в процессе длительного и напряженного межличностного общения у врачей в условиях амбулаторно-поликлинического приема неоспоримый факт реалий настоящего времени. Если врачи стационаров хирургического профиля давно включены в так называемые «группы повышенного риска» из-за развития различных срывов психофизиологической адаптации по причине хронических стрессовых воздействий, возникающих в связи с высоким эмоциональным напряжением, связанным с профессиональной деятельностью, то ситуация с врачами амбулаторно-поликлинического приема практически не обсуждалась в научной литературе. Учитывая значительные изменения в организации системы оказания первичной медико-санитарной

Библиографический список

1. Российский статистический ежегодник. Официальное издание [Текст]. – М.: Госкомстат России, 2007.
2. Численность населения Кировской области по полу и отдельным возрастным группам на 1 января 2009 года. Статистический бюллетень [Текст]. – Киров: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области, 2009.
3. 200 лет Вятской губернии. Статистический сборник [Текст]. – Киров: Кировский областной комитет государственной статистики, 1996.

помощи в муниципальных амбулаторно-поликлинических учреждениях (АПУ), связанные с реформированием системы здравоохранения, стремительным внедрением различных масштабных инновационных проектов, формированием у пациентов негативного восприятия врача через средства массовой информации, усугубляющими конфликтогенность общения в диаде «врач – пациент», в группу медицинских специальностей, подверженных развитию синдрома хронической усталости и синдрома эмоционального выгорания, обоснованно могут быть включены и врачи поликлиник. Их деятельность многофункциональна, предполагает обязательную необходимость межличностного общения в течение всего рабочего дня и быстрого принятия ответственных решений.

Однако сценарии профессионального выбора не всегда учитывают возможности личности врача к психологической адаптации в условиях такого вида деятельности. Труд врача в поликлиниках всегда считался менее напряженным и ответственным, чем в стационарах и поэтому при постоянно возрастающих в последние годы нагрузках на первичное звено оказания медицинской помощи, необходимо отметить значимость факта длительной профессиональной депривации врача амбулаторно-поликлинического приема. Она связана с ранжированием групп в иерархии профессиональной стратификации, неудовлетворенностью занимаемой профессиональной позицией, условиями и возможностями вертикальной восходящей и горизонтальной профессиональной мобильности. Профессиональная депривация содержит и экономический компонент, особенно значимый (после введения федеральных доплат врачам – участковым терапевтам и их медицинским сестрам в рамках реализации Приоритетного национального проекта «Здоровье») для врачей «узких» специальностей. Профессиональные деприванты отличаются острым и, как правило, негативным восприятием реформирования основ своей деятельности, что поддерживает высокий уровень предрасположенности к возникновению длительных хронических стрессов в условиях внедрения инноваций и является причиной развития различного рода конфликтов.

Новой «болезни века» – так исследователи сегодня определяют синдром хронической усталости (СХУ) – подвержены те, кто находится в ситуации затяжных хронических стрессов, кто должен в силу своих профессиональных обязанностей выполнить все необходимые дела в запланированный отрезок времени или вынужден, для их качественного исполнения, значительно увеличивать длительность рабочего времени. В указанную группу причин также входит ситуация, связанная с использованием во врачебной среде с целью получения дополнительных финансовых средств и обеспечения нормального функционирования медицинских учреждений в условиях нехватки специалистов, заместительства/совместительства. СХУ диагностируется при появлении быстрой утомляемости, повышенной раздражительности, беспокойства, расстройства внимания, слабости, бессонницы, головных болей. Одним из проявлений синдрома (зачастую не воспринимаемого самим индивидуумом как патология) являются аффективные переживания, так как именно эмоциональный аппарат первым включается в стрессовую реакцию при воздействии экстремальных и повреждающих факторов (А. Е. Вермель, А. Н. Краснов, Е. В. Мензул, Н. М. Рязанцева, Е. А. Сухобрус). Они и определяют репертуар

стереотипных стратегий поведения в условиях конфликта на амбулаторно-поликлиническом приеме. Отметим, что наличие проявлений СХУ препятствует реализации конструктивных вариантов «coping behavior» – копинг-поведения (спектр активного поведения, направленного на преодоление кризисной ситуации), таких, как самоконтроль, принятие ответственности за решения, стратегическое и тактическое планирование, поиск социальной поддержки, переоценка ситуации, ее положительное восприятие (Р. С. Лазарус, Ф. З. Меерсон, Б. Д. Карвасарский, С. И. Филиппченкова, А. В. Карпов, Н. В. Кузьмина, А. А. Реан). Субъектом конфликта в этом случае чаще используется либо конфронтативный копинг, способствующий эскалации конфликта, либо дистанцирование – избегание, что также препятствует его оперативному и эффективному разрешению.

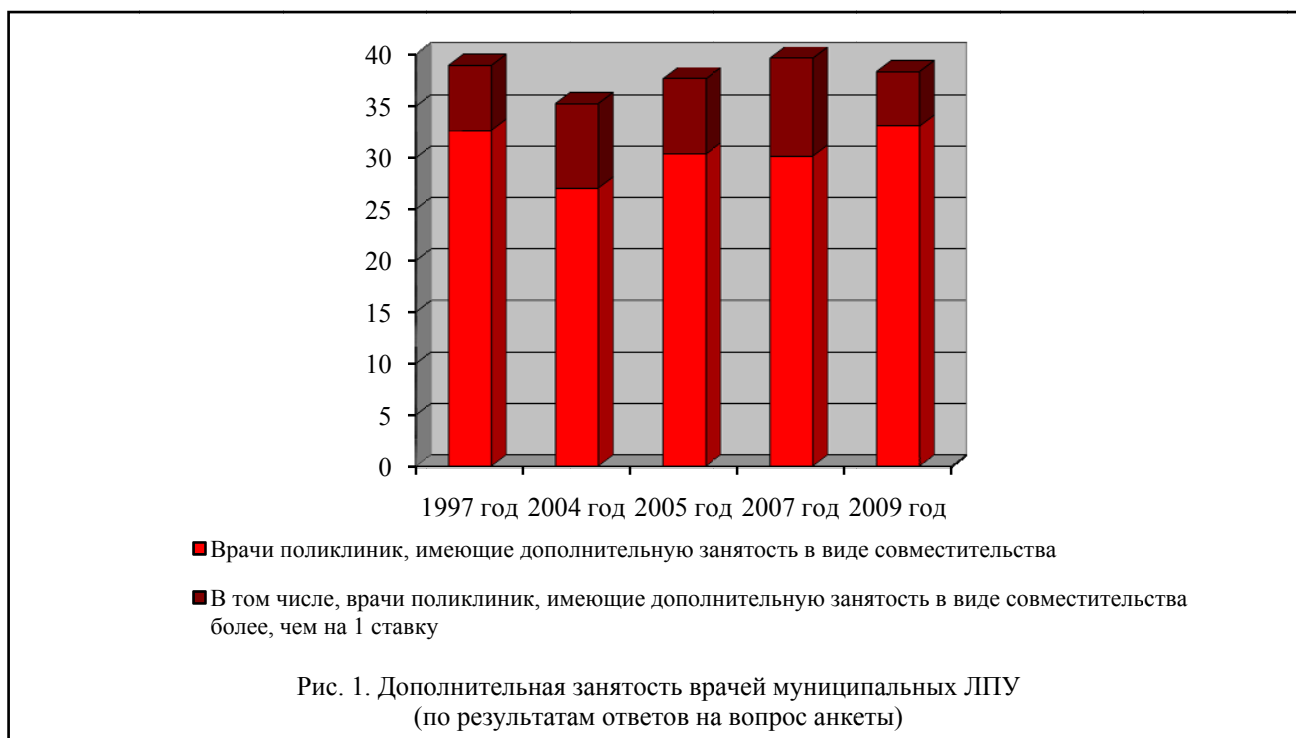
На фоне развития синдрома хронической усталости в профессиях, характеризующихся тесным, пролонгированным межличностным общением, предполагающим глубокое вовлечение специалиста в процесс негативных переживаний субъекта взаимодействия, и необходимость (как способ наладить взаимопонимание и взаимодействие) достаточно активного проявления обычных этических реакций, прямо вытекающих из сострадания (проявление жалости, утешение и даже практическая помощь, содействие в решении проблем), диагностируются признаки хронического «профессионального стресса» (J. Spensley, K. Blacker) и его закономерного исхода – синдрома эмоционального выгорания (СЭВ). СЭВ характеризуется триадой признаков: эмоциональным истощением, деперсонализацией, уменьшением уровня личностных достижений у профессионалов, работающих с людьми (К. Maslach). Отметим, что в работах, посвященных изучению СЭВ, опубликованных за период с 1974 г., имеет место неоднозначная интерпретация термина. Многие исследователи рассматривают его как составную часть синдрома «профессионального выгорания» – профессиональной деформации личности, в котором на фоне физического и психического истощения появляется отрицательная самооценка, негативное отношение к работе, утрачивается чувство взаимопонимания и сочувствия при межличностном взаимодействии, фиксируются проблемы с преодолением личных трудностей (В. В. Лукьянов, В. В. Бойко, Н. Е. Водопьянова, Л. П. Гримак, Ф. Е. Василюк, В. Н. Васильев, Л. М. Митина, В. Е. Орел, А. А. Рукавишников, Т. В. Форманюк, Джексон, Э. Ф. Зеер, Пулен, Уолтер, Роуи). Причиной эмоционального истощения – основной составляющей профессионального выгорания врача амбулаторно-поликлинического приема, являются

проблемы, связанные с перегрузками на работе при неоднозначности выполняемых ролевых функций, необходимостью превышать организаторские полномочия и невозможностью влиять на принятие решений, высоким уровнем ответственности и неудовлетворенностью межличностными контактами. Превалирующее влияние на возникновение этого компонента синдрома оказывают внешние, объективные факторы (профессиональная дезадаптация), и в меньшей степени субъективные причины – особенности личности (низкий уровень здоровья и выносливости, высокая личностная тревожность). Существенное влияние личностных характеристик (или внутренних факторов) фиксируется при анализе второй составляющей синдрома – деперсонализации. К ним относятся: наличие в психологическом статусе врача личностных качеств, не совместимых с профессиональной деятельностью, а именно грубости, эгоистичности, завышенной самооценки, инфантилизма, интровертированности; отсутствие профессионально значимых качеств – эмпатийности, гуманизма; ментальная неготовность врача к работе с больными и, как правило, эмоционально неустойчивыми людьми. Редукция личных достижений, проявляющаяся в отрицательной оценке профессиональных успехов и возможностей, негативном восприятии инноваций, снижении мотивации к профессиональному росту и деятельности, – третий компонент СЭВ.

На пике синдромов хронической усталости и эмоционального выгорания большинство исследователей констатируют факт деформации лич-

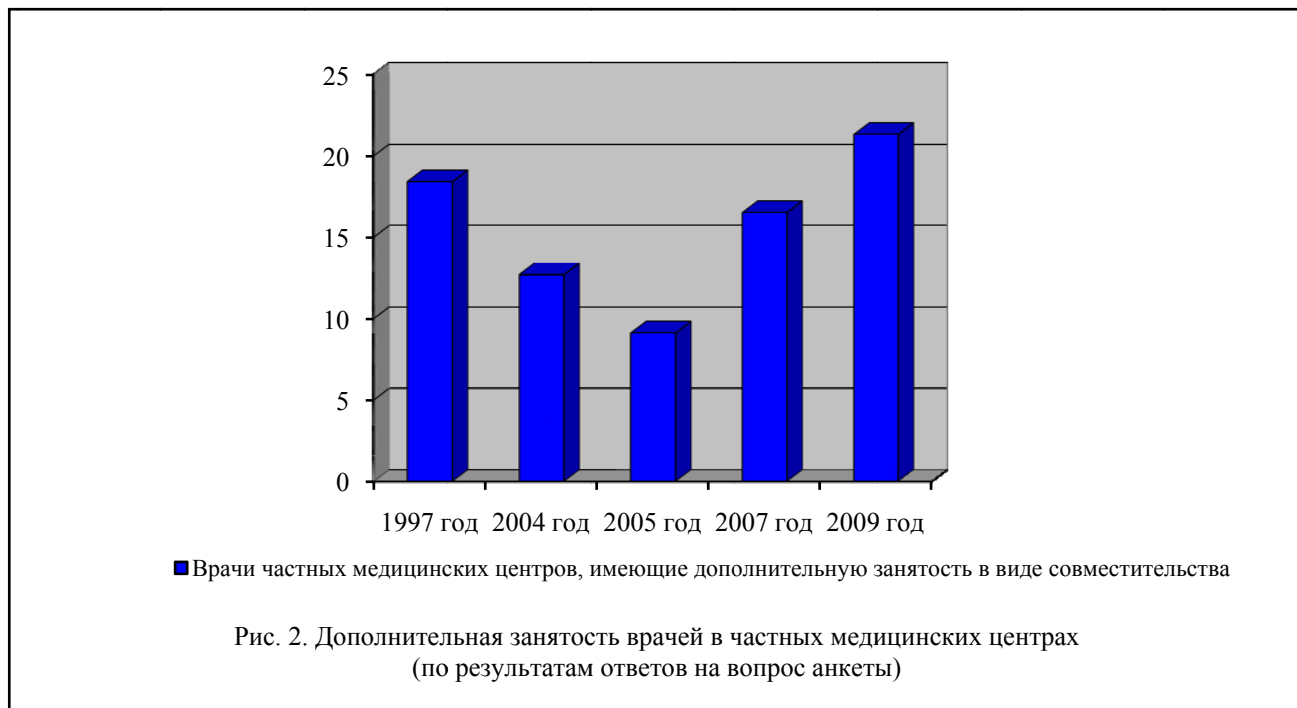
ности специалиста в виде частичного или полного исключения эмоций при профессиональном межличностном общении. Нас же заинтересовало диаметрально противоположное проявление профессиональной девиации на фоне СХУ и СЭВ в медицинской среде – конфликтность и ее особенности на амбулаторно-поликлиническом приеме. Нами проведено исследование влияния дополнительной занятости (работа по совместительству) на возникновение у врачей поликлиник синдромов хронической усталости и эмоционального выгорания и конфликтности этих феноменов при межличностном общении в диаде «врач – пациент».

При высокой оценке результатов своего труда для пациентов подавляющее большинство врачей поликлиник (84,6 % в муниципальных лечебных учреждениях в 1997 г., 91,1 % в 2004 г., 94,7 % в 2005 г., 90,5 % в 2007 г. и 89,2 % в 2009 г.) отмечают несоответствие его оплаты и трудовых затрат, указывая на низкую заработную плату. Среди врачей частных лечебных учреждений эти цифры составили соответственно 34,8 %, 42,9 %, 44,6 %, 52,5 %, 61,5 %. Вынуждены дополнительно работать (причем 6,3 % более чем на 1 ставку в 1997 г., 8,2 % – в 2004 г., 7,3 % – в 2005 г., 9,5 % – в 2007 г., 5,3 % – в 2009 г.) для обеспечения достойного существования семьи и (или) нормального функционирования ЛПУ 38,9 % врачей муниципальных ЛПУ в 1997 г., 35,2 % – в 2004 г., 37,6 % – в 2005 г., 39,6 % – в 2007 г. – три четверти из них «узкие» врачи-специалисты, 38,3 % – в 2009 г. (рис. 1).

В частных медицинских центрах «подрабатывало» до 0,5 ставки, не афишируя этот факт на основном рабочем месте, всего 18,4 % врачей в 1997 г., 12,7 % – в 2004 г., 9,1 % – в 2005 г.,

16,5 % – в 2007 г. (сказалось увеличение заработной платы в МУЗ), 21,3 % – в 2009 г. (причина – снижение заработной платы из-за мирового экономического кризиса) (рис. 2).

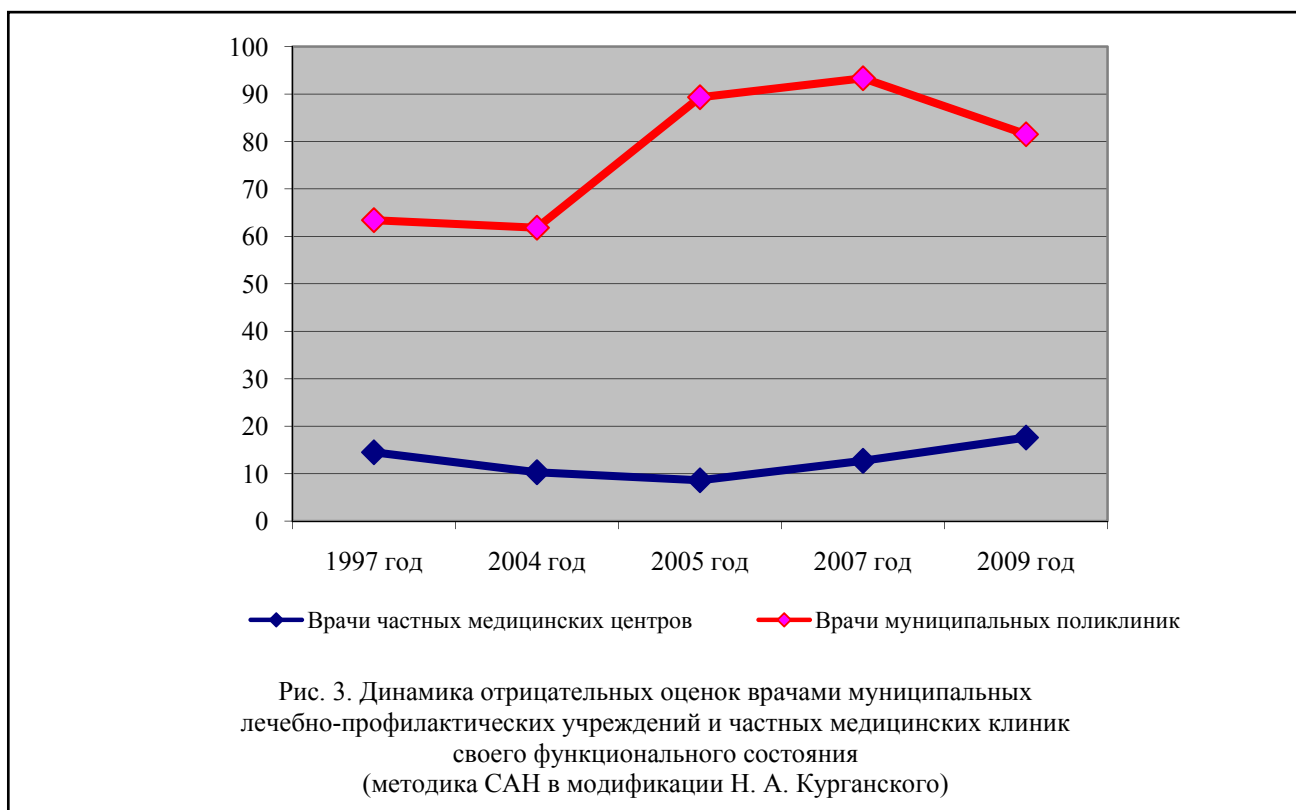

Продолжительность рабочего дня у этой категории анкетированных составляла в среднем 12 часов. Но и это позволяло довести уровень дохода на члена семьи поликлинического врача лишь до уровня прожиточного минимума. Причем около половины респондентов в каждое анкетирование (вне зависимости от формы собственности их лечебных учреждений) выражали готовность интенсифицировать свой труд и даже увеличить продолжительность рабочего времени (в среднем – треть опрошиваемых) – с целью повышения материального вознаграждения. В Волгограде укомплектованность врачами-специалистами составляет около 69 % (по состоянию на 1 января 2009 г.). Нехватка врачей в первичном медико-санитарном звене – причина существенных сложностей в организации деятельности поликлиник, вынуждающая руководителей медицинских учреждений разрешать своим сотрудникам увеличение продолжительности рабочего дня, выходящее за рамки разумного, с точки зрения сохранения здоровья и эффективности использования трудовых ресурсов. Следствием такой интенсификации труда является снижение эмоционального тонуса, рост напряжения и как результат развитие синдрома комплекса хронической усталости. Вывод подтвержден результатами проведенного нами исследования с использованием теста дифференциальной самооценки функционального состояния,

построенного на принципе полярных профилей Ч. Осгуда, предполагающего оценку таких характеристик психического состояния человека, как «самочувствие, активность, настроение» (САН) в модификации Н. А. Курганского (1990 г.). Тестирование врачей проводилось в 1997, 2004, 2005, 2007 и 2009 гг. для выявления динамики их состояния на фоне изменений, происходящих в системе здравоохранения в эти периоды. В 1997 г. две трети (63,4 %) врачей поликлиник, использующих дополнительную занятость (совместительство по специальности) как средство улучшить свое материальное положение, при тестировании набрали от 16 до 21 балла, по шкалам: самочувствие, эмоциональный тонус и настроение (напряжение и комфортность), что соответствует уровню критического, пограничного состояния. Отметим, что хуже результаты были у врачей-женщин «узких» специалистов в возрасте от 41 до 55 лет. В группе врачей частных медицинских центров лишь у 14,5 % испытуемых были зафиксированы аналогичные показатели, причем превалировали в группе врачи-мужчины в возрасте 31 до 40 лет. В 2004 г. в самооценке функционального состояния среди врачей муниципальных и частных лечебных учреждений существенных количественных и качественных изменений не произошло (61,8 % и 10,3 % соответственно). Введение системы дополнительного лекарственного обеспече-

ния в 2005 г. отрицательно повлияло на самочувствие, снизило уровень эмоционального тонуса и настроение врачей, имеющих подработки. Уже у 89,3 % участников тестирования в муниципальных поликлиниках были зафиксированы отрицательные девиации. Среди них выявлено равное представительство врачей по специальностям, число женщин несколько снизилось (соотношение женщины/мужчины – 3:1), возрастные рамки остались прежними. Сохранение дополнительной занятости на фоне увеличившихся нагрузок на амбулаторно-поликлиническом приеме при реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» в 2007 г. усугубило имеющиеся тенденции. В группе врачей, трактующих свое самочувствие как плохое, отмечающих вялость, усталость, необходимость отдыха, свидетельствующих

о нарастающем раздражении, оказалось 93,3 % испытуемых. Подавляющее их число – врачи участковые терапевты и «узкие» специалисты (женщины), включенные в перечень по проведению дополнительной диспансеризации. Возрастные границы группы расширились. В нее вошли женщины в возрасте от 31 до 55 лет. Показатели по частным клиникам в 2005 и 2007 гг. практически не изменились (8,6 % и 12,7 % соответственно). Последнее тестирование (2009 г.) не внесло существенных корректив в имеющиеся наблюдения, хотя мировой финансовый кризис в определенной мере сгладил отрицательное восприятие сверхурочной работы. Недовольны своим самочувствием и настроением 81,5 % врачей в муниципальных поликлиниках и 17,6 % врачей в частных лечебно-диагностических центрах (рис. 3).

При тестировании врачей в контрольной группе (56 человек, сопоставимые с основной группой по половозрастному составу, врачебным профессиям, стажу работы, квалификационным категориям и семейному положению, но не имеющих дополнительной занятости в виде совместительства) нами не выявлено столь выраженных изменений их функционального состояния, которое могло бы трактоваться как синдром хронической усталости. Около двух третей врачей контрольной выборки (62,5 %) набрали по результатам исследования от 3 до 8 баллов по анализируемым шкалам, что свидетельствует о хорошем самочувствии,

высокой степени психической активации и эмоционального тонуса, сохраненном интересе к работе и повседневной жизни, 33,9 % – от 9 до 15 баллов (средние – удовлетворительные показатели) и лишь 2 врача (3,6 % обследуемых), несмотря на обычную продолжительность рабочего дня находились в состоянии физического и психоэмоционального истощения.

Оценка доли влияния анализируемых факторных признаков (наличие дополнительной занятости, пол, возраст, профессиональная специализация, стаж работы, квалификационная категория) на результирующий признак (формирование

синдрома хронической усталости по итогам тестирования) осуществлялась определением коэффициента детерминации (r^2). Для диады «дополнительная занятость – СХУ» он составил максимальное значение – 0,76 (76 % влияния). Степень взаимосвязи признаков определена после комбинационной группировки собранного материала. В ходе вычислений последовательно элиминировались влияния несущественных признаков. С помощью коэффициентов парной корреляции Пирсона получены результаты, на основании которых можно сделать вывод об определяющем влиянии на формирование синдрома хронической усталости длительности рабочего времени сверх обычных нормативных нагрузок ($r = 0,9$, связь прямая, сильная).

Учитывая полученные в результате исследования данные можно сделать вывод, что у восьми из десяти врачей муниципальных поликлиник, совмещающих по специальности (продолжительность рабочего дня 12 и более часов), имеются проявления СХУ. Аналогичное заключение эмпирически может быть дано и по частным медицинским центрам, так как в связи с немногочисленностью наблюдений (17 врачей, совмещающих основную и дополнительную работу по специаль-

ности) использование в доказательной базе методов математической статистики представляется нам не совсем корректным.

Параллельно (начиная с 2004 г.) нами проведены исследования уровня профессионального выгорания у врачей амбулаторно-поликлинического звена на фоне сверхнагрузок, связанных с увеличением продолжительности рабочего времени за счет совместительства, с использованием опросника МВІ (адаптированного Н. Е. Водопьяновой) (2004 г.).

Распределение врачей муниципальных амбулаторно-поликлинических учреждений, имеющих дополнительную занятость в виде совместительства, по специальности, по полу, стажу и специальности, принявших участие в исследованиях, представлено в табл. 1. (Примечание: при исключении по какой-либо объективной причине из обследуемой группы ее членов, осуществлялась замена респондента с соблюдением принципа адекватности учетных признаков). Контрольную группу составили 50 врачей поликлинического звена, сотрудники тех же ЛПУ, в которых работали обследуемые, сопоставимые с основной группой по полу, стажевым характеристикам и специальностям, но не имеющие дополнительной занятости.

Таблица 1

Распределение врачей муниципальных амбулаторно-поликлинических учреждений, имеющих дополнительную занятость в виде совместительства, по полу, стажу и специальности

Учетные признаки	Всего	Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
		М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Кол-во	81	22	59	22	29	30	54	27
%	100	27,2	72,8	27,2	35,8	37,0	66,7	33,3

Результаты работы представлены в таблицах 2–13.

Данные по уровню эмоционального истощения (ЭИ) врачей амбулаторно-поликлинического приема, имеющих дополнительную занятость в виде совместительства по специальности (табл. 2–5)

Таблица 2

2004 год									
Степень выраженности ЭИ	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	51	9	42	8	19	24	30	21
	%	63,0	40,9	71,2	36,4	65,5	80,0	55,6	44,4
Средний уровень	Кол-во	26	10	16	12	8	6	23	3
	%	32,1	45,5	27,1	54,5	27,6	20,0	42,6	11,1
Низкий уровень	Кол-во	4	3	1	2	2	–	1	3
	%	4,9	13,6	1,7	9,1	6,9	–	1,9	11,1

Таблица 3

2005 год									
Степень выраженности ЭИ	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	58	6	52	11	24	23	43	15
	%	71,8	27,3	88,1	50,0	82,8	76,7	79,6	55,6
Средний уровень	Кол-во	21	14	7	11	3	7	11	9
	%	25,7	63,6	11,9	50,0	10,4	23,3	20,4	33,3
Низкий уровень	Кол-во	2	2	–	–	2	–	–	3
	%	2,5	9,1	–	–	6,9	–	–	11,1

Таблица 4

2007 год									
Степень выраженности ЭИ	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	69	15	54	18	24	27	52	17
	%	85,3	68,2	91,5	81,8	82,8	90,0	96,3	63,0
Средний уровень	Кол-во	11	7	4	4	5	2	2	9
	%	13,5	31,8	6,8	18,2	17,2	6,7	3,7	33,3
Низкий уровень	Кол-во	1	–	1	–	–	1	–	1
	%	1,2	–	1,7	–	–	3,3	–	3,7

Таблица 5

2009 год									
Степень выраженности ЭИ	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	53	8	45	15	17	21	40	13
	%	65,4	36,4	76,3	68,1	58,6	70,0	74,1	48,2
Средний уровень	Кол-во	25	11	14	6	11	8	13	12
	%	30,9	50,0	23,7	27,3	37,9	26,7	24,1	44,4
Низкий уровень	Кол-во	3	3	–	1	1	1	1	2
	%	3,7	13,6	–	4,6	3,5	3,3	1,9	7,4

Постоянное сочетание значительных физических перегрузок (нарастающая интенсификация труда при двенадцатичасовом рабочем дне) и высокого психологического напряжения (ответственность за жизнь больного, необходимость оперативного принятия решений, сопереживание) являются определяющими при формировании СЭВ у врачей муниципальных ЛПУ, совмещающих по специальности. Высокий уровень эмоционального истощения у большинства врачей амбулаторно-поликлинического звена (в среднем по годам 71,4 %) зафиксирован всеми проведенными в рамках исследования наблюдениями, однако, в годы внедрения инновационных проектов (2005 год – программа ДЛЮ, 2007 год – реализация приоритетного национального проекта «Здоровье») возросшие нагрузки на участковую службу усилили выраженность этого компонента синдрома комплекса (71,8 % и 88,1 % соответственно). В группе врачей с высокой степенью ЭИ преобладают женщины

участковые терапевты с большим стажем работы. Необходимо отметить, что полученные данные свидетельствуют и о значительном количестве врачей этой группы (в среднем по годам 25,6 %), находящихся в стадии формирования эмоционального истощения (средний уровень ЭИ). В ней преобладают врачи мужчины «узких» специальностей, без четкой градации по стажевым характеристикам. Доля обследованных с низким уровнем эмоционального истощения в контрольной группе значимо выше, чем в основной (88 % – в 2004 г., 82 % – в 2005 г., 72 % – в 2007 г., 76 % – в 2009 г.). Длительный период мониторинга проблемы позволяет сделать вывод о том, что в период форсированного внедрения инновационных проектов все врачи амбулаторно-поликлинических ЛПУ потенциально угрожаемы по развитию высокого уровня ЭИ. В контрольной группе в 2004 и 2009 гг. у каждого четвертого врача (22,0 % и 26,0 % соответственно) имеет место средний уровень выражен-

ности эмоционального истощения, в 2005 и 2007 гг. он регистрируется уже у половины врачей (52,0 % и 54,0 % соответственно). Выявлена и еще одна существенная закономерность. В течение первых трех месяцев работы в условиях нововведений высокая степень ЭИ фиксируется у врачей

на 8–11 % чаще, чем в более поздние сроки их реализации. Обследование врачей в период до и после очередных отпусков тоже дает некоторую, но не существенную разницу в результатах (не более 3–5 %).

Данные по уровню деперсонализации врачей амбулаторно-поликлинического приема, имеющих дополнительную занятость в виде совместительства по специальности (табл. 6–9)

Таблица 6

2004 год									
Степень выраженности деперсонализации	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	9	7	2	3	3	3	3	4
	%	10,3	31,8	3,4	13,6	10,3	10,0	5,6	14,8
Средний уровень	Кол-во	62	11	51	17	23	22	45	26
	%	76,8	50,0	86,4	77,3	79,4	73,3	83,3	96,3
Низкий уровень	Кол-во	10	4	6	2	3	5	6	7
	%	12,9	18,2	10,2	9,1	10,3	10,0	11,1	25,9

Таблица 7

2005 год									
Степень выраженности деперсонализации	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	59	16	43	13	18	28	41	18
	%	72,8	72,8	72,9	59,1	62,1	93,3	75,9	66,7
Средний уровень	Кол-во	14	3	11	5	7	2	11	3
	%	17,3	13,6	18,6	22,7	17,2	6,7	20,4	11,1
Низкий уровень	Кол-во	8	3	5	4	4	–	2	6
	%	9,9	13,6	8,5	18,2	13,8	–	3,7	22,2

Таблица 8

2007 год									
Степень выраженности деперсонализации	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	72	19	53	20	24	28	50	22
	%	88,9	86,5	89,8	91,0	82,8	93,3	92,6	81,5
Средний уровень	Кол-во	8	2	6	1	5	2	4	4
	%	9,9	9,0	10,2	4,5	17,2	6,7	7,4	14,8
Низкий уровень	Кол-во	1	1	–	1	–	–	–	1
	%	1,2	4,5	–	4,5	–	–	–	3,7

Таблица 9

2009 год									
Степень выраженности деперсонализации	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	63	20	43	12	24	7	42	21
	%	77,8	91,0	73,0	54,6	82,8	90,0	77,8	77,8
Средний уровень	Кол-во	10	2	8	3	5	2	6	4
	%	12,4	9,0	13,5	13,6	17,2	6,7	11,1	14,8
Низкий уровень	Кол-во	8	–	8	7	–	1	6	2
	%	9,8	–	13,5	31,8	–	3,3	11,1	7,4

Деперсонализация – специфическое изменение самосознания врача на фоне хронического стресса и высокой интенсивности труда на протяжении всего рабочего дня в условиях тесного межличностного контакта с носителями отрицательных эмоций (больными людьми), проявляющееся разнообразными формами фрустрационного поведения (беспомощность в принятии решений, повышение степени зависимости от коллег и руководителей, возрастающий негативизм, раздражительность, обидчивость, агрессивность). Лишь в относительно спокойном 2004 г. (стабилизация в экономике, отсутствие радикальных реформ в системе здравоохранения), по результатам проведенного опроса, у большинства (76,8 %) врачей поликлиник практически вне зависимости от стажа и специальности зафиксирован средний уровень выраженности деперсонализации. Последующие наблюдения (2005–2009 гг.) обнаружили существенный рост выраженности этого компонента СЭВ

среди обследуемых. Соотношение мужчин и женщин, представительство по специальностям в группе с высокой степенью деперсонализации было практически равным. Сохранилась тенденция регистрации максимальной профессиональной девиации в группе врачей с большим стажем работы. Закономерности по наличию незначительных отклонений результатов обследования в сторону увеличения числа врачей, имеющих высокий и средний уровень деперсонализации на начальных этапах реализации масштабных инновационных проектов, и уменьшения их числа в этих группах после отдыха (после ежегодного отпуска) остались актуальными. При сопоставлении результатов обследования в основной и контрольных группах выявлены достоверные различия уровня исследуемого проявления СЭВ. Врачам, работающим на одну ставку (восьмичасовой рабочий день), был свойственен низкий уровень деперсонализации (в среднем по годам 96 %).

Данные по уровню редукции личных достижений (РЛД) врачей амбулаторно-поликлинического приема, имеющих дополнительную занятость в виде совместительства по специальности (табл. 10–13)

Таблица 10

2004 год									
Степень выраженности РЛД	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	3	–	3	–	2	1	3	–
	%	3,7	–	51	–	6,9	3,4	5,6	–
Средний уровень	Кол-во	35	18	17	7	6	22	20	15
	%	43,2	81,8	28,8	31,8	20,7	73,3	37,0	55,6
Низкий уровень	Кол-во	43	4	39	15	21	7	31	12
	%	53,1	18,2	66,1	68,2	72,4	23,3	57,4	44,4

Таблица 11

2005 год									
Степень выраженности РЛД	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	17	4	13	–	3	14	15	2
	%	21,0	18,1	22,0	–	10,3	46,7	27,8	7,4
Средний уровень	Кол-во	47	6	41	13	20	14	32	15
	%	58,0	27,3	69,5	59,1	69,0	46,7	59,3	55,6
Низкий уровень	Кол-во	17	12	5	9	6	2	7	10
	%	21,0	54,6	8,5	40,9	20,7	6,6	12,9	37,0

Таблица 12

2007 год									
Степень выраженности РЛД	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	24	13	11	–	3	21	4	20
	%	29,6	59,1	18,6	–	10,3	70,0	7,4	74,1
Средний уровень	Кол-во	39	–	39	10	23	6	37	2
	%	48,2	–	66,1	45,5	79,4	20,0	68,5	7,4
Низкий уровень	Кол-во	18	9	9	12	3	3	13	5
	%	22,2	40,9	15,3	54,5	10,3	10,0	24,1	18,5

Таблица 13

2009 год									
Степень выраженности РЛД	Всего		Пол		Стаж работы (лет)			Специальность	
			М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	«Узкие» специалисты
Высокий уровень	Кол-во	26	12	14	4	6	16	16	10
	%	32,1	54,6	23,7	18,2	20,7	53,3	29,6	37,0
Средний уровень	Кол-во	46	9	37	11	21	14	35	11
	%	56,8	40,9	62,7	50,0	72,4	46,7	64,8	40,7
Низкий уровень	Кол-во	9	1	8	7	2	–	3	6
	%	11,1	4,5	13,6	31,8	6,9	–	5,6	22,3

Ситуации, когда профессиональные обязанности не могут быть выполнены в нужном объеме и с должным качеством, при сохранении чувства ответственности или довлеющем страхе наказания, являются причиной редукции (минимизации) личных достижений. Эта составляющая СЭВ проявляется в негативных оценках результатов труда, появлении мыслей о профессиональной несостоятельности и попытках ограничения круга своих полномочий. В 2004 г. у большинства врачей, имеющих дополнительную занятость, результаты исследования зафиксировали низкий (53,1 % обследованных) и средний (43,2 % обследованных) уровень РЛД. Более уверенными в качестве профессиональных знаний и навыков себя чувствовали женщины (66,1 %) участковые терапевты (57,4 %) со стажем работы по специальности от 6 до 10 лет (72,4 %). В последующие годы наметилась стойкая тенденция к усилению проявления РЛД. У половины врачей, участвующих в исследовании, выявлены проявления средней степени выраженности этого компонента синдрома эмоционального выгорания (в среднем по годам 54,3 %). Наиболее уязвимыми оказались врачи старших возрастных групп (стаж работы 11 и более лет). В 2005 г. проблема была актуальной и для врачей участковых терапевтов (59,3 % респондентов) и для «узких» специалистов (55,6 % опрошенных), в 2007 и 2009 гг. в группе преобладали участковые врачи. В контрольной группе у 88 % врачей (средний показатель по годам) зафиксирован низкий уровень редукции личных достижений.

Взаимосвязь между высокой степенью выраженности компонентов синдрома эмоционального выгорания и дополнительной занятостью врачей здесь и далее определена с помощью коэффициента ассоциации – коэффициента Юла (Q). При анализе результатов исследования по признакам: эмоциональное истощение (в среднем по годам Q = 0,89), деперсонализация (соответственно Q = 0,78), редукция личных достижений (соответственно Q = 0,56) констатировано наличие ярко выраженной, поэтому трактуемой нами как определяющей, связи.

В ранее опубликованных нами работах было отмечено, что социологический портрет врача-конфликтанта (от 1 до 3 официальных жалоб в течение года) характеризовался наличием у врача дополнительной нагрузки в виде совместительства по специальности (одна из составляющих портрета). Проведенными исследованиями установлен факт прямого и значимого влияния увеличения продолжительности рабочего дня (дополнительная занятость в виде совместительства) на формирование у врачей синдромов хронической усталости и эмоционального выгорания. На основании вышеизложенного представляется целесообразным сделать вывод о том, что именно СХУ и СЭВ являются причиной аффективного поведения и нарушения врачами поликлиник принципов этики и деонтологии на амбулаторно-поликлиническом приеме, основанием для возникновения конфликтов с пациентами и препятствием к их конструктивному разрешению.

Подтвердим сделанное предположение данными о динамике количества жалоб на фоне роста степени выраженности синдромов хронической усталости и эмоционального выгорания у врачей муниципальных поликлиник.

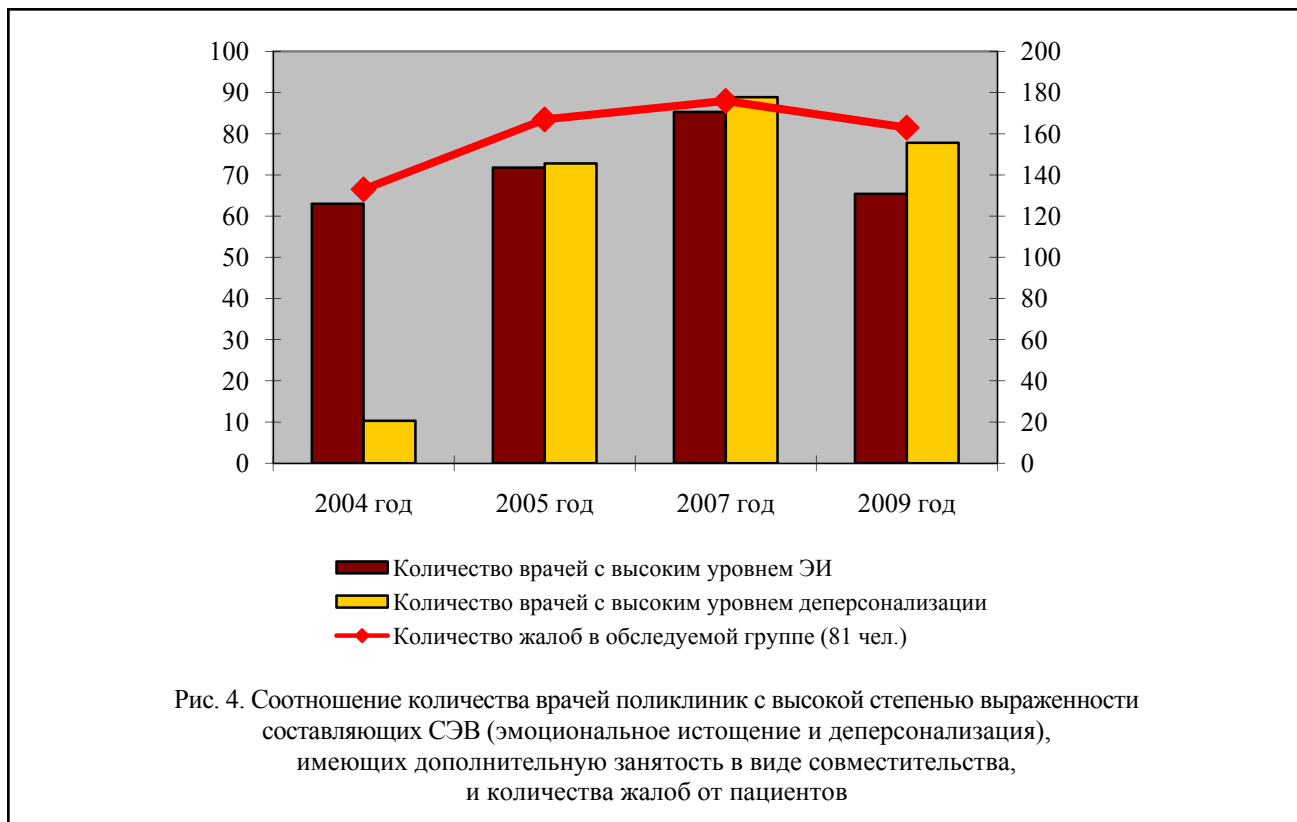
По результатам проведенных параллельно с диагностикой СХУ и СЭВ опросов, в группе обследуемых врачей поликлиник зарегистрировано следующее количество устных и письменных жалоб пациентов:

- 2004 год – 133 жалобы (у 46,8 % респондентов по одной жалобе, у 32,1 % по две, у 17,3 % по три; два врача не имели жалоб в течение года);
- 2005 год – 167 жалоб (у одного врача зафиксировано 4 жалобы, у 33,3 % по одной, у 21,0 % по две, у 42,0 % по три; так же, как и в 2004 году, два врача не участвовали в конфликтах с пациентами);
- 2007 год – 176 жалоб (у одного врача было 4 официальных конфликта с пациентами, у 22,3 % по одной жалобе, у 35,8 % по две, у 39,5 % по три; один врач не имел жалоб в текущем году);
- 2009 год – 163 жалобы (у 25,9 % врачей было по одной жалобе, у 35,8 % по две, у 34,6 % по три; три врача не конфликтовали с пациентами).

В среднем на одного врача в 2004 г. в группе врачей, имеющих дополнительную занятость, приходилось по 1,6 жалобы, в 2005 г. – 2,1, в 2007 г. – 2,2, в 2009 г. – 2,0 жалобы.

Учитывая, что основными составляющими СЭВ у поликлинических врачей, имеющих дополнительную занятость в виде совместительства,

являются эмоциональное истощение и деперсонализация, на рис. 4 в динамике графически представлено соотношение количества врачей с высокой степенью выраженности этих компонентов синдрома и общего числа жалоб, полученных на эту группу врачей от пациентов.

Таким образом, для снижения количества межличностных конфликтов в диаде «врач – пациент» необходимо решить проблему достойной оплаты труда врача, которая обеспечила бы приток новых кадров в медицинские учреждения, достойное существование медицинских работни-

ков при работе на одну ставку, дала бы возможность достаточного отдыха для восстановления физических сил и психоэмоционального состояния и тем самым свела к минимуму вероятность развития синдромов хронической усталости и эмоционального выгорания.

УДК 316.334.2

ДИНАМИКА В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ СПРОСЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

С. Э. Лиджи-Горяева, С. Г. Мукаева, Б. А. Оконов

В настоящей статье изложены материалы мониторинга состояния розничной торговли, динамика потребительского спроса в условиях экономического и финансового кризиса (на примере Республики Калмыкия). Мониторинг осуществлялся в течение 2009 г.

Ключевые слова: розничная торговля, потребительский спрос, предпочтения покупателей, уровень продаж, малый бизнес, услуги населению.

DYNAMICS IN THE CONSUMER DEMAND FOR THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA

S. E. Lidji-Goryaeva, G. Mukaeva, B. A. Okonov

This article contains the materials of the monitoring about the state of retail trade, dynamics of consumers' demand in the conditions of economic and financial crisis. The monitoring was carried out in Kalmykia during 2009.

Keywords: retail trade, consumer demand, preferences of customers, the level of sales, small business, services to the population.

Нынешний мировой экономический и финансовый кризис весьма ощутимо сказался на сфере розничной торговли нашего региона.

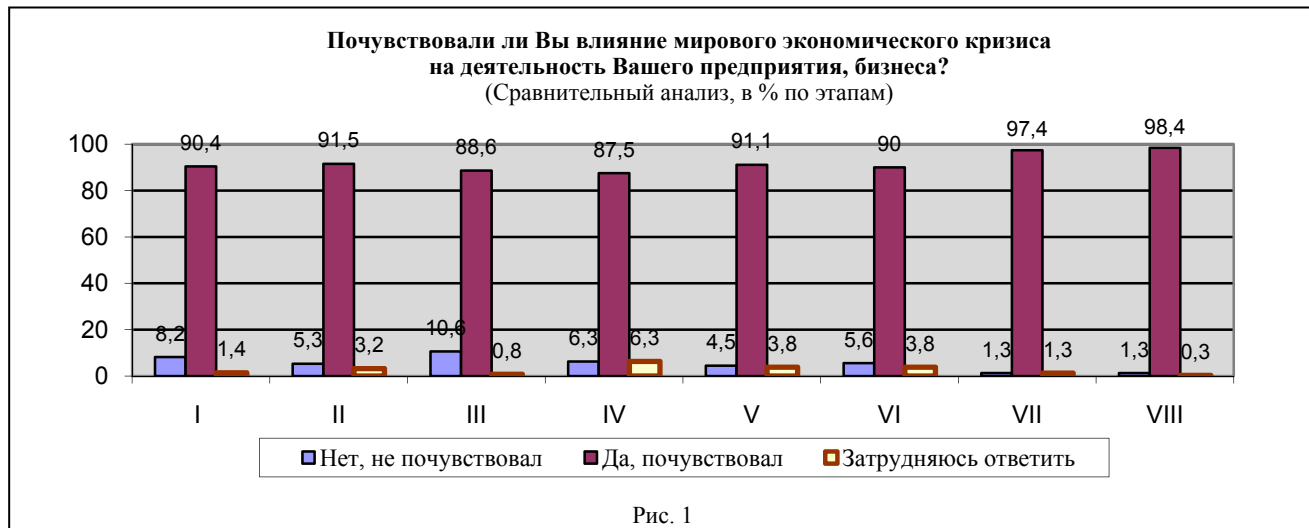
На основании решения Межведомственной антикризисной комиссии по предотвращению возможных негативных последствий мирового финансового кризиса в экономике Республика Калмыкия Институту комплексных исследований аридных территорий было поручено проводить мониторинг ситуации в сфере оборота розничной торговли, в том числе по спросу на товары потребления и изменению товарной структуры. С марта 2009 г. по настоящее время (с интервалом 2–3 недели) проводится мониторинг состояния розничной торговли с целью выявления динамики изменений в потребительском спросе и предложениях в условиях кризиса, формирования базы данных о состоянии отрасли.

Первая волна мониторинга осуществлялась в период с марта по август текущего года, в ходе которого был собран значительный объем информации, позволивший в дальнейшем провести

анализ влияния мирового экономического кризиса на розничную торговлю в Республике Калмыкия не только в текущий момент времени, но и в динамике, за несколько периодов. Мониторингом были охвачены индивидуальные предприниматели и руководители торговых организаций г. Элиста и большинства районов Республики.

Данные исследования позволили составить примерный портрет среднего предпринимателя в Калмыкии. Среднестатистический предприниматель – это женщина от 30 до 49 лет, со среднегодовым оборотом бизнеса 100–300 тыс. рублей, имеющая в своем трудовом коллективе двух-трех наемных работников. Вместе с тем прослежена тенденция: чем больше годовой оборот предприятия, тем больше вероятность того, что руководителем является мужчина.

По данным социологического мониторинга прослеживается четкая тенденция: мировой экономический кризис оказал существенное влияние на деятельность предпринимателей Калмыкии (рис. 1).

По результатам опросов, за время мониторинга существенных изменений в соотношении числа предпринимателей, почувствовавших и не почувствовавших влияние кризиса на свой бизнес, не наблюдается. Тем не менее стоит отметить, что в процессе 7-го и 8-го этапов мониторинга (июнь – июль) несколько большее количество (97,4 % и 98,4 %) опрошенных предпринимателей отметили влияние современного кризиса на свою деятельность. По мнению предпринимателей, влияние кризиса выразилось, главным образом, в уменьше-

нии объема продаж товаров и предоставляемых услуг (89,4 %, 87,2 %, 84,6 %, 82,9 %, 74,1 %, соответственно по проведенным опросам). Хотя данные по этому показателю в целом высокие, тем не менее, на определенном этапе (вторая половина мая 2009 г.) стала прослеживаться тенденция к его снижению. Оценка опрошенными предпринимателями названных нами в анкете переменных продемонстрирована в следующем рисунке (отдельные показатели вводились в процессе мониторинга) (рис. 2).

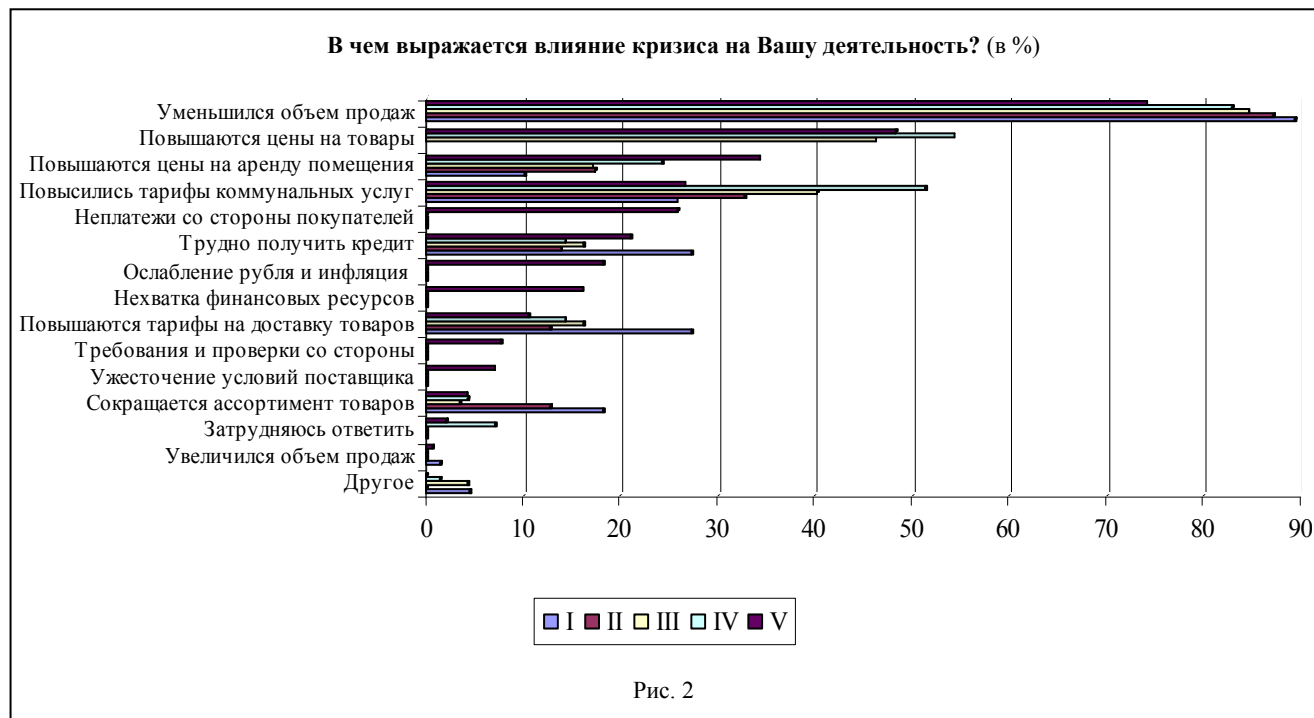

Рис. 2

Среди факторов, негативно влияющих на ведение бизнеса в условиях кризиса, в первую

очередь были названы, в %:

Факторы	1	2	3	4	5
• Повышение цен на товары, предлагаемые производителями, поставщиками	–	–	46,2	54,3	48,3
• Рост цен на коммунальные услуги	25,8	32,8	40,2	51,4	26,6
• Рост цен на аренду помещения	10,2	17,4	17,1	24,3	34,3
• Повышение тарифов на доставку товаров	27,3	12,8	16,2	14,3	10,5
• Трудности получения кредита	27,3	13,9	16,2	14,3	21,0

По полученным нами данным, все большее число предпринимателей из сферы розничной торговли отмечали в условиях кризиса рост закупочных цен на товары и рост цен на коммунальные услуги. Данные мониторинга, по нашему мнению, весьма адекватно отражали состояние экономических процессов, розничной торговли в момент разрастания кризиса. Это, думается, свидетельствует о глубине экономического кризиса, протекающего в стране в целом и в нашей республике практически в течение последнего года, влияние которого отражается на всех сферах жизни обще-

ства и на розничной торговле наиболее ощутимо, ибо розничная торговля, по сути, является барометром происходящих экономических перемен.

Влияние современного кризиса, согласно материалам мониторинга, сказывается на отношении предпринимателей розничной торговли к кредитованию. По данным восьми этапов опроса, намерены были взять кредит соответственно 11,0 %, 12,8 %, 9,1 %, 10,0 %, 10,8 %, 10,4 %, 10,1 % и 10,1 % опрошенных предпринимателей. На I этапе – 75,3 %, на II этапе – 63,8 % респондентов ответили, что вообще не хотят брать кредит.

Данные мониторинга демонстрируют тот факт, что большинство предпринимателей, занимающихся в сфере розничной торговли и услуг, – 69,6 % на VIII этапе опроса (июль 2009 г.) в силу разных обстоятельств не могли взять кредит. При этом заметно возросла доля тех, кто обращался в кредитные учреждения, но им отказали в выдаче кредита (с 3,0 % на I этапе до 12,9 %). Одновременно практически вдвое с момента начала мониторинга снизилась доля тех предпринимателей, которые считают получение кредита в условиях глобального кризиса делом очень рискованным (с 65,2 % на I этапе до 31,9 % на VIII этапе). Добавим также, что, по нашим данным, примерно пятая часть опрошенных предпринимателей еще не определились по отношению к проблемам кредитования в кризисной ситуации.

По материалам первых этапов мониторинга наблюдалась следующая тенденция: несмотря на влияние кризиса на деятельность абсолютного большинства предпринимателей, многие из них не планировали сокращение персонала. Это свидетельствовало о том, что предприниматели, ведущие свой бизнес в сфере розничной торговли и услуг населению и имеющие наемных работников, были настроены оптимистично и, несмотря на трудности кризисного времени, были готовы сохранить свой бизнес и свой коллектив.

Однако в процессе мониторинга мы выявляли несколько иную картину: число предпринимателей, намеренных сохранить свой персонал, заметно сократилось (I этап – 54,8 %, III этап – 75,8 %, VI этап – 39,8 %, VII этап – 36,7 %, VIII этап – 36,7 %). Объясняется это тем, что многие предприниматели уже провели сокращение своего штата (I этап – 9,0 %, VIII этап – 51,9 %). Соответственно число предпринимателей, планирующих сокра-

щение персонала, снизилось (с 9,0 % на I этапе до 2,5 % на VIII этапе).

Очевидно, в настоящее время дальнейшее сокращение персонала в сфере розничной торговли и предоставления услуг населению практически не представляется возможным, так как допустимые сокращения уже были проведены.

К середине 2009 г. кризис достиг дна, пик кризиса в основном был преодолен, кризисные явления пошли на спад, заметно стабилизировалась экономическая ситуация в Республике, население и предприниматели более или менее адаптировались к новым социально-экономическим реалиям. Вместе с тем сохранялись турбулентные проявления в экономике. В связи с изменением кризисной ситуации в стране в целом и регионе, в частности, необходимо было изменить подход к изучению состояния ситуации в сфере розничной торговли в Республике. По результатам новой волны мониторинга следовало проследить изменения, произошедшие с изученной ситуацией в сфере розничной торговли. С сентября 2009 г. осуществляется новая волна мониторинга. На данном этапе мониторинга предпринимателям предложено ответить на ряд вопросов, касающихся изменения спроса и предпочтения продуктов питания и товаров первой необходимости, изменения уровня продаж на товарную структуру, влияния технологий продаж на уровень сбыта, а также влияния позитивных и негативных факторов на деятельность предпринимателей.

В процессе новой волны мониторинга в первую очередь сделана попытка выявить влияние современной ситуации на уровень продаж основных продовольственных и непродовольственных товаров. Полученные результаты показаны в табл. 1 и 2:

Таблица 1

Уровень продаж основных продуктов питания населению в последние месяц-два, в %
(XI опрос исследования)

Продукты питания (покупают)	Больше	Так же, как и раньше	Меньше
Хлеб и хлебобулочные изделия	4,4	55,6	40,0
Цельномолочная продукция	4,8	56,2	39,0
всех видов	4,8	38,1	57,1
Мясо всех видов	10,7	39,3	50,0
В т.ч. мясо птицы	5,7	52,4	41,9
Колбасные изделия и копчености	4,6	39,5	55,9
Консервы мясные	4,9	41,5	53,6
Яйца	4,8	42,9	52,3
Макаронные изделия	6,7	40,0	53,3
Сахар	4,5	36,4	59,1
Масло растительное	4,5	38,6	56,9
Консервы рыбные	2,6	34,2	63,2

Окончание табл. 1

Продукты питания (покупают)	Больше	Так же, как и раньше	Меньше
Овощи	5,0	37,5	57,5
Фрукты	4,5	29,5	66,6
Рыба и рыбопродукты	3,3	43,3	53,4
Конфеты, кондитерские изделия	4,5	36,4	59,1
Масло животное	0,0	36,1	63,9
Безалкогольные напитки и минводы	4,8	40,5	54,7
Чай	7,5	37,5	55,0
Алкогольные напитки	3,3	33,3	63,4
Продукция детского питания	0,0	55,0	45,0

Как видно по полученным данным, по таким продуктам питания, как сыры всех видов, колбасные изделия и копчености, консервы мясные, яйца, масло растительное, консервы рыбные, овощи, фрукты, мясо всех видов, рыба и рыбопродукты, макаронные изделия, сахар, масло животное, безалкогольные напитки и минеральные воды, чай, алкогольные напитки, конфеты и кондитерские изделия уровень продаж снизился.

На хлеб и хлебобулочные изделия, цельно-молочную продукцию, продукцию детского пита-

ния уровень продаж с небольшими колебаниями оставался неизменным: на эти продукты как до кризиса, так и во время кризиса продолжали покупать в необходимом количестве (в таблице приведены данные лишь одного опроса).

Что касается продажи непродовольственных товаров, то в целом прослеживается следующая тенденция. Кризис сказался на уровне продаж практически всех непродовольственных товаров первой необходимости.

Таблица 2

Уровень продаж непродовольственных товаров населению в последние месяц-два, в %
(XI опрос исследования)

Промышленные товары (покупают)	Больше	Так же, как и раньше	Меньше
Одежда	0,0	20,0	80,0
Обувь	10,0	10,0	80,0
Лекарства и медикаменты	0,0	66,7	33,3
Косметические и парфюмерные товары	5,9	17,6	76,5
Мебель бытовая	0,0	0,0	100,0
Средства бытовой химии	0,0	35,3	64,7
Строительные материалы	0,0	28,5	71,5
Бытовые электротовары	0,0	0,0	100,0
Игры и игрушки	12,5	12,5	75,0

Наибольший объем продаж основных продуктов питания приходится на магазины: покупательский поток здесь выше, и уровень продаж хлебобулочных изделий, молочных продуктов, макарон всех видов, мяса, консервов мясных, безалкогольных напитков, яиц больше. Показатель численности покупательского потока косвенно характеризует и распределение оборота и денежного потока выручки, а значит и уровень продаж товаров. В момент наблюдения покупательский поток был выше в тех магазинах, где обслуживающий персонал был вежлив, внимателен с покупателями, компетентен. Стоит отметить, что большей популярностью пользуются магазины,

расположенные вблизи (50–100 метров) от остановок общественного транспорта (это является важнейшим критерием, особенно для покупки товаров повседневного спроса), а также где по соседству не имеются объекты торговых точек с аналогичным товаром.

Немалая часть предпринимателей по-прежнему хотят сохранить свой бизнес, идя на определенные издержки (сохранить или даже снизить цены на товары). Более пятой части опрошенных рассчитывает получить помощь от республиканских органов власти в рамках целевой программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в РК на 2009–2011 гг.». Одинаково каждый

пятый из числа опрошенных готов расширить ассортимент реализуемых товаров и увеличить количество более дешевых товаров. Каждый десятый предприниматель готов снизить цены на предлагаемые товары и услуги, лишь бы сохранить свой бизнес. Каждый седьмой не исключает возможности воспользоваться кредитными

средствами для сохранения своего дела.

В ходе мониторинга к предпринимателям обращались с вопросом, какие правительственные меры наиболее способны помочь им для сохранения и развития малого предпринимательства в условиях кризиса. Ответы распределились следующим образом (рис. 3).

Рис. 3

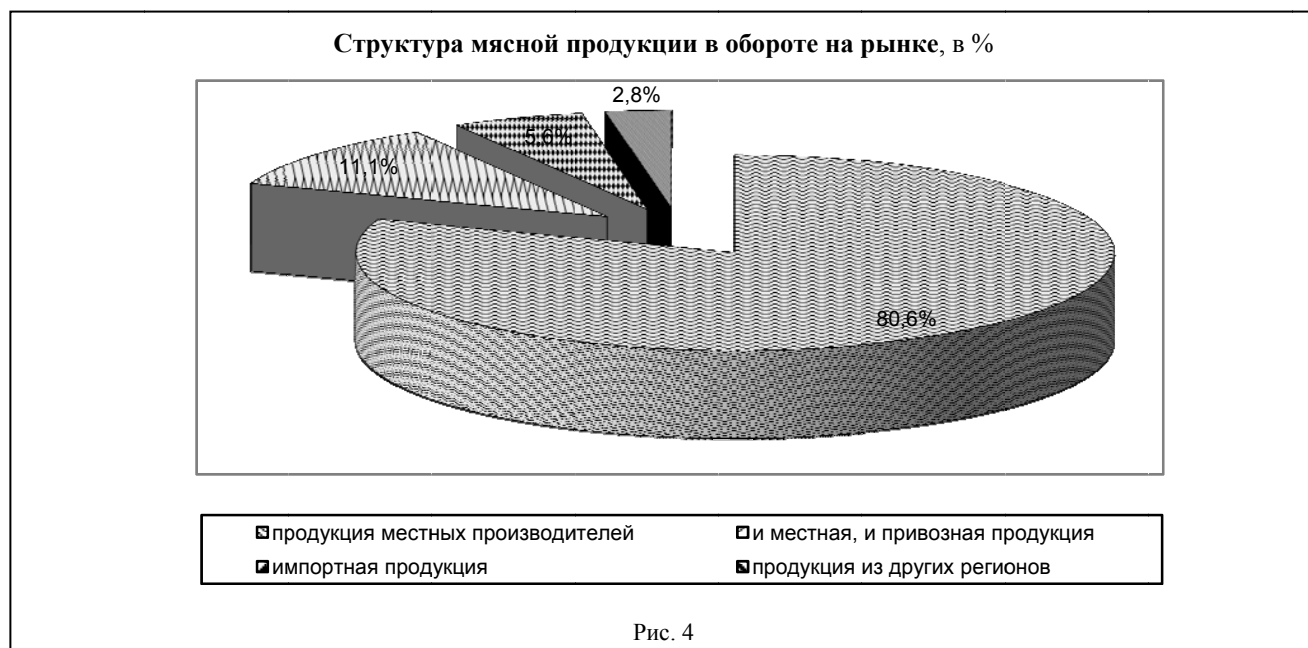
«Не происходит каких-либо изменений в помощи им со стороны правительства предпринимателям розничной торговли» – 43,0 % хотели бы снижения ставок оплаты на аренду государственного или муниципального имущества; 35,4 % опрошенных полагают, что им может помочь отсрочка налоговых платежей на период кризиса; 31,6 % – «замораживание» на прежнем уровне тарифов ЖКХ; 22,8 % – повышение доступности государственного тендера, заказа. Одинаково каждый пятый из числа опрошенных рассчитывает на помощь в получении кредитов или на снижение административного давления.

Сравнительный анализ показывает, что наиболее важно в настоящее время снижение ставок оплаты на аренду государственного или муниципального имущества и «замораживание» на прежнем уровне тарифов ЖКХ для городских предпринимателей, чем для сельских (соответственно 46,2 % и 32,5 %; 43,6 % и 20,0 %). Отсрочка налоговых платежей также является важным фактором сохранения малого бизнеса в городе (41,0 %), в сельской местности (30,0 %). Для сельских предпринимателей наиболее важны в условиях

кризиса поддержка со стороны органов власти в получении кредитов и субсидирование расходов, связанных с созданием новых рабочих мест (соответственно 30,0 % и 10,3 %; 25,0 % и 10,3 %).

Учитывая региональные особенности потребительских предпочтений в группе товаров первой необходимости – продуктов питания, во второй волне мониторинга сделана попытка выявить влияние спроса в современной ситуации на уровень продаж определенных групп товаров, в частности, продаж мяса и мясопродуктов как одного из основных продуктов питания местного населения.

В ходе опроса было выявлено, что рынок мяса и мясопродуктов представлен в абсолютном большинстве продукцией местных производителей (80,6 %). Из всех торгующих в Элисте мясом и мясопродуктами предпринимателей 11,1 % реализуют мясную продукцию как местного производства, так и завезенную из других регионов. Только у 5,6 % предпринимателей в продаже имеется продукция импортного производства. Полученные результаты представлены в следующей диаграмме (рис. 4):

По полученным данным, 75,0 %, т. е. три четверти опрошенных предпринимателей, считают, что импортная продукция не является синонимом качества. 25,0 % (каждый четвертый) ответивших сказали, что импортная продукция может быть как качественной, так и некачественной. В обороте у 50,0 % предпринимателей, торгующих птицей и частями птицы, реализуется продукция импортного производства. Остальные реализуют продукцию либо местного производства, либо завезенную из других регионов.

В процессе опроса нами была поставлена задача выявить предпочтения населения Республики на продуктовую группу товаров отечественного и импортного производства. Данные нынешнего опроса свидетельствуют, что импортная мясная продукция не пользуется особым спросом у горожан, и в основном население предпочитает покупать продукцию местного производства или завезенную из соседних регионов. Полученные результаты показаны в следующей таблице (табл. 2):

Таблица 2

Предпочтения покупателей по мясу и мясопродуктам, в %

Наименование продукции (покупают)	Местная	Из других регионов	Импортная
Мясо:			
Баранина	100,0	0,0	0,0
Свинина	85,7	14,3	0,0
Говядина	100,0	0,0	0,0
Конина	100,0	0,0	0,0
Птица	42,8	21,4	35,8
Колбаса и колбасные изделия:			
Вареная	93,7	6,3	0,0
Варено-копченая	93,7	6,3	0,0
Полукопченая	88,2	11,8	0,0
Копченая	88,2	11,8	0,0
Ветчина	88,2	11,8	0,0
Сардельки	93,7	6,3	0,0
Сосиски	93,7	6,3	0,0
Мясные полуфабрикаты	100,0	0,0	0,0
Мясные консервы:			
Тушенка	93,7	6,3	0,0
Каши	93,7	6,3	0,0
Деликатесы	88,2	11,8	0,0
Субпродукты	100,0	0,0	0,0

В процессе опроса сделана попытка выявить, насколько влияние кризисной ситуации на уровень продаж мяса и мясопродуктов сохраняется

в настоящее время. Полученные результаты показаны в следующей таблице (табл. 3):

Таблица 3

Уровень продаж мяса и мясопродуктов, в %

Наименование продукции (покупают)	Больше, чем до кризиса	Так же, как и до кризиса	Меньше, чем до кризиса
Мясо:			
Баранина	0,0	73,0	27,0
Свинина	0,0	14,3	85,7
Говядина	0,0	61,5	38,5
Конина	0,0	60,0	40,0
Птица	50,0	12,5	37,5
Колбаса и колбасные изделия:			
Вареная	20,0	53,3	26,7
Варено-копченая	0,0	66,7	33,3
Полукопченая	0,0	40,0	60,0
Копченая	0,0	33,3	66,7
Ветчина	0,0	33,3	66,7
Сардельки	12,3	60,0	27,7
Сосиски	12,3	60,0	27,7
Мясные полуфабрикаты	6,7	66,7	26,6
Мясные консервы:			
Тушенка	7,1	50,0	42,9
Каши	7,1	50,0	42,9
Деликатесы	0,0	28,6	71,4
Субпродукты	25,0	62,5	12,5

Как свидетельствуют материалы опроса, по таким мясопродуктам, как свинина, колбаса полукопченая, колбаса копченая, ветчина и мясные деликатесы, **уровень продаж снизился**. Уровень продаж по мясу и мясопродуктам: баранина, говядина, конина, колбаса вареная, колбаса варено-копченая, сардельки, сосиски, мясные полуфабрикаты, мясные консервы (тушенка, каши), субпро-

дукты – остается неизменным. В каком объеме их продавали до кризиса, в таком объеме практически продают и в настоящее время. А вот мясо птицы стали покупать больше, чем до кризиса. По мнению предпринимателей, это связано с тем, что стоимость мяса птицы и частей птицы приемлема для населения в сравнении с другой категорией мяса и мясных продуктов.

Таблица 4

Отношение предпринимателей к ценам на мясо и мясопродукты, в %

Наименование продукции (покупают)	Цены завышены	Цены оптимальные	Цены низкие
Мясо:			
Баранина	33,3	53,3	13,4
Свинина	42,8	42,8	14,4
Говядина	25,0	66,5	8,5
Конина	0,0	75,0	25,0
Птица	40,0	40,0	20,0
Колбаса и колбасные изделия:			
Вареная	40,0	46,7	13,3
Варено-копченая	46,7	40,0	13,3
Полукопченая	46,7	40,0	13,3
Копченая	46,7	40,0	13,3
Ветчина	46,7	40,0	13,3

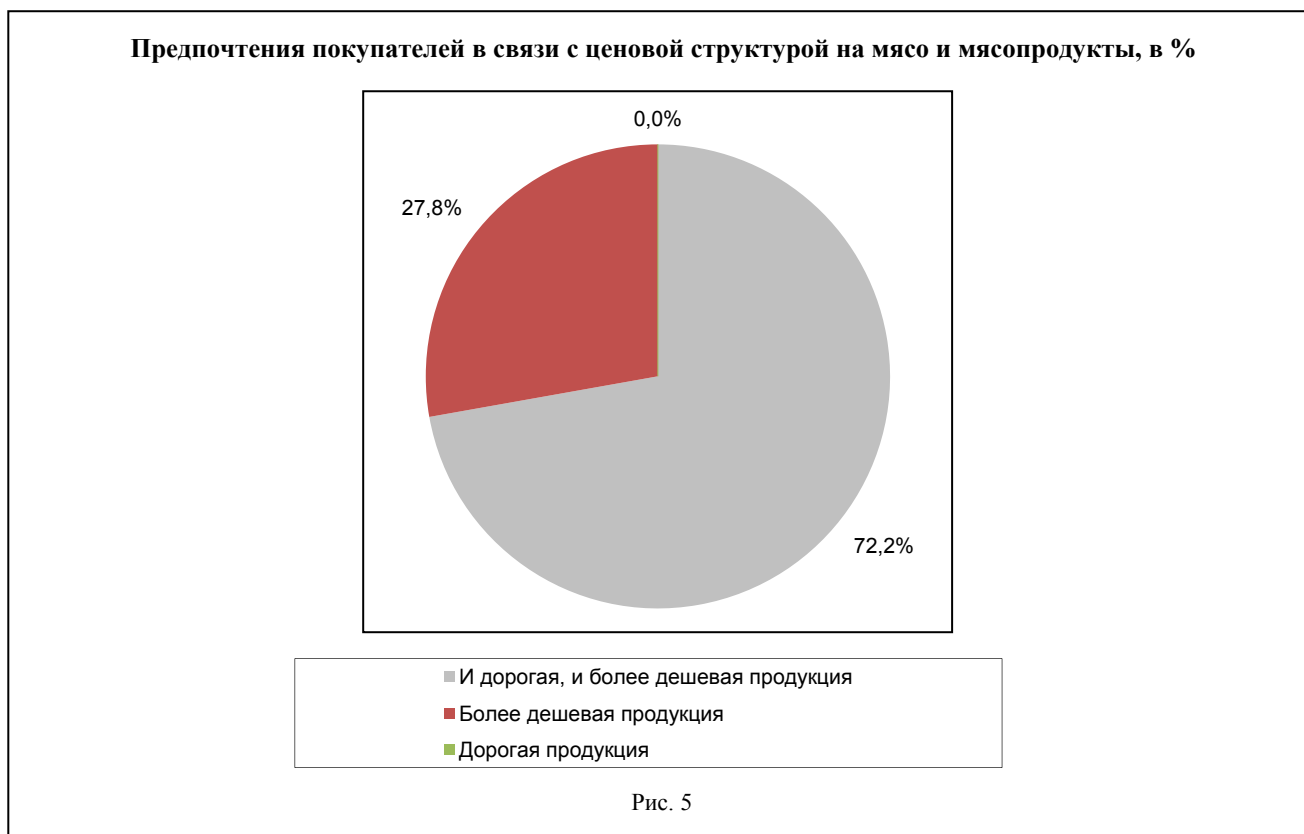
Окончание табл. 4

Наименование продукции (покупают)	Цены завышены	Цены оптимальные	Цены низкие
Сардельки	46,7	40,0	13,3
Сосиски	46,7	40,0	13,3
Мясные полуфабрикаты	46,7	40,0	13,3
Мясные консервы:			
Тушенка	50,0	35,7	14,3
Каши	50,0	35,7	14,3
Деликатесы	61,5	30,7	7,8
Субпродукты	12,5	75,0	12,5

Как видно из приведенных данных, предприниматели, торгующие мясом и субпродуктами, в большинстве своем считают, что цены на продукцию **оптимальные**: 75,0 % торгующих кониной, 66,5 % торгующих говядиной, 53,3 % торгующих бараниной. Из предпринимателей, торгующих свининой, 42,8 %, торгующих мясом птицы 40,0 %, бараниной – 33,3 % отметили, что цены на этот продукт завышены. Вместе с тем одинаковое число предпринимателей, торгующих свининой (42,8 %) и птицей (40,0 %), считают цены на эти товары оптимальными.

Что касается колбасных изделий, то 46,7 % (практически каждый второй) опрошенных предпринимателей считают цены на вареную колбасу **оптимальной**. Цены считают **завышенными** на колбасы: варено-копченую, полукопченую, копченую, а также ветчину, сардельки, сосиски, мясные полуфабрикаты, мясные консервы и различного рода деликатесы.

В ходе мониторинга к предпринимателям обращались с вопросом, какую продукцию по ценовой структуре покупают у них с начала 2009 г. Ответы распределились следующим образом (рис. 5).

По признанию подавляющего большинства (72,2 %) опрошенных предпринимателей, население г. Элисты с начала 2009 г. по настоящее время покупает как дорогую, так и более дешевую продукцию. Никто из предпринимателей не отметил, что пользует

ся спросом именно дорогие мясopодукты. Более четверти (27,8 %) респондентов ответили, что население приобретает более дешевую продукцию.

Таким образом, предлагаемые нами способы оценки состояния розничной торговли с целью

выявления динамики изменений в потребительском спросе и предложении, формирования базы данных о состоянии отрасли на основе периодически повторяющихся опросов одних и тех же предпринимателей могут, на наш взгляд, дать определенную, довольно точную и оперативную информацию о данной сфере.

Полученные в процессе мониторинга материалы позволяют говорить о том, что современный кризис может оказать существенное влияние на развитие розничной торговли в нашей Республике. В случае дальнейшего развития и углубления кризиса, а также в посткризисный период под угрозой может оказаться данная отрасль экономики Республики, деятельность многих предпринимателей, особенно тех, кто имеет сегодня свое небольшое дело. В результате немало людей может остаться без единственного источника дохода для себя и своей семьи. Исследуемая проблема

остаётся актуальной для нашего региона, требует дальнейшего слежения и анализа.

Объектом нашего мониторинга являются представители малого бизнеса, осуществляющие свою деятельность в сфере розничной торговли и предоставления различных услуг населению как в городе Элисте, так и в районах Республики. Предприниматели – люди энергичные, творческие, готовые отвечать за свои действия. Но в условиях кризиса все они испытывают трудности финансового, имущественного, информационного и, возможно, психологического характера. Для сохранения и развития предпринимательской деятельности им нужна помощь в создании условий, способствующих расширению рыночных отношений предпринимательских структур, благоприятному взаимодействию производителей товаров и услуг, эффективная помощь и поддержка государственных органов, общественности.

УДК 316.4

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЙ В КРУПНОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

А. А. Стародубов

В статье на основе результатов социологического изучения серии публичных слушаний, прошедших в Саратове в течение 2007 г., представлены основные особенности реализации данной формы взаимодействия общественности и власти. Анализируется организационная сторона публичных слушаний, социальный состав их акторов, специфика целей их участия, разворачивающаяся между ними коммуникация, сделан вывод о роли публичных слушаний в процессах принятия решений на муниципальном уровне, предложены рекомендации по совершенствованию практик слушаний.

Ключевые слова: публичные слушания, организация публичных слушаний, акторы публичных слушаний, коммуникация на публичных слушаниях.

FEATURES PUBLIC HEARINGS IN MAJOR RUSSIAN CITY

A. A. Starodubov

This article is the summary of the sociological study of public hearings held in Saratov in 2007. It represents the main features of hearings as the way of public-government interaction. The analysis of organizing of hearings, social structure of their actors, their goals and communications within hearings are given; the conclusion on the role of public hearings in local decision-making is drawn; the suggestions on improving public hearings are done.

Keywords: public hearings, public hearings, actors of public hearings, communication to the public hearing.

В последние годы в России приобрел популярность дискурс об унификации национального политического дизайна, сокращении возможностей влияния рядовых граждан на общественно-политические процессы и сокращении возможностей публичного диалога общества и власти. В качестве примеров называется отмена выборности губернаторов, отмена минимального порога явки и графы «против всех» на выборах, утрата ими элементов состязательности, доминирование одной политической силы в парламенте.

За рамками внимания при этом остаются процессы, происходящие на местном уровне, которые среди прочего характеризуются введением в пространство социально-политического взаимодействия ряда новых механизмов, призванных сглаживать интересы различных социальных групп и власти. Среди таких механизмов особое место занимают публичные слушания – своего рода открытые форумы, которые регламентируются законодательно и являются обязательными при решении ряда важнейших градостроитель-

ных, экологических и финансовых вопросов развития местных сообществ.

Анализ литературы и документов [1; 2; 5; 6; 9. С. 43–47] показывает, что за период с 2000 г. по настоящее время в среднем в каждом муниципальном образовании публичные слушания были проведены до нескольких десятков раз. Принимая во внимание, что в России насчитывается 83 субъекта Федерации, в каждом из которых – до нескольких десятков муниципальных образований, можно подсчитать, что за указанный период всего по стране было проведено до нескольких десятков тысяч публичных слушаний, что составляет значительную величину.

Таким образом, публичные слушания оказываются весьма распространенной формой участия населения в общественно-политических процессах, которой, однако, уделяется сравнительно мало внимания со стороны научной общественности. С целью внести некоторый вклад в осмысление формирующихся российских практик публичных слушаний был проведен социологический анализ данной формы общественно-политического взаимодействия на примере серии слушаний, проходивших в течение календарного года (2007) в Саратове, который можно считать типичным крупным российским городом. В настоящей статье представлены наиболее интересные результаты проведенного исследования, касающиеся особенностей организации слушаний, социального состава их акторов, а также специфики целей их участия в слушаниях и разворачивающейся между ними коммуникации.

Материалом исследования послужили результаты открытого полевого не включенного наблюдения за ходом проведения публичных слушаний, а также результаты экспертного опроса различных участников публичных слушаний, представляющих рядовых граждан, лидеров общественных экологических и правозащитных организаций, коммерческие организации строительного профиля, депутатов Саратовской городской думы, чиновников органов муниципальной исполнительной власти города Саратова. Опрос, в котором приняли участие 17 экспертов, был проведен автором в 2007 г. в городах Саратове и Балакове. Также в ходе исследования анализировались стенограммы публичных слушаний, материалы саратовской региональной прессы, законодательство о слушаниях. Полученные в рамках исследования результаты были получены с использованием структурно-функционального подхода, положений теории коммуникативного действия и символического интеракционизма, элементов конфликтологического подхода.

Зарождение исследовательского интереса к публичным слушаниям на Западе относится к 1960-м гг.; оно связано с широким внедрением данной формы участия в практику социально-политического взаимодействия в США и Европе. При этом можно выделить сравнительно небольшое число исследований, специально посвященных слушаниям [13. Р. 566–582; 15]. В целом в западной литературе по слушаниям преобладают исследования микроуровня, выполненные в формате кей-стади и носящие описательный характер [12. Р. 540–611; 14. Р. 1617–1641]. Отечественные работы по слушаниям начинают появляться с конца 1990-х гг., однако, изначально в фокусе их внимания оказываются не публичные слушания, а такая во многом схожая форма участия, как общественные слушания, которые раньше начинают проникать в постсоветское социально-политическое пространство. Труды, посвященные публичным слушаниям, появляются в России во второй половине первого десятилетия XXI в. и пока остаются малочисленными. В целом их отличает рассмотрение данной формы участия с позиций правового подхода [3; 4. С. 43–44; 7].

В зарубежной и отечественной литературе представлены различные подходы к пониманию публичных слушаний и различные определения данной формы участия, которые дополняются нормативно-юридическими дефинициями, используемыми в целях законодательного регулирования слушаний. Их анализ позволяет выделить в качестве критериев слушаний следующие: а) в них имеют право принимать участие представители власти и общественности; б) любой представитель общественности, отвечающий формальным требованиям, может стать их участником; в) публичные слушания проводятся по конкретным заранее выбранным и сформулированным социально значимым вопросам; г) все участники слушаний вправе высказывать собственное мнение по заявленным вопросам; д) могут быть приняты предложения по их решению, которые оформляются документально; е) не являются обязательными для исполнения органами власти.

На основании этих критериев публичные слушания для целей данного исследования можно определить как открытые, регламентированные, посвященные конкретным вопросам развития местных сообществ собрания граждан и чиновников, на которых граждане имеют возможность влиять на процессы принятия общественно значимых решений путем выражения собственных мнений при отсутствии гарантий интеграции своего вклада в управленческую деятельность органов власти.

Первые слушания в Саратове были проведены в декабре 2005 г. после принятия соответствующего муниципального положения о данной форме участия, которое на местном уровне конкретизировало нормы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5]. К декабрю 2007 г. в городе прошло уже более 25 публичных слушаний, из которых 22 – в 2007 г.

Согласно действующему в Саратове положению о публичных слушаниях, с инициативой об их проведении могут выступать как чиновники, представляющие законодательную или исполнительную власть муниципального образования, так и группа граждан численностью не менее 50 человек. Однако, как показало данное исследование, рядовые граждане весьма сдержанно относятся к идее инициирования слушаний. Лидеры общественных организаций, в свою очередь, предпочитают проводить менее формальные общественные слушания, организация которых не подразумевает обязательного взаимодействия с муниципальной властью.

Из этого следует, что именно чиновники, исполняя действующие правовые нормы, инициировали и организовывали все состоявшиеся публичные слушания. Более того, именно чиновники систематически назначались в рабочие органы слушаний. Примечательно, что участникам собраний зачастую предоставлялась возможность предложить собственный набор кандидатур для обеспечения работы слушаний, которой в большинстве случаев никто не воспользовался. Однако утверждение чиновников в рабочие органы слушаний систематически вызывало возмущение рядовых участников собраний и воспринималось ими как показатель предрешенности исхода слушаний.

Примечательным нюансом, также способным оказывать значительное влияние на исход слушаний, оказалось специальное приглашение к участию служащих муниципальных учреждений и студентов таким образом, что добровольно пришедшие рядовые граждане и представители общественных организаций оказывались на слушаниях в меньшинстве. В свою очередь, специально приглашенные на слушания участники демонстрировали повышенную лояльность инициативам чиновников и своими голосами обеспечивали их безусловную поддержку.

Таким образом, проводившиеся публичные слушания нельзя признать репрезентативными относительно городского сообщества. Характерно, что и сам вопрос о репрезентативности, широко обсуждаемый в зарубежной литературе [11. Р. 7–23], оказался сравнительно малозначимым для опро-

шенных представителей всех основных социальных групп участников слушаний, посчитавших предоставляемую возможность участия важнее адекватной представленности местного социума.

Другой особенностью, выявленной в ходе исследования и влиявшей на репрезентативность участников слушаний, оказалось время их проведения. Так, по сложившейся в Саратове традиции все публичные слушания проходили в будние дни и начинались в 10 часов утра, что вызывало полярное отношение участвующих в них акторов.

Лидеры общественных организаций и рядовые граждане выражали возмущение проведением слушаний утром в рабочее время, что заставляло одних отпрашиваться с работы, а другим – упрощало использование административного ресурса, позволяя обеспечивать участие в слушаниях чиновников и служащих муниципальных учреждений. В то же время представители рассматриваемой группы демонстрировали неготовность к участию в слушаниях в вечерние часы и/или в выходные дни. Наоборот, те, кто принимали участие в слушаниях в силу служебных обязанностей, а также по специальному распоряжению властей, отмечали, что именно утренние часы отличаются высокой продуктивностью, а отпрашиваться с работы для участия в слушаниях не составляет значительного неудобства. Следовательно, жертвовать работой ради публичных слушаний оказывается для их участников более приемлемым, чем личными делами и планами на отдых, с которыми чаще связано вечернее время и выходные.

С другой стороны, проведение слушаний вечером вело бы к весьма позднему их окончанию, что стало бы для их участников большим неудобством по сравнению с необходимостью отпрашиваться с работы. Так, большинство из проанализированных слушаний длились от полутора до двух с половиной часов. Примечательно, что по мнению подавляющего числа опрошенных участников слушаний, сама по себе двух-, трех- и даже четырехчасовая продолжительность слушаний является нормальной, поскольку ассоциируется с серьезной работой, требующей больших затрат времени.

При этом острую критику опрошенных вызывала не всегда достаточная для размещения всех участников вместимость залов, где проводились слушания – в среднем они были рассчитаны на 100–250 человек, а желающих оказывалось на несколько десятков больше: им приходилось участвовать в слушаниях стоя. Выбор недостаточно приемлемых помещений, равно как и проведение в них затянутых публичных слушаний

нашли в ходе проведенного исследования весьма убедительное объяснение: отмеченные особенно-сти явились следствием стремления организаторов данной формы участия максимально упростить свою работу. В частности, это вело к раздублированию повестки слушаний и использованию для их проведения помещений, находящихся в муниципальной собственности, независимо от того, в какой степени они пригодны для проведения мероприятий такого рода.

Стремление чиновников, организовывавших и участвовавших в слушаниях, упростить свою работу, как показало исследование, явилось отражением их незаинтересованности в проведении публичных слушаний, – именно такого мнения придерживались большинство опрошенных; в частности, в своей незаинтересованности в проведении слушаний признавались и представители муниципальной власти. Это, в свою очередь, придавало участию чиновников в слушаниях формальный характер, подталкивало их к игнорированию мнений граждан, использованию административного ресурса для обеспечения участия лояльных служащих муниципальных учреждений и студентов, определяло оторванность принимаемых властью решений от интересов населения, которое в данных обстоятельствах стремительно теряло стимул и интерес к дальнейшему участию.

В качестве главной причины такого положения опрошенные отмечали несформированную у чиновников потребность взаимодействия с населением, сопровождающуюся равнодушием к вопросам развития муниципалитета, высоким уровнем коррупции и боязнью активных действий общественности.

С другой стороны, проведенное исследование выявило, что общественность также не проявляет высокого интереса к участию в публичных слушаниях. Среди названных опрошенными причин, объясняющих такое положение, с одной стороны, стабилизация социально-политической обстановки, достижение частью населения минимального уровня благосостояния, распространение безразличия, с другой – утверждение среди части граждан мнения о неэффективности, бесполезности легальных способов взаимодействия с властью, предрешенности их исходов в пользу чиновников, неверие в свои силы и недоверие представителям власти. Усиливающим действие этих факторов фоном является патерналистское сознание значительной части общества, отсутствие или боязнь проявления его представителями гражданской ответственности и мужества, многочисленные бытовые проблемы, не оставляющие времени и сил для участия в общественно-политической жизни.

В таких условиях единственной целью участия общественности в публичных слушаниях оказывается личная непосредственная доведенная до крайней степени заинтересованность отдельных ее представителей в вопросах, вынесенных на рассмотрение. Данная заинтересованность зачастую связана с сохранением в безопасности жилья и другого наиболее ценного имущества рядовых граждан или с осознаваемой ими возможностью извлечения некоей выгоды в связи с реализацией обсуждаемых на слушаниях решений. Ярким примером здесь является участие в слушаниях градостроительной и землеустроительной тематики, точнее в слушаниях по вопросам изменения разрешенного вида использования земельных участков, которые неизменно собирают представителей соседних участков, обеспокоенных судьбой своей собственности.

С одной стороны, преследование личных интересов можно считать вполне естественной целью участия рядовых граждан, с другой – нельзя не отметить некоторую эгоистическую направленность, которую она придавала публичным слушаниям. Следствием выявленной особенности можно считать и относительно меньшую численность добровольно участвующих рядовых граждан в слушаниях, посвященных вопросам, актуальным для всего местного сообщества в целом, таким, как бюджетное планирование.

Впрочем, свое наиболее красноречивое проявление цели участия в публичных слушаниях находили в коммуникации основных акторов данной формы общественно-политического взаимодействия. Отметим, что применительно к слушаниям коммуникация не ограничивается только самим собранием, на котором обсуждаются те или иные вопросы развития местного сообщества, а начинается заблаговременно с анонсирования его проведения. В литературе описаны различные способы уведомления граждан о планируемых публичных слушаниях, начиная от простого информирования, заканчивая просвещением по вопросам, выносимым на обсуждение [16. Р. 7–25].

Исследование показало, что в большинстве случаев информирование о публичных слушаниях отвечало минимально необходимым требованиям, предъявляемым муниципальным положением о данной форме участия и сводилась к размещению объявлений о проведении мероприятия участия данной формы в официальной городской газете. Примечательно, что сами объявления нередко представляли собой постановления о проведении слушаний, принятые муниципальными органами власти, что придавало публикациям нарочито формальный характер и негативно отражалось на их визуальной привлекательности.

Интересно отметить, что лишь немногие члены местного сообщества пользуются возможностью выразить свои рекомендации и предложения по вопросам предстоящих слушаний на стадии подготовки их проведения. Несмотря на то что такая возможность регулярно предоставляется оргкомитетом слушаний, обычно круг заранее вносящих замечания ограничивается одними и теми же пятью или шестью лидерами общественных организаций, которые в своих обращениях поднимают набор одних и тех же вопросов, составляющий предмет их общественной деятельности. При этом, по отзывам организаторов слушаний, именно эти предложения оказываются наиболее конструктивными из всех, которые удается собрать в рамках данной формы участия.

На этапе проведения слушаний специфика коммуникации их участников меняется. Существенное воздействие на ее характер начинает оказывать повестка собрания, призванная содержательно организовать обсуждение вопросов, которым посвящены слушания. Для слушаний оказался характерным перекосяк в сторону изложения официальной точки зрения в ущерб альтернативным мнениям экспертов, представителей общественных организаций, рядовых граждан. Последние за весь анализируемый период вообще ни разу не выступили на слушаниях в качестве докладчиков: их вклад ограничивался выступлениями – менее обстоятельными и продолжительными, чем доклады сообщениями, – и участием в обсуждениях.

Другая выявленная в ходе исследования особенность заключается в том, что коммуникация в рамках публичных слушаний в существенной мере зависит от личных качеств ведущего или председателя слушаний. Именно ими определяется степень соблюдения регламента и повестки собраний, тактичность обращения с участниками, предоставление им возможности для выражения мнений. Так, по мнению опрошенных участников публичных слушаний, один из ведущих (слушания по градостроительным и землеустроительным вопросам) проявлял такт и уважение к участникам, предоставлял слово всем желающим выступить. Наоборот, другой ведущий (слушания по вопросам бюджетного планирования) открыто демонстрировал свои симпатии, допускал резкость в обращении с участниками, не следил за тем, чтобы на заданные вопросы были даны ответы, ограничивал желающих в возможности высказать собственное мнение, нарушал регламент и повестку.

Коммуникация участников в ходе публичных слушаний с необходимостью включает дискуссию по вопросам повестки. Примечательно, что дис-

куссии, пожалуй, единственный компонент слушаний, который был охарактеризован всеми опрошенными исключительно отрицательно. Respondенты отметили, что дискуссии в рамках слушаний зачастую нельзя было признать состоявшимися, а в ряде случаев они производили впечатление лишь имитации обсуждения.

Негативной оценке дискуссий способствовал неорганизованный характер взаимодействия участников слушаний: собравшиеся стремились в первую очередь высказать собственное мнение, не проявляя уважения к мнениям других, особенно чиновников, не слушали и перекрикивали друг друга, проявляли повышенную эмоциональность, многократно воспроизводили одни и те же тезисы, зачастую бездоказательные и неконкретные. Нельзя не отметить, что повышенная эмоциональность придавала дискуссиям на слушаниях форму бытового скандала, со свойственным ей недостатком конструктивных предложений.

Небезынтересны причины, которые обуславливают выявленные особенности проходящих на слушаниях обсуждений. Среди них можно отметить неравный статус взаимодействующих акторов в процессах принятия решений, различия в понимании ими рассматриваемых вопросов, стремление рядовых граждан отстаивать на слушаниях исключительно свой личный интерес. Таким образом, в целом публичные слушания продемонстрировали невысокий уровень культуры публичного диалога.

Коммуникация участников публичных слушаний продолжается и после их завершения, развиваясь уже по поводу обработки полученных предложений и рекомендаций и их интеграции в реализуемые властями процессы принятия решений. В литературе также анализируются различные техники и приемы взаимодействия с общественностью по окончании слушаний, позволяющие максимально рационально использовать полученные в их ходе результаты [10. Р. 493–497].

Проведенное исследование показало, что коммуникация после проведения мероприятий участия данного вида сводится к публикации в официальной городской газете итогового документа публичных слушаний, а еще через некоторое время – нормативно-правового акта, фиксирующего принятое властями решение. Таким образом, для выявления того, каким образом слушания повлияли на конечное решение, необходим сравнительный анализ итоговых документов слушаний и принятых впоследствии нормативно-правовых актов, для проведения которого общественность в массовом порядке не обладает ни временем, ни желанием, ни даже доступом к соответствующим исходным материалам.

Необходимо также отметить, что сам итоговый документ публичных слушаний представляет собой весьма сухой и формальный отчет, в котором в табличном виде перечислены предложения и рекомендации, поступившие в ходе слушаний. Среди них доминируют инициативы о включении, исключении или уточнении каких-либо пунктов рассматривавшихся на слушаниях вопросов, наделинии или ограничении полномочий должностных лиц и органов власти, предоставлении финансирования тем или иным проектам, разработке каких-либо программ, публикации отчетов и т.д.

Каждое из включенных в итоговый документ предложений сопровождалось кратким заключением муниципального органа власти, в компетенции которого находилось принятие решения по вопросу, вынесенному на слушания. Данные заключения в большинстве случаев носили исключительно юридический характер, т.е. оценивали поступившие предложения с точки зрения соответствия действующим нормативно-правовым актам, но не с позиции обеспечения лучших условий для развития местного сообщества. При этом преобладали отрицательные заключения, фиксирующие, что поступившие предложения и рекомендации противоречат действующему законодательству, не соответствуют тематике слушаний или носят избыточный характер, поскольку дублируют уже зафиксированные в нормативно-правовых актах положения. В свою очередь, положительные заключения преимущественно формулировались как рекомендации о рассмотрении возможности и целесообразности реализации того или иного предложения. Ответственные лица и сроки такого рассмотрения в итоговых документах не указывались.

Важнейшей правовой особенностью итогового документа слушаний является его рекомендательный характер для органов власти и должностных лиц, принимающих решения. Это позволяло им по своему усмотрению использовать предложения и рекомендации, выраженные участниками публичных слушаний и игнорировать мнение общественности по вопросам, вызвавшим на слушания острую протестную реакцию.

В целом выявленная специфика практик публичных слушаний в условиях типичного современного российского города свидетельствует о крайне невысокой значимости данной формы участия в процессах принятия решений на местном уровне. Некоторые из опрошенных отмечали, что слушания проходят «чисто номинально», играют мизерную роль в социально-политической жизни местного сообщества или даже вовсе бессмысленны. При этом, пожалуй, единственной

функцией, которую они успешно выполняют, оказывается «выпускание пара» – выплеск накопившихся у общественности негативных эмоций.

Нельзя исключать, что в будущем публичные слушания станут оказывать большее влияние на процессы принятия решений и общественно-политическую жизнь местного сообщества. Отчасти такая перспектива может быть связана с тем, что слушания будут активнее использоваться группами интересов в борьбе за ограниченные ресурсы. Впрочем, в настоящее время для этих целей успешно применяются СМИ, так что необходимости обращения к слушаниям пока не возникает. В целом вопрос об условиях повышения значимости публичных слушаний на местном уровне требует отдельного изучения.

С другой стороны, для корректировки выявленных особенностей практик публичных слушаний могут быть предприняты меры, включающие разработку более эффективных процедур согласования интересов, достижения компромиссов или выработки консенсуса в рамках слушаний, совершенствование их правовой базы, оптимизацию механизмов рекрутирования участников и обеспечения их репрезентативности относительно местного сообщества. Способствовать решению этих задач может проведение слушаний в хорошо оборудованных помещениях, развитие информационных и запуск просветительских кампаний, широкое уведомление населения о результатах публичных слушаний и их влиянии на конкретные решения.

Кроме того, представляется необходимым уделять внимание психологической и методической подготовке чиновников, а также формированию у всех участвующих сторон навыков совместного принятия решений. Для успешной реализации таких программ целесообразно привлечение профессиональных консультантов, в том числе социологов, способных определить наиболее заинтересованные в участии группы, исследовать структуру их взаимодействия, выявить сложившиеся механизмы достижения соглашений и разработать эффективную стратегию участия.

В совокупности указанные меры позволят повысить показатели гражданской компетентности населения, поднять уровень доверия к институту участия, сообщить чувство ответственности за судьбу местного сообщества и, таким образом, подлинно вовлечь граждан в общественно-политические процессы. На уровне публичных слушаний это способно привести к изменению социального состава и целей взаимодействующих акторов, придать их взаимодействию более конструктивный характер и обеспечить лучшее качество достигаемых результатов.

Библиографический список

1. *Афиногенов, Д. В.* Участие общественности в управлении лесами Ленинградской области: правовые возможности [Текст] / Д. В. Афиногенов. – СПб., 2004.

2. *Бейсембаева, Г. А.* Формы и методы участия населения в социально-политических процессах локального уровня: на материалах местного самоуправления [Текст]: дис. ... канд. социол. наук 23.00.02 / Бейсембаева Г. А. – М., 2004.

3. *Звягольский, А. Ю.* Правовое регулирование института публичных слушаний и его реализация в муниципальных образованиях: проблемы теории и практики [Текст] / А. Ю. Звягольский, З. Г. Тамазов, И. В. Упоров. – М., 2008.

4. *Зенин, С. С.* Правотворческие ошибки в процессе реализации права жителей на участие в местном самоуправлении посредством публичных слушаний [Текст] / С. С. Зенин, А. Р. Корнилов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2008. – № 4.

5. Об участии граждан в общественной жизни на местном уровне [Текст]. – Обнинск, 2005.

6. Общественное участие в бюджетном процессе. Опыт и технологии [Текст] / под ред. Т. И. Виноградовой. – СПб., 2002.

7. *Тамазов, З. Г.* Публичные слушания как форма осуществления населением права на местное самоуправление [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук 12.00.02 / Тамазов З. Г. – Краснодар, 2007.

8. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон [принят 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ] // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822. – С. 9500–9570.

9. *Хайдаров, Р. Р.* Проблемы становления местного самоуправления в монопромышленном городе [Текст] / Р. Р. Хайдаров // Власть. – 2007. – № 8.

10. *Baker, W. H.* Critical Factors for Enhancing Municipal Public Hearings [Text] / W. H. Baker, H. Lon Addams, B. Davis // Public Administrator Review. – 2005. – No. 4.

11. *Berry, J. M.* Public Involvement in Administration: The Structural Determinants of Effective Citizen Participation [Text] / J. M. Berry, K. E. Portney, M. B. Bahlitch, R. Mahoney // Journal of Voluntary Action Research. – 1997. – No. 13.

12. *Bonfield, A. E.* Public Participation in Federal Rulemaking Relating to Public Property, Loans, Grants, Benefits, or Contracts [Text] / A. E. Bonfield // University of Pennsylvania Law Review. – 1970. – Vol. 540.

13. *Checkoway, B.* The Politics of Public Hearings [Text] / B. Checkoway // Journal of Applied Behavioral Science. – 1981. – No. 4.

14. *Reich, R. B.* Public Administration and Public Deliberation: An Interpretive Essay [Text] / R. B. Reich // Yale Law Journal. – 1985. – No. 94.

15. *Rosener, J. B.* Citizen Participation in an Administrative State: Does the Public Hearing Work? [Text] / J. B. Rosener // Unpublished Doctoral Dissertation. – Claremont, 1979.

16. *Sei-Hill, K.* Think About It This Way: Attribute Agenda-Setting Function of the Press and the Public's Evaluation of a Local Issue [Text] / K. Sei-Hill, D. A. Scheufele, J. Shanahan // Journalism and Mass Communication Quarterly. – 2002. – No. 1.

УДК 316.653

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ФОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

И. Е. Красноусова

Общественное мнение является специфическим, сложным, но необходимым для изучения органами власти и управления явлением. В связи с этим оно требует научно обоснованных методов его исследования, каковыми и являются социологические исследования. Анализ действующей законодательной базы позволяет говорить об отсутствии норм, регулирующих статус данных социологических исследований, несмотря на их комплексность и многофункциональность как источника информации о социальных настроениях общественности.

Ключевые слова: управленческое решение, общественное мнение, функции социологических исследований в процессе управления регионом.

LEGAL REGULATION OF FORMS OF PUBLIC OPINION IN THE ACTIVITIES OF THE EXECUTIVE AUTHORITIES: THE REGIONAL DIMENSION

I. E. Crasnousova

Public opinion is a specific, difficult, but necessary to study the authorities phenomenon. It requires evidence based his research methods, which are sociological researches. Analysis of the existing legislative framework allows you to talk about the absence of rules regulating the status of sociological research data, despite their complexity and versatility as a source of information about social attitudes of the public.

Keywords: managerial decision, public opinion, the functions of social studies in the management of the region.

Важнейшим показателем развития демократичности государства является степень участия его граждан в процессе подготовки, принятия и реализации управленческих решений. Особое место общественное мнение, с точки зрения управленческой практики, должно занимать в работе региональных органов исполнительной власти. Это обусловлено тем, что в отличие от федеральных структур, основные задачи которых устанавливать общие принципы управления государством, цели деятельности органов управления областью, с одной стороны, более конкретны и направлены на разрешение проблем развития данного территориального образования, с другой – тем, что они расположены «ближе к народу и хорошо знают» специфику своего региона. В связи с этим система правового регулирования применения форм общественного мнения в управленческой деятельности на региональном уровне имеет свою определенную специфику.

Анализ действующей в настоящее время законодательной базы в Волгоградской области позволяет говорить о наличии двух основных видов форм общественного мнения: обязательных для исполнения органами власти и имеющих консультативную функцию.

К формам общественного мнения, имеющим обязательную силу для исполнения органами власти и управления Волгоградской области, относятся выборы и референдумы. Общественное мнение с консультативным функционалом представлено в регионе следующими формами: общественная палата; общественные организации и политические объединения; обращение в органы власти и управления (письменно, посредством посещения личного приема граждан, встреч с руководителями, посредством телефонных звонков «Телефон доверия»); обращение к органам власти и управления через СМИ, Интернет-сайты; социологические исследования; собрания, митинги, демонстрации; акции протеста и неповиновения, забастовки. Как видно из представленной дифференциации, фиксируется явное преобладание форм общественного мнения с консультативной функцией над обязательными для исполнения органами власти и управления.

Первой и важнейшей формой вовлечения населения в дела управления регионом является участие в выборах, то есть право быть избирателем, право на участие в процессе формирования органов власти. Для жителей Волгоградской области это право устанавливается Федеральным законом от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ «Об основ-

ных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», Уставом Волгоградской области. До 15.12.2004 г. выборный механизм распространялся на глав органов власти регионального уровня. Последние выборы главы администрации Волгоградской области состоялись в декабре 2004 г. Отмена выборного механизма глав администраций в регионах повлекло отмену законодательства, регулирующего эти вопросы. Отметим, что введение системы назначения губернаторов вызвала неоднозначные оценки как среди правоведов, так и среди обывателей. В качестве основного аргумента «за» назначения была названа необходимость усиления вертикали исполнительной власти, контроля за работой высших должностных лиц регионов. В ходе фокус-групп, проведенных на территории Волгоградской области в конце 2004 г., представителям населения предлагалось высказать свое отношение по поводу инициативы президента. Некоторые опрошенные ответили, что поддерживают ее, поскольку *«Президенту виднее кого назначать, чем нам выбирать. Перед выборами они все хорошие, обещают много, а как избираются – только в свой карман смотрят»*. «Против» реформы выступали те, кто считал, что назначение губернаторов приведет к усилению власти президента.

Количественное социологическое исследование методом формализованного интервью (1200 опрошенных), проведенное на территории Волгоградской области 21–24 января 2005 г., показало, что 45,3 % опрошенных представителей Волгоградской области поддерживали сохранение принципа выборности губернатора, и только 13,9 % согласились с необходимостью введения нового механизма, в соответствии с которым губернатор должен утверждаться законодательным собранием по представлению Президента РФ. Таким образом, в целом по области на момент введения назначения большинство респондентов считало необходимым сохранить выборный механизм назначения губернаторов.

Что касается формирования законодательного органа региона, то здесь сохранен выборный принцип. Последние выборы в Волгоградскую областную Думу прошли 1 марта 2009 г.

Их итоги по партийному принципу представлены в табл. 1.

Итоги выборов по одномандатным округам на территории Волгоградской области также подтвердили лидерство претендентов от партии «Единая Россия».

Таблица 1

Итоги выборов в Волгоградскую областную Думу

Регион	Партия (%)					Явка (%)
	Единая Россия	КПРФ	Справедливая Россия	ЛДПР	Патриоты России	
Волгоградская область	49,44	23,57	13,32	9,84	1,17	42,11

Помимо права принимать участие в выборах Федеральный закон от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» устанавливает право граждан на участие в референдумах. Законодательство РФ о референдуме, помимо вышеуказанного закона, составляет Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, Федеральный конституционный закон «О референдуме РФ» от 28 июня 2004 г., другие федеральные конституционные и федеральные законы, а также нормативные акты ЦИК РФ, принимаемые в пределах ее полномочий, установленных Федеральным конституционным законом и законодательством РФ о выборах и референдумах. В Волгоградской области регулирует порядок проведения как референдума субъекта РФ, так и местных референдумов один и тот же Закон «О местном референдуме Волгоградской области» от 16 ноября 1998 г. В настоящее время как на региональном, так и на муниципальном уровнях, несмотря на существование закона, эта форма общественного мнения практически не была востребована, что обусловлено высокой стоимостью проведения референдума и отсутствием вопросов, которые было бы целесообразно с экономической точки зрения обсуждать подобным образом.

Традиционными способами воздействия общественного мнения, влияющими на принятие общественно значимых решений, являются орга-

низованные формы общественной и политической активности населения, которые при определенных условиях выполняют консультативную функцию по отношению к органам власти и управления. К ним относятся: партийные и общественные организации, политические движения, общественные и политические клубы и др.

Деятельность политических партий на территории РФ регулируется Конституцией РФ, Федеральным законом «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. №95-ФЗ и другими федеральными законами. Специфика этой формы выражения общественного мнения состоит в том, что, с одной стороны, политические партии являются каналами формирования общественного мнения по определенным вопросам, связанным с их деятельностью, с другой стороны, они сами своей деятельностью влияют на функционирование органов власти как на областном, так и на местном уровнях. Прежде всего, это влияние осуществляется через формирование представительного органа и выборы должных лиц из состава этих объединений. Через своих представителей возможно воздействие при подготовке и реализации решений. Однако отметим, что в случае если большинство «мест» собрания занято членами одной партии, можно предполагать, что принимаемые решения будут иметь соответствующую «окраску».

На территории Волгоградской области действует 7 региональных отделений политических партий (табл. 2).

Таблица 2

Политические партии Волгоградской области

Название партии	Численность	Количество местных отделений	Количество первичек	Наличие фракций в Волгоградской областной Думе
Единая Россия	33494	46	1499	Есть
КПРФ	7 226	44	637	Есть
Справедливая Россия	10 841	42	243	Есть
ЛДПР	3 940	42	Нет	Есть
Патриоты России	4 280	33	–	–
Яблоко	349	–	5	–
Правое дело	1 118	3	–	–

В целом, как видно из вышепредставленного табличного материала, наиболее активную позицию

в регионе занимает региональное объединение «Единая Россия».

Особый интерес для исполнительных органов власти представляют общественные объединения, не ставящие политические цели в соответствии со своими уставами. Деятельность общественных организаций как формы общественного мнения целесообразно воспринимать, прежде всего, с точки зрения демонстрации наличия острых проблемных сфер в обществе. Так же, как и объединения, преследующие политические цели, общественные организации представляют формы общественного мнения, с одной стороны, отражающие состояние общественного мнения по наиболее острым вопросам общественной жизнедеятельности, с другой – воздействующие на общественность как канал формирования общественного мнения.

Правовую основу взаимодействия органов государственной власти Волгоградской области с некоммерческими организациями составляет Конституция РФ, законы РФ и иные нормативно-правовые акты РФ, Устав Волгоградской области и иные нормативные правовые акты Волгоградской области. Правовая основа деятельности общественных объединений: Закон №826-ОД «О взаимодействии органов государственной власти Волгоградской области, органов местного самоуправления с негосударственными некоммерческими организациями»; Постановление главы администрации Волгоградской области от 8 июля 2004 г. №612 «О мерах по реализации Закона Волгоградской области от 27 мая 2003 г. №826-ОД “О взаимодействии органов государственной власти Волгоградской области, органов местного самоуправления с негосударственными некоммерческими организациями”»; Постановление главы администрации Волгоградской области от 23 июля 2004 г. №667 «Об образовании Волгоградского областного благотворительного совета»; Постановление главы администрации Волгоградской области от 5 августа 2005 г. №790 «Об утверждении Положения об Общественной палате Волгоградской области»; Постановление главы администрации Волгоградской области от 16 мая 2008 г. №615 «Об утверждении Программы взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления Волгоградской области с общественными и иными некоммерческими организациями на 2008–2010 годы».

На территории Волгоградской области действует 5487 некоммерческих организаций, из них: 262 – некоммерческих партнерств; 137 – автономных некоммерческих организаций; 1945 – ТОСов; 2205 – общественных объединений, 7 – региональных отделений политических партий [17]. В рамках администрации Волгоградской области функционирует Управление общественных свя-

зей, основной задачей которого является систематическая работа с общественно-политическим сектором Волгоградской области.

Важно отметить, что правовая база, регулирующая отношения органов власти региона и общественных организаций, строится на принципе двухстороннего взаимодействия – что должно обеспечивать учет интересов общественных некоммерческих организаций в процессе подготовки и принятии управленческих решений.

Статьей 12 Закона «О взаимодействии органов государственной власти Волгоградской области, органов местного самоуправления с негосударственными некоммерческими объединениями» закреплено право органов власти и управления на создание общественных советов, обладающих экспертными, консультативными, координационными и иными функциями. Основной их задачей является обеспечение взаимодействия негосударственных некоммерческих организаций с органами власти, учета интересов граждан при выработке и реализации властных решений в Волгоградской области.

В рамках этого права по инициативе органов государственной власти Волгоградской области был создан новый и самый молодой институт гражданского общества – Общественная палата. В своей деятельности Общественная палата Волгоградской области руководствуется Конституцией РФ, Федеральным законом «Об общественной палате» от 4 апреля 2005 г. №32-ФЗ, другими федеральными законами, Уставом Волгоградской области, нормативными актами Волгоградской области, Положением «Об общественной палате Волгоградской области», утвержденным 5 августа 2005 г.

Отметим, что в преддверии создания Общественной палаты были проведены достаточно серьезные консультации с общественностью по этому поводу. Так, например, по инициативе администрации Волгоградской области 28 апреля 2005 г. был организован и проведен «круглый стол» по теме: «Актуальные проблемы формирования Общественной палаты: региональный аспект», в ходе которого методом анкетирования было опрошено 39 представителей различных общественных объединений Волгоградской области. Большинство опрошенных – 74,4 % считают, что Общественная палата может стать оптимальной формой общественного участия в деятельности органов государственной власти Волгоградской области; 12,8 % респондентов уверены, что такую функцию должен выполнять консультативный общественный совет при главе администрации Волгоградской области; 7,7 % не смогли определиться с тем, в какой форме могут взаимо-

действовать региональные органы власти и волгоградское сообщество; 5 % предложили свои (новые) формы общественного участия – «независимый орган» и «народная палата». Основной функцией Общественной палаты, по мнению большинства респондентов, является вовлечение в процесс управления регионом представителей гражданского общества.

Общественная палата, организованная в соответствии с Положением, в настоящее время является совещательным органом при главе администрации Волгоградской области, образованным для обеспечения взаимодействия граждан РФ, негосударственных некоммерческих организаций – юридических лиц, действующих на территории Волгоградской области с органами государственной власти Волгоградской области, в целях учета потребностей и интересов и защиты прав и свобод граждан РФ и создаваемых объединений.

Далее, значительную роль в деятельности органов власти играют непосредственные обращения граждан. В администрации Волгоградской области функционирует специально созданное подразделение, занимающееся анализом информации, поступившей от обратившихся граждан, задачами которого являются: во-первых, объективное рассмотрение и содействие в защите законных прав и интересов граждан; во-вторых, использование информации, поступающей с мест, для анализа положения дел в области.

В своей деятельности Приемная граждан администрации Волгоградской области руководствуется Законом Волгоградской области «О порядке рассмотрения обращений граждан в Волгоградской области» от 31 марта 1999 г., Положением «О порядке личного приема граждан в Администрации Волгоградской области» от 30.08.99 г. №595, Инструкцией «О порядке работы с письменными и устными обращениями граждан, поступившими в Администрацию Волгоградской области» от 15.06.98 г. Положениями перечисленных нормативных актов устанавливается порядок подачи, рассмотрения и ответа соответствующего подразделения или должностного лица на обращение гражданина.

Письменные обращения граждан играют особую роль, поскольку в них содержится богатый фактический материал, отличающийся остротой суждений по различным вопросам общественной жизни, передающий широту потребностей и настроений граждан. Устные обращения возможны при личном обращении к должностным лицам. Личный прием граждан осуществляет глава администрации, его заместители, управляющий делами, заведующий отделом, в строгом соответствии с графиком приема. Также производится

организация прямых телефонных линий связи с представителями различных подразделений администрации.

Эти законодательно оформленные связи между населением и органами власти региона позволяют не только получать информацию о проблемах и приоритетах в проблемных зонах общества, способах их разрешения, но также возможность на основе полученной информации принимать решения, касающиеся определенных социальных групп.

Отметим, что на основании анализа поступивших в Приемную граждан обращений от населения по итогам 2009 г. наиболее проблемными сферами жизнедеятельности Волгоградской области, а следовательно, теми сферами, которым органам власти и управления региона следует уделить особое внимание, являются: социальное обеспечение, защита населения и состояние жилищно-коммунального хозяйства.

Опосредованной формой письменных обращений к органам власти является форма выражения мнения через СМИ (публикации писем в газетах, выступления граждан на телевидении, интервью на улицах). Статьей 42 об авторских произведениях и письмах Закона РФ «О СМИ» от 27 декабря 1991 г. №2124-1 закреплено следующее: письмо, адресованное в редакцию, может быть использовано в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма и не нарушаются положения Закона «О СМИ». Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом. Таким образом, СМИ предоставляется право выбора – публиковать или предать забвению то или иное опосредованное обращение гражданина к органам власти. Важно отметить, что определенным образом подобранные публикации писем могут стать как сильнейшим механизмом воздействия на общественное мнение, а соответственно инструментом влияния на органы власти и управления.

В связи с развитием новых информационных технологий в последнее время стала потихоньку набирать популярность такая форма взаимодействия граждан и органов власти, как общение посредством Интернета. В настоящее время практически всеми субъектами РФ, а том числе и администрацией Волгоградской области, созданы свои информационные сайты. Функционирование сайта регламентируется действующим законодательством

вом РФ, Уставом Волгоградской области, Положением о сайте Волгоградской области, а также локальными нормативными актами администрации, приказами и распоряжениями главы администрации Волгоградской области. Сайт предусматривает возможность прямого контакта с пользователем «Вопрос – Ответ».

Далее, наиболее сложными для исполнительных органов власти региона являются массовые организованные (собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования) и неорганизованные (акции протеста и неповиновения, забастовки, массовые беспорядки, вооруженные выступления, бунты) формы общественного мнения. Проведение организованных форм публичных мероприятий регламентировано законодательством РФ о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях основывается на положениях Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах РФ и включает в себя Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 г. №54-ФЗ и иные законодательные акты РФ, относящиеся к обеспечению права на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований. В случаях, предусмотренных Федеральным законом, нормативные правовые акты, касающиеся обеспечения условий проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, принимают и издают органы государственной власти субъектов РФ. Проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в целях предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума регулируется Федеральным законом и законодательством РФ о выборах и референдумах. Проведение религиозных обрядов и церемоний регулируется Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 г. №54-ФЗ предусматривает, в случае проявления неорганизованных акций неповиновения, массовых беспорядков, вооруженных выступлений и других форм общественного мнения с доминирующим проявлением агрессии, прекращение публичного мероприятия. По мнению российского конфликтолога А. К. Зайцева, эти формы выражения общественного мнения и политического участия населения в управлении являются разновидностью социального конфликта и развиваются по его собственным законам. Население через эти формы выражает свое недовольство или несогласие с действиями органов власти, поэтому

они, как правило, служат основой для принятия решений, целью которых является удовлетворение требований, выставленных бастующими, а также выполняет контролируемую функцию при реализации тех или иных решений [1. С. 58–68]. Органы власти, с одной стороны, заинтересованы в скорейшем прекращении функционирования подобных форм выражения общественного мнения, с другой – вынуждены ориентироваться на них в процессе принятия управленческих решений.

Обобщая вышесказанное, отметим, что рассмотренные формы выражения общественного мнения объединены наличием правового регулирования их функционирования на региональном уровне. На их фоне несколько в стороне находится такая форма получения органами власти и управления информации о состоянии общественного мнения, как социологические исследования. Анализ существующей правовой базы позволяет говорить об отсутствии норм, определяющих статус социологических исследований в практике социального управления, при том, что существующая социальная реальность диктует необходимость использования данных, полученных социологическими методиками. В настоящее время уже четко определена консультативная роль социологических данных по отношению к процессу принятия управленческих решений.

Необходимость создания более четкого механизма правового регулирования статуса прикладных исследований в практике социального управления обусловлена рядом факторов. И прежде всего многофункциональностью социологических исследований. Основными являются следующие функции:

1. **Информационная.** Использование социологического метода в системе получения информации дает следующие преимущества: объективность, относительная дешевизна; позволяет осуществить накопление и систематизацию социальной информации, позволяющей проанализировать динамику изменения того или иного социального процесса, и представить в определенной аналитической системе.

2. **«Лакмусовая».** Социология позволяет проверить, как будет работать то или иное решение, как его, в частности, воспримет население в целом, или социальная общность, на которую оно распространяется.

3. **Диагностическая.** Реализуя эту функцию, прикладная социология позволяет: определить диапазон возможностей, вероятностей, открывающихся перед участниками событий; представить альтернативные сценарии будущих процессов, связанных с каждым из выбранных решений; рассчитать вероятные потери по каждому из альтер-

нативных вариантов, включая побочные эффекты, а также долгосрочные последствия.

4. **Функция социального контроля.** Кроме того, социальная диагностика позволяет выявить уровень социально-политической активности, стабильности, оценить перспективы изменений социальных настроений, оценить степень удовлетворенности ситуацией в регионе, выявить оценку существующей системы управления в целом и отдельных руководителей региона в частности.

5. **Функция социального планирования.** Данные социологических исследований имеют большое значение для выстраивания органами власти и управления региона плана развития разнообразных сторон общественной жизни.

6. **Критическая.** Реализуя критическую функцию, социология дифференцированно подходит к действительности: с одной стороны, она выявляет и демонстрирует то, что можно и нужно сохранить, упрочить, развить, с другой – выявляет те сферы общественной жизни региона, которые действительно требуют радикальных преобразований.

7. **Преобразовательная функция социологии** состоит в том, что итогом любого прикладного исследования является формирование выводов по ситуации, выработка рекомендаций, предложений по возможным путям ее разрешения. В данном контексте, задачей прикладной социологии становится теоретическое обеспечение процесса реформации общественной жизни региона.

Следствием юридического закрепления возможности использования данных социологических исследований в практике социального управления станет юридическое закрепление всех выполняемых прикладной социологией функций.

Важным моментом правового регулирования применения результатов прикладной социологии в процессе управления является организационное обеспечение процесса проведения социологических исследований. Это подразумевает наличие в организационной структуре органов власти и управления региона специального мобильного адаптивного подразделения, которое взяло бы на себя данную функцию, а следовательно, позволило бы обеспечить реализацию всех функций собственно социологических исследований.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что общественное мнение, являясь специфическим, сложным, но необходимым для изучения органами власти и управления явлением, требует специфических научно обоснованных методов его исследования, каковыми и являются социологические исследования. Однако в отсутствие правового регулирования статуса данных социологических

исследования, даже их консультативной роли как основы принятия управленческих решений, осуществления процесса управления в целом, результаты социологических исследований не могут стать достойной основой для процесса управления регионом.

Библиографический список и нормативно-правовые источники

1. *Зайцев, А. К.* Стратегия поведения участников забастовки [Текст] / А. К. Зайцев, А. Я. Клементьева, Ю. В. Карпенков // Социс. – 1998. – №10.
2. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция РФ: офиц. текст // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
3. Российская Федерация. Законы. О референдуме РФ: федер. закон: [принят 28 июня 2004 г.] // СЗ РФ. – 2004.
4. Российская Федерация. Законы. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ: федер. закон: [принят 12 июня 2002 г. №67-ФЗ] // СЗ РФ. – 2002.
5. Российская Федерация. Законы. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ: федер. закон: [принят 19 сентября 1997 г. №124-ФЗ] // СЗ РФ. – 1997.
6. Российская Федерация. Законы. Об общественных объединениях: федер. закон: [принят 19 мая 1995 г. №82-ФЗ] // СЗ РФ. – 1995.
7. Российская Федерация. Законы. О политических партиях: федер. закон: [принят 11 июля 2001 г. №95-ФЗ] // СЗ РФ. – 2001.
8. Российская Федерация. Законы. Об общественной палате: федер. закон: [принят 4 апреля 2005 г. №32-ФЗ] // СЗ РФ. – 2005.
9. Российская Федерация. Законы. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон: [принят 26 сентября 1997 г. №125-ФЗ] // СЗ РФ. – 1997.
10. Российская Федерация. Законы. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон: [принят 19 июня 2004 г. №54-ФЗ] // СЗ РФ. – 2004.
11. Российская Федерация. Законы. О государственной охране: федер. закон: [принят 27 мая 1996 г. №57-ФЗ] // СЗ РФ. – 1996.
12. Российская Федерация. Законы. О средствах массовой информации: федер. закон: [принят 27 декабря 1991 г. №21244] // СЗ РФ. – 1991.
13. Указ Президиума ВС СССР от 12.04.68 г. №2534 – УП (ред. от 02.02.88 г.) «О порядке рассмотрения предложений, заявлений, жалоб граждан».
14. Российская Федерация. Правительство. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 июня 1998 г. №17-П.
15. Закон Волгоградской области «О порядке рассмотрения обращений граждан в Волгоградской области» от 31 марта 1999 г.
16. Закон Волгоградской области «О взаимодействии органов государственной власти Волгоградской области, органов местного самоуправления с негосударственными некоммерческими объединениями» от 27 мая 2003 г. №88826-ОД.

17. Закон Волгоградской области «О местном референдуме Волгоградской области» от 16 ноября 1998 г.

18. Положение «Об общественной палате Волгоградской области» 5 августа 2005 г. №790.

19. Положение «О порядке личного приема граждан в Администрации Волгоградской области» от 30.08.99 г. №595.

20. Инструкция «О порядке работы с письменными и устными обращениями граждан, поступившими в Администрацию Волгоградской области» от 15.06.98 г.

С начала 2010/11 учебного года на факультете государственного и муниципального управления откроется новое направление подготовки 040200 «Социология»

О будущей образовательной программе рассказывает зав. кафедрой социологии управления ВАГС профессор О. В. Байдалова.

О науке

Социология – молодая наука, которая изучает самый сложный объект – человеческое общество, его структуру, законы развития, поведение людей, принципы социальной справедливости, правильное разделение труда. Множество вопросов вот уже две с половиной тысячи лет задают себе лучшие умы человечества. Ученые-социологи продолжают спорить о том, что такое общество, которое постоянно меняется, о том, какие законы управляют поведением людей, почему происходят разводы и межнациональные конфликты, почему одни общества далеко уходят вперед, а другие запаздывают в своем развитии.

О профессии

Социолог зарабатывает исследованиями. Обычно он изучает то, как ведут себя люди: как они делают покупки, голосуют на выборах, работают и ищут работу, создают сообщества, эмигрируют и т.д. Социолог проводит опросы, берет интервью, читает лекции, пишет статьи, выступает по телевидению и организует труд множества технических специалистов. Он может окунуться в десятки разных культур, познакомиться с сотнями людей, выработать навыки публичных выступлений и помочь депутату, мэру или губернатору победить на выборах. Социолог знает как изучать человеческие отношения и поступки и как на них повлиять, как создать сообщество и предотвратить конфликт, как заработать деньги и сэкономить время.

О карьере

Рынок прикладной социологии, маркетинга растет очень быстро. Ни одна другая гуманитарная наука не имеет столь масштабной сферы применения. Каждое предприятие, каждый серьезный проект нуждается в исследовании, каждая социальная программа требует социологической поддержки. У социолога всегда есть выбор. Одни делают карьеру в маркетинге или кадровой службе, другие – в международных проектах, третьи – в университетах и исследовательских центрах, четвертые – в СМИ, пятые – в политике. Кто-то из нас ограничивается карьерой в бизнесе, кто-то академической жизнью, кто-то уходит в политику или посвящает себя какой-то социальной проблеме, но при этом остается социологом.

Об учебе

Известно, что учеба – это огромный труд, и это не вызывает ни у кого сомнений. Первые два года – самые трудные – дадут вам основы классического образования и профессиональных знаний: история философии и социологии, экономика, статистика, исследовательские методы, все в соответствии с выбранной специальностью. К концу второго курса вы уже выберете себе научного руководителя, который поможет вам провести учебное исследование и написать курсовую работу. На старших курсах вы познакомитесь с лучшими в городе профессионалами, заработаете свои первые гонорары, защитите диплом. Кто-то из вас сможет продолжить свое образование в магистратуре и аспирантуре, которые есть на кафедре социологии управления.

Приходите, Волгоградская академия государственной службы ждет вас!

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

УДК 316.722

МНОГООБРАЗИЕ ЛАКУН: ВРЕМЯ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Т. Ю. Данильченко

Политическая картина мира зависит от способов концептуализации реальности. Для людей, которые ищут свои корни, важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль межцивилизационных лакун. Восстанавливая социальную память, народы бывшего СССР реставрировали не только традиционную идентичность, но и произвели эскалацию спящей лакунарности. Теория региональных цивилизаций (культурно-исторических типов) продуктивна на современном этапе в политологическом и геополитическом отношении.

Ключевые слова: культура, цивилизация, лакуны, политические лакуны.

VARIETY OF LACUNAS: N. JA. DANILEVSKY'S TIME

T. Y. Danilchenko

The political picture of the world depends on ways conceptualisation realities. For people who search for the roots, enemies are important, and most potentially dangerous enmity always arises lengthways intercivilization lacunas. Restoring social memory, people of the former USSR restored not only traditional identity, but also have made escalation sleeping lacunas. The theory of regional civilizations (cultural-historical types) is productive at the present stage in politic and the geopolitic attitude.

Keywords: culture, a civilization, lacunas, political lacunas.

Сейчас само собой разумеющейся является мысль о том, что картина мира в сознании не только художника, но и ученого, политика и даже этноса определяется способами концептуализации реальности, связанными с языком. Способы высказывания о мире, различие способов мышления задают различные картины мира. То, что в головах американских политиков на климатическом форуме в Копенгагене мыслится как «потепление климата» китайскими и индийскими политиками мыслится не как борьба с выбросами, а как попытка развитых стран запретить им развиваться. Например, Пекин согласен начать переговоры о снижении выбросов на 5–7 % только после того, как развитые страны, разместившие в Китае половину, причем, наиболее экологически вредную, своих производств и потребляющие дешевые китайские товары, согласятся взять на себя до 20 % китайских выбросов.

Однако в отличие от времен «холодной войны» уже не доминирует один раскол: между Западом и другими цивилизациями. Возникло множество «центров силы» и множество политических, религиозных, межэтнических лакун. Вместо прежних политических двуполюсных концептуализаций «свободный мир – несвободный мир» все более частыми концептуализациями стали понятия «Запад», «ислам» (как культурно-политический

феномен), «Большой Китай», Япония, Индия, Россия и ее «ближнее зарубежье», «Европейский союз» (в цивилизационном значении) [1. С. 71–72]. Политологическая оценка этого состояния выглядит таким образом, что межцивилизационные отношения в этой фазе стали многообразнее и не поддаются однородной оценке. В межцивилизационных отношениях могут играть роль экономические, политические, религиозные, этнические, культурные факторы.

Каждая цивилизация видит себя центром мира и формирует свою историю как центральный сюжет истории человечества. Это, пожалуй, даже более справедливо по отношению к Западу, чем к другим культурам. Такие моноцивилизационные точки зрения, однако, утратили значимость и пригодность в полицивилизационном мире. Вначале Н. Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» (1868), а затем в 1918 г. О. Шпенглер создали новый, нелинейный образ истории на основе культурологического подхода. Затем А. Тойнби подверг критике «ограниченность и наглость» Запада, выражавшиеся в «эгоцентрических иллюзиях» о том, что мир вращается вокруг него, что существует «неизменный Восток», что существует лишь «одна река цивилизации».

Политико-идеологическая лакуна времен «холодной войны» имела свои социально-клас-

совые основания и представляла собой развертку классового антагонизма капитализма в межгосударственную сферу. Поэтому ведущими конфронтирующими ценностями этой глобальной лакуны были политические ценности.

Политика в мире после «холодной войны» впервые в истории стала и многополюсной, и полицивилизационной. В конце 1980-х коммунистический мир рухнул и после «холодной войны» наиболее важными стали различия не только идеологические, политические или экономические, а также культурные, религиозные. Наверное, несколько неожиданно, но основным вопросом стал вопрос об идентичности. И люди отвечают традиционным образом, обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность. Люди определяют себя, используя такие понятия, как «происхождение», «религия», «язык», «история», «ценности», «обычаи» и «общественные институты». Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов.

Однако всякая идентичность в качестве своего основания имеет оппозицию «мы – они», «свои – чужие». Следовательно, всякая идентичность сопровождается образованием лакун, а цивилизационная идентичность сопровождается цивилизационной демаркацией границ. Схема в этом случае такова: мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы.

Мировоззренческие лакуны – это «смысловые провалы», «пустоты», «зоны непонимания и непереводаемости» между представителями различных мировоззренческих позиций. Если отношения идентичности выявляют «кто я?» и «кто мы?» – представитель какого этноса, нации, государства, культуры, цивилизации, то отношения лакунарности позиционируют тех, кто есть не – я, не – мы. «Мы это не они», «мы – это свои», а «они – чужие», «они – другие», «инаковые». Идентичность и лакунарность нераздельны и творящий благое дело патриот часто не замечает, что чем более он педалирует на Мы, тем более он противопоставляет Своих Чужим и увеличивает культурную и другую дистанцию между Мы и Они.

Ментальные, когнитивные, эмоциональные, аксиологические несовпадения приводят к возникновению социальных противоречий, непони-

мания, противоположных оценок одних и тех же политических реалий. Социальные и политические позиции и интересы играют в этом случае определяющую роль. Но сам феномен проявляется в несовпадении смыслов. В сентябре 2005 г. датская газета Jyllands-Posten опубликовала 10 карикатур, которые были восприняты многими как прямое осмеяние пророка Махаммада и ислама. Реакция на эту публикацию была крайне негативной. Этот случай поднимает не только проблему того, когда закон правомерен в ограничении свободы выражения, но и проблему влияния лакун на состояние общественного сознания и общественного мнения.

Необходимо учитывать две вещи. Во-первых, в то время как свобода слова – важная ценность, она не абсолютна. Это – одна из многих ценностей и может быть сокращена в свете других ценностей. Таким образом, любая оценка защиты или запрета свободы слова вовлекает балансирование противоречивых интересов и ценностей. Во-вторых, законы, касающиеся свободы слова, в различных странах имеют неодинаковые ограничения. В современной России и США, возможно, самые либеральные законы в отношении к защите свободы слова. Во многих других странах законы гораздо строже. Однако, независимо от либеральности законов относительно свободы слова, «коллективная память» людей может играть роль в выборе типа речи, которая может быть ограничена, поскольку память может внести вклад в оценку значения и величины причинения вреда.

В каждой стране есть национальные особенности в способах восприятия и языкового представления политической действительности, что объясняется национальной ментальностью и историческими условиями формирования политической культуры. Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», «общечеловеческое» и свойственное только тому или другому национальному дискурсу. Все это способствует лучшему пониманию между народами и межкультурной толерантности. Если на Западе глав государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги в стремях. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле».

Следует принимать во внимание, что некоторые направления политической лингвистики, получившие развитие в Европе и США, невозможны в отдельных азиатских странах ввиду особенностей законодательства и политических систем. К примеру, в Китае и Сингапуре нельзя проводить исследования общественного мнения, направленные на выявление восприятия рядовыми гражданами политических лидеров или кандидатов на государственные должности. Свои ограничения накладывают традиции освещения событий в СМИ.

Многостраничный труд «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств» выложен и в Интернете на сайте Фонда «Государственный клуб». Частично переведя на русский язык и проанализировав 187 школьных учебников и пособий из 12 стран бывшего Союза, ученые МГУ и других исторических факультетов отметили важные особенности новой постсоветской исторической мифологии. Азербайджанский учебник для шестого класса возмущает, что азербайджанцы – современники шумеров: «Первые письменные свидетельства о племенах древнего Азербайджана даны в шумерских эпосах и клинописях». А на картах грузинских учебников в качестве исторических областей Грузии показаны территории Азербайджана, России и Турции.

Оказывается, что общая черта постсоветской негативной идентичности, т. е. представление о так называемом «заклятом враге» – это Россия и русские (исключением являются Армения и Белоруссия). В учебниках контакты с русскими оцениваются только как источник бед. Так, на уроках в Латвии и Эстонии совместное с Россией отражение крестовых походов отодвинуто в тень. Мало того, авторы учебника «История Эстонии» сожалеют, что крестовый поход остановился на границах Руси. Господа Адамсон и Валдмаа так и пишут: «Отчего же Запад не осуществил масштабный крестовый поход на Русь? К 1240 году время было упущено».

Еще один способ выразить свое негативное отношение к Руси, России и СССР – «замолчать» факты. В учебниках истории Узбекистана нет ни слова о том, что уже в 1967 г. (ровно через год после страшнейшего землетрясения, которое уничтожило Ташкент) «звезда Востока» был полностью восстановлен.

Учебники Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы, Узбекистана и Эстонии оценивают политические репрессии как этнический геноцид. Если заменить в этом списке Узбекистан на Украину, то полу-

чится компания стран, где в учебниках Советский Союз назван агрессором и инициатором Второй мировой войны.

В романе Майкла Дибдина «Мертвая лагуна» устами венецианского националиста-демагога выражен весьма мрачный, но характерный для нашего времени взгляд на мир: «Не может быть настоящих друзей без настоящих врагов. Если мы не ненавидим того, кем мы не являемся, мы не можем любить того, кем мы являемся». Для людей, которые ищут свои корни, важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль «линий разлома» (лакун) между основными культурно-цивилизационными маркерами – религия, мораль, философия. Восстанавливая социальную память, народы бывшего СССР реставрировали не только традиционную идентичность, но и произвели эскалацию спящей лакунарности.

18 апреля 1994 г. две тысячи человек собрались в Сараево, размахивая флагами Саудовской Аравии и Турции вместо флагов ООН, НАТО или США и идентифицируя себя со своими братьями-мусульманами. Потому что для людей, которые ищут свои корни, важны враги, и потенциально наиболее опасна вражда, которая проходит вдоль «линий разлома» (лакун) цивилизаций между основными культурно-цивилизационными маркерами – религия, мораль, философия. Лакуны – это «зоны непереводимости», «зоны непонимания», «культурные провалы», «темные места», «пустоты» в зонах межкультурных и цивилизационных контактов. Они обусловлены культурной природой человека, множественностью его культур и познавательными границами – невозможностью существования одной единственной картины мира для всех народов. Если мировоззренческие лакуны обусловлены различием сознательно артикулируемых картин мира, ценностей, убеждений, позиций, то ментальные лакуны выражают верования, оценки, стереотипы, действия, осуществляемые социально бессознательно.

Конфессионально-мировоззренческие различия для современного человечества также существенны, как и тысячу лет назад. Это обусловлено тем, что религии и религиозно-философские мировоззренческие системы составляют основу мегацивилизаций – цивилизаций глобального уровня, таких, как христианская, исламская, буддийская, конфуцианская, индуистская цивилизации. Существенность религиозных ценностей заключена и в том, что, будучи весьма консервативными системами, они аккумулируют в себе историческую память народов. Например, современная Европа остро ощущает цивилизационный разлом

«ислам–христианство» внутри современных европейских государств. Этот тектонический разлом проходит не просто через городские кварталы, или улицы, а через души – через систему веры, убеждения, культура. Как отмечает Б. Левис, «Ислам – это не географическая область: это религия. Но для мусульман слово «религия» содержит совсем другой смысл, чем для христиан современности и средневековья... Для мусульман ислам – это не просто система веры и культура... Это скорее образ жизни в широком смысле, и его нормы включают элементы гражданского, уголовного и даже конституционного права в нашем понимании» [2. С. 5–6].

Российское экономическое, политическое и культурное пространство прерывисто, неоднородно. Страна живет в разных эпохах одновременно – от постиндустриальных очагов – Москвы и Петербурга до военно-патриархальных вождей Чечни [4. С. 131]. Разные локусы этого пространства изменяются и развиваются неравномерно, скорость перемен в регионах различается коренным образом на порядок.

Однако политологи, с нашей точки зрения, часто понимают идентичность и лакуны несколько объективистски. Отечественные политики, политологи, эксперты часто мыслят геополитически, политэкономически, военно-стратегически. Например, политико-культурные лакуны измеряют такими маркерами, как Кавказский хребет, город-село, Северный Кавказ, Чечня, Дагестан и т.п. Но сколько раз уже жизнь нам подсказывала, что лакуны проходят не по территориям, а по линиям мировоззренческого раскола. Мировоззренческое столкновение цивилизаций проходит не просто через Северный Кавказ. Оно потому и мировоззренческое, что проходит через сознание, убеждение, совесть, веру. Решение современных проблем Ингушетии, Дагестана не в региональном делении, а в отношениях идентичности и в тех мировоззренческих лакунах, которые проходят через душу, сердце живущих там людей. У нас иногда шутят, что современный кризис, его источники находятся «в головах». Когда современные региональные эксперты, политики кивают в сторону Москвы, что, мол, кризис на Кавказе своими корнями имеет Москву, то опять-таки, речь идет о состоянии мозгов. Но кризис на Кавказе имеет ментальные и мировоззренческие основы не только в Москве, но и на цивилизационном уровне. Эти мировоззренческие лакуны характеризуют современное глобальное сознание, межцивилизационные отношения.

Первый цивилизационный лакунарный провал случился для СССР в Афганистане. Война

СССР в Афганистане 1979–1989 гг. началась как поддержка дружественного политического режима. По логике эпохи «холодной войны» она превратилась в конфронтацию с США. Однако в стратегии СССР не было учтено, что она превратилась также и в столкновение с исламским миром – столкновение цивилизаций. А в цивилизационной идентичности ведущей является духовно-мировоззренческий фактор. Поэтому откат СССР из Афганистана имел двойные цивилизационные последствия: Запад полагал это победой свободного мира, а мусульмане рассматривали как победу ислама.

После окончания «холодной войны» в диалоге с М. Горбачевым западные политики риторически поддерживали идею нового миропорядка, но на практике мировое правительство оценило ситуацию как победу западного проекта глобализации. Такого рода идентичность Европы вновь прочертила лакуну между западным и остальным миром. Однако двойная игра западных правительств против СССР не решила проблему в цивилизационном масштабе. И сейчас США и Европа стоят перед аналогичной проблемой.

В современной Европе сталкиваются с очередным «наступлением» ислама, происходящим в новой форме. Впервые большие, однородные группы мусульман проживают за пределами дар ал-ислама, в странах, где не действуют законы шариата. Их положение стало источником напряженности вследствие цивилизационной лакуны непонимания («Запад–ислам»), которая имеет свои длительные исторические корни. Кроме того, напряженность усиливается исламской пропагандой, фундаменталистским террором, деятельностью мусульманских общин. Глобализация крайне обострила тот факт, что существующие мировые религии разделяют человечество непроходимыми лакунами. Современный цивилизационный разлом проходит, во многом, по границам распространения этих религий. Но противоречия не только во внешнем пространстве бытия людей, они разъедают современного европейца изнутри. Без изменения мировоззренческих (философских, религиозных, политических) образов мира существующие лакуны не преодолеть. Кризис имеет мировоззренческий характер, и он находится, прежде всего, в головах европейцев – в их идеологии, душах. Точно также, без реформирования мировых религий с помощью политических и философских усилий, новый мировой порядок не может быть построен.

Если в 1970 г. мы всемирно исторический процесс концептуализировали по Марксу – есть столбовая дорога формационного ступенчатого

развития и идею Н. Я. Данилевского [3] всерьез не принимали, то сегодня ситуация во многом противоположна. Мы готовы признавать, что есть множество культурно-исторических типов (цивилизаций), по своему основному проявлению они различны и неоднородны, а между различными цивилизациями существуют лакуны. Эти лакуны заполняются в основном «прополкой», т. е. колонизацией. «Почвенное удобрение» так же, как и «новое мышление» (по Горбачеву), это часто лишь спекуляции в устах политиков.

Библиографический список

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М: ООО «Издательство АСТ», 2003.
2. Баранов, А. В. Политико-культурные лакуны Юга России [Текст] / А. В. Баранов // Регионалистика и этнополитология; редкол. Р. Ф. Туровский и др. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2008.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа [Текст] / Н. Я. Данилевский. – СПб., 1971.
4. Lewis, B. L'Europa e l'Islam [Text] / B. Lewis. – Roma – Bari, 1995.

УДК 314.148

**ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБЕННОГО В МОГИЛЬНИКЕ
ВАКУРОВСКИЙ БУГОР***

Е. В. Перерва, М. А. Балабанова

Работа посвящена исследованию возрастных групп населения, погребенного в золотоордынском могильнике Вакуровский бугор. В процессе работы удалось выявить высокую детскую смертность, преобладание мужчин над женщинами в данном некрополе. Для населения, похороненного на Вакуровском бугре, характерны низкие показатели среднего возраста дожития и высокая смертность мужчин и женщин в молодом возрасте.

Ключевые слова: половозрастная структура, демография, смертность, антропологические серии, половой деморфизм.

**PALEODEMOGRAPHY OF POPULATION BURIED IN THE BURIAL MOUND
VAKUROVSKIY BUGOR**

E. V. Pererva, M. A. Balabanova

The present article is concerned with age groups of population, which was buried in the Golden Horde burial mound, Vakurovskiy bugor-I. During the research work we were able to identify a high infant mortality, the prevalence of men over women in this necropolis. Average age of survival and high mortality of men and women at younger ages are typical features of people, who were buried on Vakurovskiy bugor.

Key words: age-sex structure, demography, mortality, anthropological series, sex dimorphism.

Источником данного исследования является антропологический материал раскопанной части могильника на снос в 2007 г. Антропологический материал, полученный в процессе археологических раскопок, насчитывает 117 костяков.

Целью данного исследования является определение половозрастной структуры Красноярского городища по материалам могильника Вакуровский бугор, расположенного на Бэровском бугре, что в дельте Волги.

Вся информация извлечена из таблиц дожития, построенных на общеизвестных принципах [1; 7; 8] (табл. 1, 2).

Половозрастная структура золотоордынских городищ изучалась рядом исследователей [2; 4; 6].

Так, некоторые параметры демографии Селитренного городища были получены в результате исследования 306 костяков, из раскопок городского

некрополя [6]. Согласно данным половозрастной стратификации Селитренного городища, взрослые составляют 79,1 %, а дети – 20,1 %. Средний возраст смерти погребенных составил 32 года с учетом детей и 39,1 лет средний возраст дожития взрослого населения.

Распределение смертности по возрастным группам следующее: более 40 % детей находилось в момент смерти в возрасте *Infantilis-I*, а около 60 % были подростки.

Пик смертности у женщин выпадает на молодой возраст – около 65 %, а у мужчин – на возраст 40–55 лет [6. С. 144].

Половозрастная стратификация некрополя Царевского городища, расположенного в Волго-Ахтубинской пойме недалеко от Селитренного городища, изучена по материалам курганного могильника, расположенного в окрестностях городища, и серия насчитывает 82 костяка.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации (грант МК-123.2009.6).

Сравнивая данные демографии по двум синхронным группам – Селитренного и Царевского городищ, наблюдается определенное сходство по соотношению взрослых и детей: 75,6 % к 24,4 %. Детей в возрасте первого детства намного больше, чем в серии Селитренного городища – 75 %. Но доля женщин молодого возраста в два раза меньше, чем в Селитренном городище. Наибольшая смертность мужчин серии Царевского городища, как и Селитренного, выпадает на возраст 40–55. Средний возраст смерти в Царевской группе выше, чем в Селитренной и составляет 35,7 лет с учетом детей и 46,7 года возраст смерти взрослого населения лет [2. С. 207].

В процессе изучения антропологической коллекции из русского кладбища Водянского городища тоже были выявлены некоторые половозрастные параметры, так как нет возможности получить полной демографической информации из-за того, что раскопана только часть кладбища [3].

В данной серии были выявлены различия по половому соотношению: преобладают женские скелеты и составляют 48,7 %, мужские – 38,4 % и только 12,9 % составляют детские костяки. Все дети умерли в возрасте первого детства, до 6 лет. Средний возраст дожития в среднем по серии 39,8 лет (без учета детей) и 35,1 (с учетом детей).

Около 70 % женщин умерли в репродуктивном возрасте 16–40 лет, остальные умерли в возрасте старше 40 лет. Вероятность смерти для

женщин резко повышается к 20 годам, но уменьшается после 40 лет. Возраст дожития мужчин выше и среди них лишь один мужчина умер в юном возрасте. В финальную возрастную когорту включены все умершие старше 50 лет. Их в группе довольно много – 10 индивидов, что составляет 24,4 % [3. С. 13].

Есть и данные по половозрастной стратификации Новохарьковского городища, расположенного в Воронежской области. Серия насчитывает 107 костяков.

Соотношение по полу в этом могильнике составляет 27,1:28,1. Детей почти в два раза больше, чем в нижеволжских сериях – 44,8 %. Средний возраст смерти погребенных составил 20,3 года с учетом детей и 33,6 лет средний возраст дожития взрослого населения.

В данной группе распределение смертности по возрастным группам демонстрирует три пика смертности: период первого детства, в молодом возрасте (20–24 года) и в 35–39 лет [4].

Таким образом, анализируя вышесказанное, на фоне групп с определенной половозрастной стратификацией выделяются две нижеволжские из Селитренного и Царевского городищ, которые по многим демографическим показателям имеют сходство. Завышенные показатели некоторых данных демографии по Водянскому городищу отражают случайный характер выборки и не полноту половозрастной информации.

Таблица 1

Общая таблица смертности погребенных на могильнике Вакуровский бугор

Возраст, лет	Dx	dx	lx	qx	L	T	Ex
0-4	26	22,2	100,0	0,222	444,4	2344,0	23,4
5-9	7	6,0	77,8	0,077	373,9	1899,6	24,4
10-14	5	4,3	71,8	0,060	348,3	1525,6	21,3
15-19	7	6,0	67,5	0,089	322,6	1177,4	17,4
20-24	8	6,8	61,5	0,111	290,6	854,7	13,9
25-29	19	16,2	54,7	0,297	232,9	564,1	10,3
30-34	14	12,0	38,5	0,311	162,4	331,2	8,6
35-39	16	13,7	26,5	0,516	98,3	168,8	6,4
40-44	9	7,7	12,8	0,600	44,9	70,5	5,5
45-49	4	3,4	5,1	0,667	17,1	25,6	5,0
50+	2	1,7	1,7	1,000	8,5	8,5	5,0
Всего	117						

Примечание. Dx – число индивидов, умерших в определенном возрастном интервале;
 dx – доля в процентах индивидов, умерших в определенном возрастном интервале;
 lx – относительное число индивидов, доживших до определенного возрастного интервала;
 Lx – число лет, прожитых индивидумами, дожившими до определенного возрастного интервала;
 T – общее число лет, которое может быть прожито индивидумами, достигшими определенного возрастного интервала;
 Ex – ожидаемая продолжительность жизни в каждом интервале, или среднее число лет, которое может прожить индивидум, достигший определенного возраста.

Как уже было указано, источником данного исследования является антропологический материал, полученный в процессе археологических раскопок могильника Вакуровский бугор, насчитывает 117 костяков.

На черепе и костях посткраниального скелета из исследуемого некрополя хорошо выражен

половой диморфизм, поэтому определение пола и возраста не вызывало затруднений: 41 костяк определен как мужской, 38 – как женские и 38 – как детские.

Таким образом, детские костяки составляют – 32,5 %, а на долю взрослых приходится 67,5 %.

Таблица 2

Показатели таблицы смертности мужчин и женщин могильника Вакуровский бугор

Возраст, лет	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex
15–19	0	0,0	100,0	0,0	20,7	7	18,4	100,0	0,2	13,9
20–24	3	7,3	100,0	0,1	15,7	5	13,2	81,6	0,2	11,5
25–29	6	14,6	92,7	0,2	11,8	13	34,2	68,4	0,5	8,2
30–34	9	22,0	78,0	0,3	8,5	5	13,2	34,2	0,4	8,8
35–39	12	29,3	56,1	0,5	5,9	4	10,5	21,1	0,5	7,8
40–44	8	19,5	26,8	0,7	4,5	1	2,6	10,5	0,2	8,1
45–49	2	4,9	7,3	0,7	5,0	2	5,3	7,9	0,7	5,0
50+	1	2,4	2,4	1,0	5,0	1	2,6	2,6	1,0	5,0
	41	100				38	100			

Работами зарубежных и отечественных антропологов установлено, что детская смертность в древних и традиционных обществах должна находиться в пределах 30–70 %, причем уровень младенческой смертности высокий и находится в пределах 10–40 % от общего числа новорожденных [5]. Если это так, то материал изучаемой группы древнего населения полностью соответствует демографическим параметрам стандартной популяции. Детская смертность в ней составляет более 30 %. Причем на первую возрастную группу – от рождения до 5 лет – выпадает 22,2 % смертей по всей выборке или 68,4 % от общего количества детей.

Исследуемая серия характеризуется небольшим преобладанием мужчин над женщинами: 51,9 % над 48,1 %. Такой незначительный перевес в сторону мужской части популяции вполне закономерное явление.

Средний возраст умерших с учетом детей низкий и составляет – 23,4 года. У взрослого населения этот параметр отражает невысокий возраст дожития, и он находится в пределах – 32,4 лет. Причем мужчины жили дольше женщин в среднем на 7 лет, средний возраст смерти мужчин 35,7 лет, женщин – 28,9 лет. Если абсолютные значения возраста дожития мужчин отражают более или менее благоприятную ситуацию,

то показатели по женщинам являются не просто минимальными, но и критическими, которые свидетельствуют о стрессовых ситуациях, видимо, связанных не только с фертильной функцией, но и с неблагоприятными экологическими и социальными условиями жизни.

Анализируя суммарные характеристики возрастного распределения по группе, следует отметить три пика смертности: в возрастной когорте 0–4 года, в молодом возрасте 25–29 лет и в возрасте 30–39 лет (рис. 1).

Подобный четко локализованный в определенном возрастном интервале пик смертности может свидетельствовать о специфичности фактора, которому было подвержено взрослое население. Для того чтобы выявить факторы стресса, необходимо отдельно рассмотреть мужскую и женскую часть палеопопуляции (табл. 2, рис. 2).

При анализе кривой, отражающей смертность мужчин, отмечается значительное повышение лишь в возрастном интервале 30–40 лет, в котором умерло более половины части доживших до этого возраста мужчин. Значительная часть мужчин (более 40 %) умерли в молодом возрасте – 20–35 лет. Что касается финального возрастного интервала, то до 50 лет дожили всего 2,4 % мужчин.

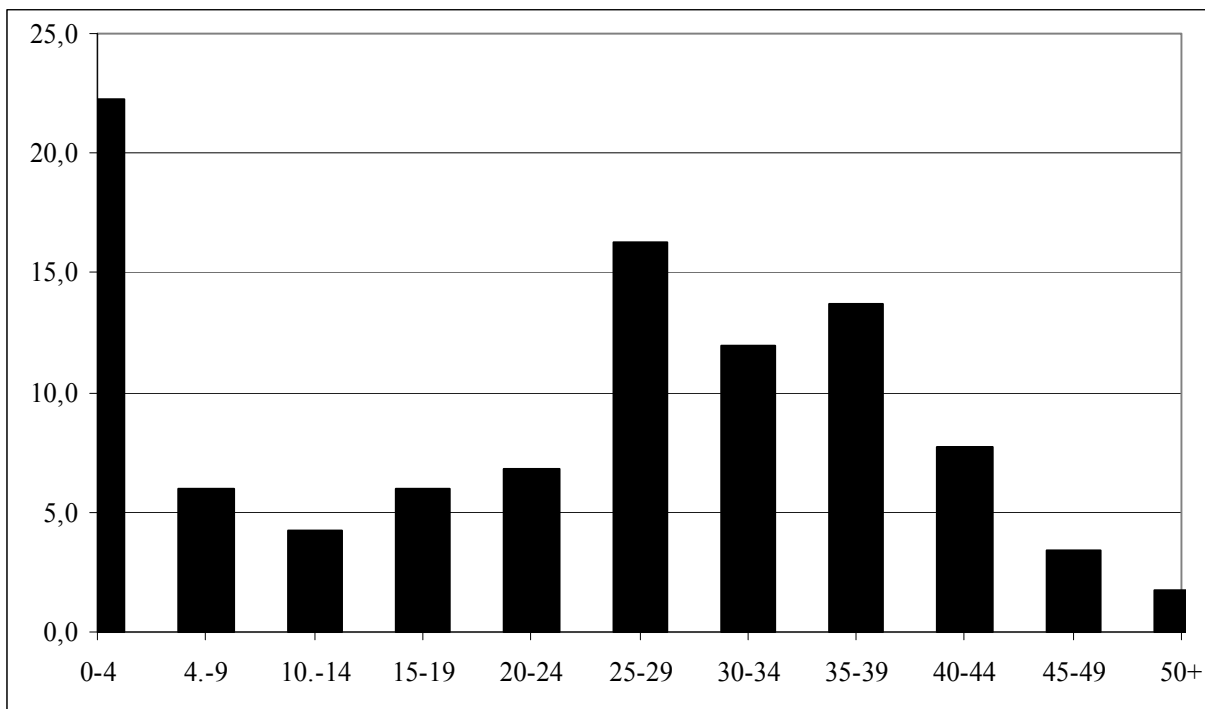

Рис. 1. Возрастная динамика смертности погребенных могильника Вакурковский бугор

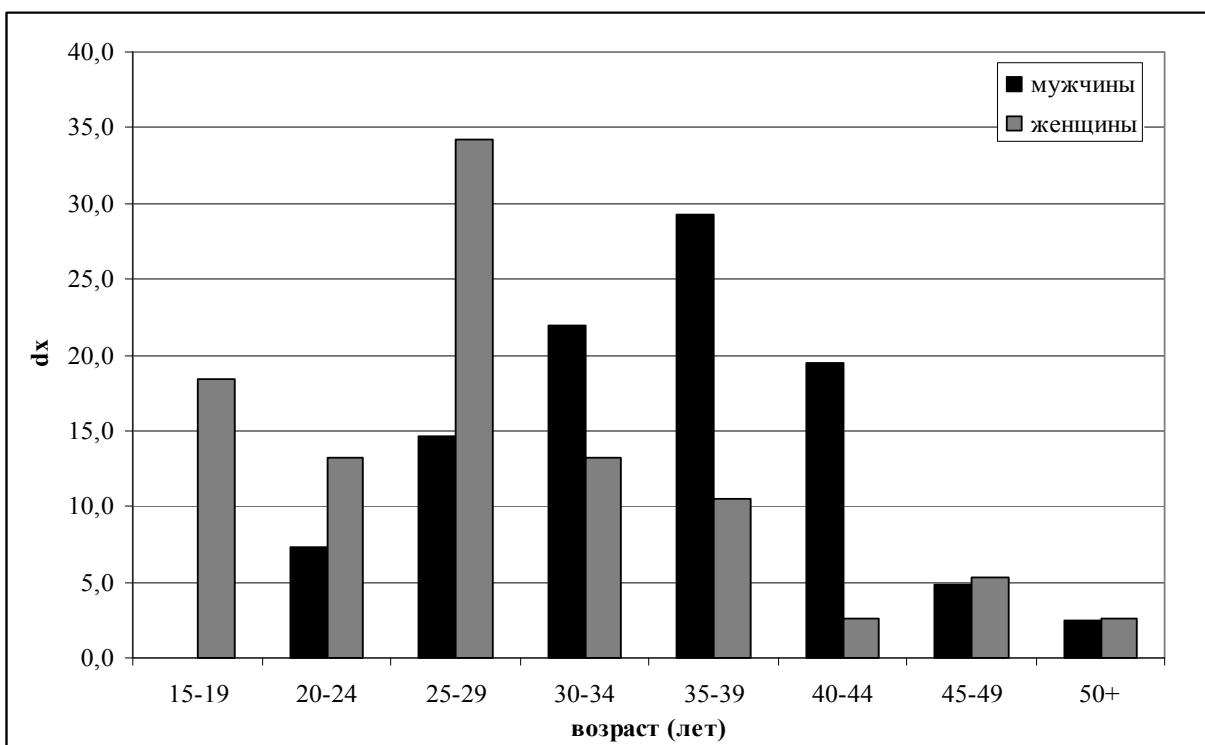

Рис. 2. Возрастная динамика смертности мужчин и женщин погребенных в могильнике Вакурковский бугор

Картина возрастного распределения смертности женщин по группе сильно отличается от мужской. У женщин два пика смертности и оба приходятся на юный и молодой возраст: 15–19 лет и 25–30 лет. Наибольшее количество смертей

приходится на 25–30 лет. Ниже, но в целом же высокие показатели смертности в возрастных когортах 15–19 лет. После 30 лет идет снижение количества смертных случаев. Таким образом, для женской части характерна очень высокая стрессо-

вая ситуация в молодом возрасте, в интервале 15–35 лет – наиболее активный детородный возраст, приходится около 80 % смертей. До 50 лет дожили всего 2,6 % женщин.

Аналогичную картину дает и динамика показателя ожидаемой продолжительности жизни (E_x) для выборки из могильника Вакуровский бугор

(рис. 3). Мы видим, что кривая, представляющая мужскую часть популяции, приближена к прямой. Что касается кривой представляющей женскую часть, то она имеет как заметные «подъемы», так и «провалы». Подъемы расположены на двух участках: в когорте 30–35 лет и 40–45 лет, а провалы – в когорте 25–30 лет и 35–40 лет.

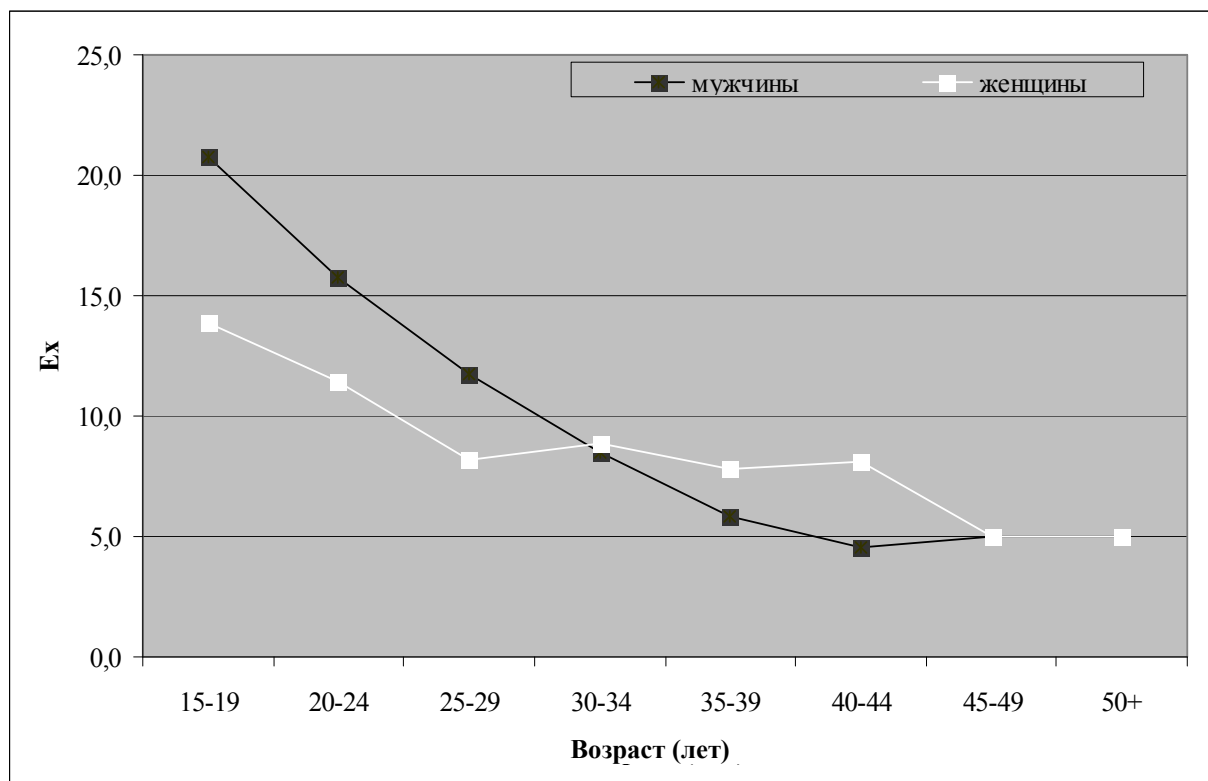

Рис. 3. Ожидаемая продолжительность жизни (E_x) погребенных могильника Вакуровский бугор по возрастным интервалам

Результаты, полученные в ходе демографического анализа, будут более обоснованными при сравнении с другими близкими по времени выборками. Для этого данная группа сопоставлялась с двумя выборками из некрополей нижеволжских городищ золотоордынского времени Селитренного и Царевского [2; 6] и с синхронным Новохарьковским могильником, расположенным в Воронежской области [4].

Половозрастная структура исследуемой выборки в некоторой степени сходна как с нижеволжскими выборками, так и с выборкой Новохарьковского могильника. Так, детей в сравниваемых нижеволжских группах несколько меньше, чем в исследуемой: 24,4 % в Царевском и 20,9 % в Селитренном, а Новохарьковском, наоборот, больше – 38,2 %. Меньше в нижеволжских группах и детей грудного возраста: в Царевской серии они составляют 25 % от общего количества детей, а в серии из Селитренного всего лишь – 5,8 %. Что касается аналогичных характеристик Ново-

харьковского могильника, то дети до двух лет составляют 42 % от общего количества детей.

По другому параметру *соотношение по полу* данная средневековая группа близка к группе из Селитренного городища. Обе серии характеризуются небольшим преобладанием мужской части над женской: по серии из Селитренного городища соотношение по полу – 55,7 % на 44,3 %; по Вакуровскому бугру – 51,9 % на 48,1 %. Две другие средневековые группы дают небольшой перевес в сторону преобладания женщин над мужчинами: по Новохарьковскому могильнику соотношение по полу – 49,2 % на 50,8 %, по Царевскому могильнику – 48,4 % на 51,6 %.

По критерию *средний возраст смерти* исследуемая выборка ближе к новохарьковской группе, чем нижеволжским. Там возраст дожития с учетом детей, как впрочем, и без их учета выше почти на 8–10 лет, чем в группе из Вакуровского бугра. Чем объяснить эти существенные различия пока трудно сказать. Возможно, район

дельты Волги в экологическом отношении был менее благоприятным местом жительства, чем Волго-Ахтубинская пойма, где локализованы другие нижневолжские городища. Об этом свидетельствуют и результаты патологического анализа.

Таким образом, результаты вышеприведенной работы по половозрастной структуре могильника Вакуровский бугор выглядят следующим образом:

1. Демографической характеристикой исследуемой древней группы является высокая детская смертность в возрасте первого детства и незначительное преобладание мужской части популяции над женской.

2. Группа характеризуется заниженными показателями среднего возраста дожития. Высокая женская смертность избирательна и выпадает на репродуктивный возраст. Для мужчин отмечается тоже высокая смертность в молодом возрасте, но значительно ниже, чем в женской.

3. Отличие демографических характеристик группы из Вакуровского бугра от остальных нижневолжских групп, видимо, отражает неблагоприятную экологию дельты Волги по сравнению с регионом Волго-Ахтубинской поймы. Наибольшие аналогии по демографическим показателям исследуемая группа находит с серией из Новохарьковского могильника.

Библиографический список

1. *Алексеева, Т. И.* Влахи. Антрополого-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали) [Текст] / Т. И. Алексеева, Д. В. Богатенков, Г. В. Лебединская. – М., 2003.
2. *Балабанова, М. А.* Антропологический состав и происхождение населения Царевского городища [Текст] / М. А. Балабанова // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. – Волгоград, 1999. – Вып. 3.
3. *Балабанова, М. А.* О русском компоненте в городах Золотой Орды. (По материалам Водянского городища) [Текст] / М. А. Балабанова // Актуальные направления в антропологии. – М., 2008.
4. *Бужилова, А. П.* Демографическая и социальная структура средневековой популяции [Текст] / А. П. Бужилова, М. Б. Медникова, М. В. Козловская // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. – Воронеж, 2002.
5. *Романова, Г. П.* Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополя в эпоху ранней бронзы [Текст] / Г. П. Романова // Вопросы антропологии. – 1989. – Вып. 82.
6. *Яблонский, Л. Т.* К палеодемографии средневекового города Сарай-Бату (Селитренное городище) [Текст] / Л. Т. Яблонский // Советская антропология. – 1980. – №1.
7. *Acsadi, G.* History of human life span and mortality [Text] / G. Acsadi, J. Nemeskeri. – Budapest, 1970.
8. *Angel, J.* The bases of paleodemography [Text] / J. Angel // American Journal of Physical Anthropology. – 1969. – Vol. 31.

УДК 342.725

ВЛАСТЬ ЯЗЫКА И ИМЕНИ

Г. Х. Шенкао

Рассматривается анализ понятий языка и имени у Соссюра, Бенвениста и Барта. Показана сила имени. Власть имени, по мнению западных мыслителей, не менее властна, чем СМИ.

Ключевые слова: язык, имя, арии, власть имени, власть языка.

POWER OF LANGUAGE AND POWER OF NAME

G. H. Shenako

The article analysis such concepts as language and name in the studies of Sossyur, Benevist and Bart. It shows the power of name. The power of name in the opinion of Western scholars is as imperious as the power of Mass Media.

Key words: language, name, power of name, power of language.

Мы начинаем свой анализ с работ Ф. де Соссюра, родоначальника структурализма, который считал, что язык – это система чистых ценностей. Он является нам как символ, знак, код. Его необходимо рассматривать как самоценность «в себе и для себя» [10. С. 59].

Соссюр считает специфичной и естественной для человека языковую способность, а не речевую, т. е. он исходит (хотя его и объявили родоначальником универсалистской (семиотической) теории структурного анализа) не из абстрактной структуры языка (или «схемы»), а именно из языковой способности создавать «систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям» [12. С. 49].

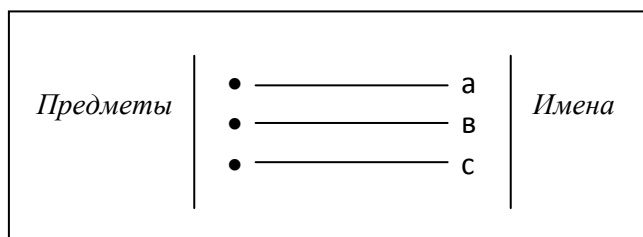
Язык, по Соссюру, сам не умирает. Чтобы он умер, необходимо истребить весь народ, который является его носителем, или навязать ему язык более сильного племени, в смысле политическом. При этом политическое превосходство должно дополняться превосходством культуры. Для Соссюра ясно, что письменный язык (государственный) более сильной нации ускоряет гибель бесписьменного языка, так как здесь выступают такие мощные ускорители аккультурации, как школа, церковь, администрация.

Язык не подобен организму. Он не рождается, не стареет и не умирает естественно. Гибель языка – явление противоестественное, ибо у всех языков одинаково долгое прошлое [11. С. 42–45]. Если даже «язык этого народа умер», считает Соссюр, он будет говорить на чужом языке категориями прошлого языка. Отсюда, нить языка никуда не исчезает, не рвется, ибо сохраняется стиль мышления народа, его менталитет (Ш. Г.).

Видимо, Соссюр говорит о неизменности стиля мышления, менталитета, когда он писал: «Неважно идет ли речь о каком-либо народе, мирно живущем в затерянной в горах долине, или

о земледельцах, воинах или кочевниках; неважно, меняет ли неожиданно народ свою религию, идеи, общественный строй и культуру, меняет ли он родину и климатические условия, меняет ли даже язык – ведь тогда, говоря на языке другого народа, он будет продолжать этот язык, – нигде и никогда в истории не наблюдаются разрывы в непрерывной нити языка, и невозможно логически и а priori представить себе, чтобы такой разрыв мог где-либо и когда-либо произойти» [11. С. 42]. И отсюда, следуя логике Соссюра, невозможна смерть имен, языковых символов и идей.

Имена, по мнению мыслителя, не составляют основу языка. Лишь случайно языковой знак (= имя) может соответствовать предмету [11. С. 120]. Отсюда вытекает, что язык не есть номенклатура предметов. Часто мы, по Соссюру, предполагаем, что наше внимание и мышление идут от предметов к именам по схеме:

Соссюр отвергает такую схему и предполагает, что мы идем от одного имени к другому и т. д., т. е. верным будет движение мысли по линии а — в — с. Он считает ошибочной точку зрения философов, которые предполагают, «что, как только предмет получает имя, образуется некое целое, которое передается дальше без каких-либо происшествий» [11. С. 121], т. е. имя не само движется в языке, оно движется только с языком. Часто философы не учитывают временной (темпоральной) характер при сочетании (= соединении) имени и понятия. Понятие может спонтанно ото-

рваться от имени. Имя (= знак) и понятие при этом могут оставаться отдельными сущностями. Но при изменении знака (лингвистически понимаемого как имя, как слово, именуемое вещь, т. е. дающее нарицательное имя) меняется и понятие. Тогда постоянно совпадает количество знаков (= имен) и понятий [11. С. 122].

Таким образом, мы можем отметить, что Соссюр остается в рамках своеобразного исторического подхода к изменению имени. Историзм имянаречения входит в противоречие с историзмом видения языка. Это противоречие Соссюр снимает через введение слова «*понятие*», т. е. *содержание*. Изменение знака (имени нарицательного) есть своеобразное движение, ограниченное рамками традиций, правилами языка, слова. Имя за собой меняет и понятие. Конечно, это мысли начала XX в., но они заставляют нас призадуматься о сложности имятворчества в языке, заставляют подходить к языку, к именам исторически.

Проблемами имени, смысла слов после Соссюра занимался выдающийся языковед Эмиль Бенвенист. Он анализировал, дешифровывал имена, имеющие хождение в Европе, Индии, Иране с древнейших времен. В какой-то степени его метод можно сравнить с методом дедукции, т. е. он идет от общего к частному. Он искал в прошлом смыслы слов, сначала – в латинском, затем – в греческом, а далее – в культуре ариев, т. е. в культурах Индии и Ирана, занимался дешифровкой нарицательных имен, «раздевал», обнажал имена до корней, до истоков, до архе. И обнаруживалось, что они вещали о прошлом, что их давали исходя из объема власти, религии, права. Здесь важны символы этих социальных институтов: скипетр, жезл, посох. Они выражают (= орудия) славу, мощь, подвиг.

Имена даются исходя из человеческих отношений: родства, брака, родоплеменных связей, страны проживания, статуса человека, гражданства, отношения «свой – чужой» и т. д. Неограниченный, свободный полет мышления может охватить неограниченный этот мир и людские отношения в нем. Человек вступает во множество разнообразных отношений: родственных, этнических, социальных и т. д. Бесконечность этих отношений порождает бесконечность связей, видений мира. Отсюда бесконечное разнообразие имен, вещей, оттенков наименований предметов.

В шестой главе работы «Словарь индоевропейских социальных терминов» [3] Бенвенист ведет социокультурный анализ этнонима «арии». В рамках данного анализа он ставит вопрос: могли конгломерат племен индоевропейцев ощущать

свое политическое единство, иметь одно *общее имя* и ощущать себя нацией? Конечно, в то время такого термина не было. Но это не говорит о том, что индоевропейские народы не выработали *понятия*, считает французский мыслитель [3. С. 237]. На самом деле у ариев имелись термины, классы терминов, обозначавшие территориальные и социальные единицы различной величины. На западе индоевропейского ареала есть термин *tota – tauta* (Италия), что означает *город, община*. И у кельтов, и у галлов были производные от этого слова, означавшие *народ, страна, люди*.

Этноним *deutsch* (немецкое) сначала говорил о языке, лишь позже – о народе. В балтийских языках (литовском) *tauta* = народ, племя. Старославянское *tudjo* означает *чужой*. Оно производно от немецкого. Славянское же слово «немец» произошло от слова «немой», т. е. варвар. У латышей *tauta* означало *чужой народ*. Таким образом, Бенвенист пишет, что «термином *teuta* характеризовались германские народы в глазах своих славянских соседей» [3. С. 239].

Бенвенист считает, что слово *teuta* имеет корнем абстрактное имя на *tā*, означающий «мощный». «В таком случае слово *teutā* следует толковать приблизительно как “полнота”, оно означало полноту развития социальной единицы» [3. С. 239]. Отсюда появился у индоевропейцев глагол «мочь», а после – «мощный». Исследователь задается вопросом: а для чего нужны этнонимы? «Всякий этноним имел в древности дифференциальный и оппозитивный характер» [3. С. 239]. По его словам, в имени народа содержится намерение отличить себя от соседних народов, утвердить свое превосходство. И это можно было сделать, обладая общим и понятным всем языком. «Такое положение вещей зависит от различия отношения к войне и миру в современном и древнем обществе, которое обычно недооценивается. Соотношение между состоянием мира и состоянием войны в древности и сейчас прямо противоположное» [3. С. 239]. Если *мир* для нас нормальное явление, то для древних людей наоборот: *война* для них была явлением постоянным, которое прерывалось миром. То есть мир здесь явление случайное, война – закон жизни.

Арии – у народов Индии и Ирана – свободные люди. Но здесь интересно, что иранцы называют себя *иранцами*, а индийцы – нет. Персы обозначали названием *Hindu* одну из провинций. Греки экстраполировали это название на всю страну. А сами индийцы называли себя *арии*. К *ариям* причисляли себя и древние иранцы. Так, Дарий называет себя *арийцем из арийцев*. От слова «арии» произошел этноним «*иран*». Осетины

именуют себя *Алан*. Бенвенист считает, что это измененное слово *ариана*. Арии имеют слово – противопоставление – *анарии*, т. е. не-арийцы (чужеземец, раб, враг).

Что означает слово «ария»? Исследуя историческое развитие этого термина, ученый приходит к выводу, что оно означает: 1) друг, 2) враг, 3) чужой, 4) гостеприимный. Как утверждает Бенвенист, в эндоэтнонимах (самоназваниях народов) мы не найдем народа, который называл бы себя *гостеприимным*. Этноним представляет собой либо красочное определение: храбрый, сильный и т. д., либо – люди. Народ называет себя просто *люди*, противопоставляя себя животным, мифологическим персонажам, лесным людям, снежному человеку и т. д. Отсюда, неверен перевод: арии = гостеприимный народ. Народы становились гостеприимными только после заключения договоров. Поэтому в древности не было открытого общества, которое провозгласило бы себя гостеприимным. Бенвенист считает, что арии – это часть касты вайшьи, что термин *арии* произошел от имени индо-иранского бога Арьяман, что в переводе означает: «обладающий духом ария». В текстах «Ригведы» Бенвенист обнаруживает, что арии – привилегированный класс общества, в котором имеется двойное деление экзогамного общества, где обе половины поддерживают между собой обмен или находятся в состоянии соперничества [3. С. 243].

Бенвенист считает, что необоснованно приписывать слову «арии» значения «*выдающееся*», «*высшее*», что необходимы дальнейшие исследования. И действительно, дальнейшие исследования Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова [4, 5] частично опровергают мысли Бенвениста. Эти авторы утверждают, что прародиной индоевропейцев (и не только) является Передняя Азия. Раскопки, проведенные в Богазкёе, показали, что Передняя Азия явилась прародиной не только индоевропейцев, но и кавказских народов. Отсюда и интерес к кавказским языкам (абазинскому, абхазскому и т. д.), в которых много хаттских имен богов и героев.

Ценность исследования Бенвенистом этнонима «*арий*» определяется тем, что он предлагает научную гипотезу, открытую систему. В 30-е – 40-е гг. XX в. арийская теория являлась основой фашистской идеологии в Германии, а потому имела животрепещущее теоретико-практическое значение. Но Бенвенист не ушел от этой проблемы, не пошел на поводу идеологии германских фашистов. Он честно как ученый-лингвист показал социальные корни этнонима «*арий*» и сказал, что нужны еще исследования.

Таким образом, Бенвенист одним из первых стал уходить от европоцентризма и искать *корни терминов* вне Европы, вне латыни, вне греческого языка. Корни эти он искал в Индии и Иране. Его мысли перекликаются с мыслями немецкого философа Карла Юнга, который считал, что ни сама по себе Азия со своей мудростью, ни Европа сама по себе со своей наукой, каждая отдельно не спасут мир от потрясений цивилизации. Глобальные общечеловеческие проблемы можно решить, соединив культуры Европы и Азии. В этом ключе актуальность работы Бенвениста приоткрывается еще с одной стороны. Многие нерешенные вопросы кавказоведения: проблема родства языков, культуры, этнонимов, топонимии, антропонимии и так далее – можно исследовать, используя методологию Бенвениста. С другой стороны, расшифровка имен богов, героев, топонимов и так далее кавказских народов приоткрывает завесу на общую культуру человечества. В этом отношении плодотворными являются попытки исследования культуры народов Кавказа через призму наследия хаттов [1, 4, 5], а также их связей с балканскими, греческими, римскими, византийскими, славянскими и переднеазиатскими культурами. В этом же русле работы Л. И. Лаврова [7, 8, 9] и Г. Ф. Турчанинова [13].

Таким образом, разработанная Эмилем Бенвенистом методология исследования нарицательных имен через призму индоевропейского видения мира не потеряла своего значения и сегодня. На ней держатся и сегодня исследовательские программы многих ученых.

Мимо проблем теории имени не прошел и один из крупнейших мыслителей XX в. Ролан Барт. «Путешествием в семиологию» назвал он последние тридцать лет своей жизни. И именно в этом русле исследует он проблему *знака* и его функционирования в культуре, который, как он считает, имеет *множество прочтений*, а не один. Это новое слово в теории имени. Барта часто причисляют к структуралистам, но он не чистый адепт структурализма, ибо его интересовала не мертвая структура, а процесс структурирования, динамический ход «означивания», проникновение в архе, первоначальный смысл.

Наличие бесконечно разнообразных смыслов как раз и обуславливает расслоение единого национального языка на множество так называемых «социолектов», которые он обозначает термином «тип письма» [6. С. 15]. «Социолекты» – опредметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт помещают «между индивидом и действительностью, понуждая его думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те

аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых». Через «социолект» мы читаем различные социокультурные представления, заложенные в тексте, т. е. тем самым Барт фиксирует множество ментальных подходов к одному тексту, явлению, имени. Через язык мы именуем предметы, категоризируем их. Не мы пользуемся языком, а он нас использует, считает он.

Литература, по мнению французского мыслителя, – это способ освоения имени [14. С. 400]. Именование – знак реальности, условная этикетка, ярлык. Номинация есть изображение предмета, а не его выражение. Язык выводит нас из мира одиночества, но мы тогда попадаем во власть топосов – «общих мест» языка. Языковая форма берет власть над нами. Язык способен *назвать, именовать*. Узус стремится подчинить себе создателя, считает Барт.

Таким образом, изучая Барта, мы обнаруживаем схему иерархизации власти печатного слова:

Идея → Эмоция → Имя → Язык → Топос → Узус
[2, 6].

Приняв в какой-то степени принцип Деррида о смещении *центрации* культуры, т.е. чтения текстов с любого конца, т. е. не с позиции или Запада, или Востока, а с позиций прошлого и будущего, Барт ввел понятие «письмо», означающее переплетение и взаимобратимое движение «кодов». Чтение текста заключается во вхождении в текст, в отрешении от себя, в подражании тексту, в том, чтобы иметь с текстом «страстные отношения» [2. С. 373].

В своем творчестве Барт неоднократно касается вопроса о *месте имени* в идеологии и общественной психологии современного буржуазного общества. Так, он обстоятельно анализирует вопрос о значении имени *буржуазия* в структуре мифологий XX в.

В области идеологии, продолжает Барт, буржуазия стремится «подменять театр, искусство, человека-буржуа их вневременными аналогами», т. е. «коль скоро постулируется единая и неизменная человеческая природа, это дает буржуазии возможность беспрепятственно избавиться от своего имени, происходит полное отречение от имени “буржуазия”» [2. С. 107]. «Отречение буржуазии от своего имени не является иллюзорным, случайным, побочным, неестественным или ничего не значащим фактом, оно составляет сущность буржуазной идеологии, акт, при помощи которого буржуазия трансформирует реальный мир в его образ, Историю в Природу» [2. С. 110].

Эти слова Барта, написанные в 60-е гг. XX в., подтверждаются реалиями конца XX в. в России: процесс приватизации в России в 90-е гг., создание крупных состояний сопровождался лозунгом: «Как накормить народ?» В идеологии этот курс сопровождался лозунгами о необходимости внедрения в социальную и духовную жизнь России общечеловеческих ценностей, прав и свобод человека, лозунгом о необходимости присоединения России к цивилизации Запада.

Смысл, значение Барт называет ответственностью форм. «Значение – это соединение того, что означает, и того, что означается, это не форма и не содержание, а связующий их процесс» [2. С. 233]. Например, пища не есть только предмет для еды, но имеет значение знака культуры человечества, этноса (= знаковой системы). Из этого вытекает, что все предметы имеют нарицательные имена, являющиеся частью знаковой системы всего мира. Знак может что-то *символизировать* (красное знамя, зеленый флаг и т. п.). Знак может быть памятью, т. е. *частью парадигмы*, частью системы, которая называется картиной мира. Знак может соплагаться не мысленно, а реально с другим, т. е. может появиться *синтагматический* тип отношений.

А так как мы не сможем уследить одновременно за тремя оппозициями знака (= имени), то выбираем одно. В результате возникает преобладание одного видения над целостностью знакового феномена, так что можно, вероятно, говорить о различных семиологических сознаниях. Таким образом, мы имеем три вида семиологического сознания [2. С. 246–247].

Барт материалистически решает вопрос о природе имени: «Что такое означивание? Это смысл (*le sens*), *порожденный* чувственной практикой (*sensuellement*)» [2. С. 513].

Выступая против давящего груза власти, видя ее многоликость, множественность, философ повторяет известную фразу: «Имя мне Легион». Все хотят до нас довести дискурс власти, дискурс превосходства [2. С. 547–548]. Власть таится во всем, даже в нашем стремлении к свободе. Интеллектуалы не должны выступать против конкретной власти в любых ее формах и проявлениях [2. С. 548]. Главная угроза к нам идет от власти языка, слова. Язык (слово) приказывает нам подчиниться языковой форме, порядку, авторитарной харизме формы. Барт выступает против силы власти слова, всевозможных культурных стереотипов, которые ведут к «стадности», «всеобщности», «безразличию» к единичности, неповторимости, уникальности, к потере творческой активности. По мнению исследователя творчества

Барта Г. К. Косикова, французский мыслитель вел борьбу против подобных форм власти самого естественного языка [б. С. 144], считая, не без основания, что *слово – форма власти над личностью*.

Подводя некоторые итоги, мы можем сказать, что Барт, вслед за Жаком Деррида, явился провозвестником понятия «многополярный мир», так часто используемый сегодня политиками. Выступая против любой власти, раболепства перед теми или иными проявлениями культуры и имени, Барт тем самым ратует за полную свободу творчества, за право движения культуры без подавляющего влияния силы власти. Это, конечно, постмодернизм. Беспредельную свободу творчества можно, конечно, лишь вообразить, пожелать.

С присущей ему энергичностью Барт выступает против мифологизации буржуазией своего имени. Сохраняя, облагораживая и охраняя свое имя в генеалогии и в экономике, буржуазия прячет свое классовое лицо, свою буржуазность в термине *нация*. В идеологии она вещает от имени всего этноса. Все это, разумеется, не меняет сущности данного класса.

Библиографический список

1. *Ардзинба, В. Г.* Ритуалы и мифы Древней Анатолии [Текст] / В. Г. Ардзинба. – М.: Наука, 1982.
 2. *Барт, Р.* Избранные произведения [Текст] / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989.

3. *Бенвенист, Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1995.
 4. *Гамкрелидзе, Т. В.* Индоевропейцы [Текст] / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов // Наука и жизнь. – 1988. – № 5.
 5. *Гамкрелидзе, Т. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы [Текст] Т. 1–2 / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси, 1984.
 6. *Косиков, Г. К.* Ролан Барт – семиолог, литературовед. Вступительная статья [Текст] / Г. К. Косиков // Барт Р. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1989.
 7. *Лавров, Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа [Текст] / Л. И. Лавров. – Л.: Наука, 1980.
 8. *Лавров, Л. И.* Критические заметки по топонимике Северного Кавказа [Текст] / Л. И. Лавров // Ономастика Кавказа. – Орджоникидзе, 1980.
 9. *Лавров, Л. И.* Этнография Кавказа [Текст] / Л. И. Лавров. – Л.: Наука, 1982.
 10. *Слюсарева, Н.* Соссюр [Текст] / Н. Слюсарева // Философская энциклопедия. Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970.
 11. *Соссюр, де Ф.* Заметки по общей лингвистике [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1990.
 12. *Соссюр, де Ф.* Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977.
 13. *Турчанинов, Г. Ф.* Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа [Текст] / Г. Ф. Турчанинов. – М.: Агент, 1999.
 14. Энциклопедия новейших афоризмов. XX век [Текст]. – Минск: Современный литератор, 1999.

УДК 323.1

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ф. М. Кулиев

В статье предложен анализ особенностей формирования и соотношения религиозной и этнической идентичности граждан в условиях влияния глобализирующих процессов на Северном Кавказе. Ренессанс религиозности при этом характеризуется как форма омассовления индивида, а этноконфессиональная идентичность подвержена качественному изменению под влиянием современной модернизации.

Ключевые слова: конфликт цивилизаций, глобализация, общественная трансформация, религиозная идентичность, этнический тип, этническая идентичность, полиэтничность, внутриэтнические солидарные связи, комплексная региональная модернизация.

TO THE QUESTION OF RELIGIOUS AND ETHNIC IDENTITY OF THE POPULATION OF THE NORTHERN CAUCASUS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

F. M. Kuliev

The author of the article proposes an analysis of the features of formation and the relation of religious and ethnic identity of citizens under the influence of globalizing processes in the North Caucasus. Religiosity Renaissance is characterized as a formation of mass religion conscience and ethno-confessional identity is subject to changes under the influence of modernization.

Keywords: the conflict of civilizations, globalization, social transformation, religious identity, ethnic type, ethnic identity, complex regional modernization.

Современный этап общественной трансформации развертывался в условиях распада СССР и резкого ослабления государственности российской. При этом «рыночные» и «демократические» преобразования предполагали глубокий радикальный разрыв с прежней общественно-политической системой, ее тотальную делегитимацию в общественном сознании. Осуществляемые реформы носили форсированный характер и не предусматривали какого-либо учета специфичности социально-экономических структур и социокультурных традиций как российского общества в целом, так и его отдельных этнорегиональных сегментов.

Современная геополитическая ситуация мира актуализировала проблему формирования идентичности, которая претерпевает значительные изменения и приобретает множественные оттенки. В зависимости от того, какой объект является основанием идентификации, можно обозначить различные типы идентичностей: этническая; региональная; конфессиональная; национальная (государственная).

В Российской Федерации проблема формирования идентичности стоит особенно остро, так как российская идентичность чрезвычайно дифференцирована и неустойчива. Осознавая и переживая свою принадлежность к пересекающимся множествам, индивиды, социальные группы и общества становятся носителями сложной, множественной идентичности. Поэтому все чаще обсуждается проблема кризиса или «утраты» идентичности.

Круг современных противоречий и проблем, связанных с Северным Кавказом, непосредственно коренится в результатах социально-культурных трансформаций, которые регион претерпел на протяжении XX в.

Идентичность формируется и изменяется под влиянием социальных условий в результате группового взаимодействия. Человек может осознавать себя членом сразу многих групп, переопределять свою идентичность, переносить акценты в иерархии идентичностей в зависимости от конкретной ситуации и обстоятельств. Неизменными остаются только биолого-антропологические идентичности – раса, возраст, пол. А. В. Баранов в этой связи отмечает, что «социальные группы и индивиды проявляют в своем поведении многие виды идентичности – этническую, половозрастную, религиозную, политическую, культурную, территориальную и т. д. Виды идентичностей взаимосвязаны и часто накладываются один на другой, усиливая чувство самобытности»¹.

Современный мир столкнулся, наряду с терроризмом, с новыми угрозами. Делаются попытки

расколоть его по религиозному или этническому признаку, вбить клин – прежде всего между христианским и исламским сообществом.

Миру фактически навязывается конфликт цивилизаций, и надо в полной мере отдавать себе отчет, к каким последствиям может привести этот конфликт. Любая из мировых религий основана на фундаментальных ценностях добра, справедливости, миролюбия, милосердия.

Но, несмотря ни на что, межцивилизационный и межрелигиозный диалог предельно необходим – причем не только в регионах «по линии разлома» (термин С. Хантингтона согласно его теории «столкновения цивилизаций»), но и повсеместно, особенно в таком уникальном, во всех смыслах, регионе, как Северный Кавказ.

Во-первых, религия в кризисные и эпохальные моменты развития общества (а сегодня – как раз один из самых драматических периодов переустройства общества в мировом масштабе) становится резко востребованной, ее роль многократно возрастает и доминирует в социальной сфере.

Во-вторых, мусульмане во всем мире сегодня переживают резкий рост значимости ислама, причем во всех сферах жизнедеятельности; в политике и экономике – не меньше, чем в гуманитарных областях.

Особенно важен для России сейчас диалог с миром ислама, – ведь сегодня формируется панисламская цивилизация – и в самой непосредственной, к сожалению, опасной близости с Россией. Этот диалог в конфессиональном плане гораздо более сложен и затруднен, чем в плане социокультурном. Ислам, пожалуй, наиболее монологичен из всех мировых религий. Именно неразвитость диалога – одна из причин изоляции и недостаточной подготовленности мусульманского мира к общению с Западом; в исламском фундаментализме плюрализм вообще воспринимается как угроза существованию порядка, гарантом которого являются непререкаемые законы шариата.

В то же самое время в эпоху глобализации, отличительной чертой которой является унификация, в обществе набирают силу обратные процессы: люди обращаются к своим корням и превыше всего начинают ценить свою этническую и культурную идентичность, ставят сохранение ее во главу угла. Влияние глобализации и давление массовой культуры ведут к тому, что северокавказские народы опасаются утратить свою этническую идентичность. Поэтому они ищут спасение от этого в поисках связи со своей малой «родиной», своими местными, региональными корнями. У народов Северного Кавказа сложилось свое понимание этнической идентичности, существенно

¹ Баранов А. В. Региональная политическая идентичность: методы исследования // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: Материалы Всероссийского научно-методического семинара. – Краснодар: КубГУ, 2004. – С. 79.

отличающейся и от «немецкой» концепции нации (по крови), и от «французской» (по гражданству). Центральным моментом «кавказской» идентичности выступает родная земля, которая рассматривается как святыня, как нечто, совершенно независимое от ее геоэкономической или геополитической ценности.

Этническая идентичность находится в тесном взаимодействии с религиозной идентичностью, которая превращается в «одну из многочисленных и часто противоречащих друг другу идентичностей, легко уживающейся – именно в силу своей виртуальности – в отдельно взятом человеке»¹.

Ренессанс религиозности представляет собой одну из форм возвращения индивидуализированного человека в массу. Поскольку религиозная идентичность обладает значительным мобилизационным потенциалом, а группы, принадлежащие к основным российским конфессиям, проживают достаточно компактно, то линии возможной поляризации и дезинтеграции не сложно просчитать. В первые годы после распада СССР многое в плане инициативы при работе с конфессиями было упущено и процессы в регионах, исповедующих ислам, не контролировались центром. Представляется, что по линии разделения регионов и республик России по конфессиональному признаку как раз проходит незримая граница, по разные стороны которой оказываются российские граждане. Естественно, что это может являться только дезинтегрирующим фактором российского государства. До тех пор пока правительство не осознает должным образом специфику происходящих процессов в регионах, традиционно исповедующих ислам, особенно на Северном Кавказе, и не предпримет соответствующих мер, развитие этноконфессиональной идентичности в этих регионах будет иметь именно такую направленность.

Религиозная идентичность является концентрированным выражением мироощущения человека, квинтэссенцией насущных вопросов его «жизненного мира», определяемого его культурной состоятельностью и ценностной устремленностью. В то же время она становится выражением тех надежд и упований в мире общественных отношений, в том числе идеалов социального обустройства мира и состояния межкультурных и межцивилизационных контактов, которые выпали на долю этих народов. Позитивное становление этноконфессиональной идентичности

в разных уголках планеты повсеместно нарушается импульсом модернизации, олицетворяющей собой динамический лейтмотив глобализационных процессов².

Анализируя роль ислама на Северном Кавказе, ученые выделяют три модели: первая представлена народами Дагестана, Чечни и Ингушетии, где укорененность и влияние ислама достаточно велики; вторая определена Карачаево-Черкесией и Кабардино-Балкарией, где его влияние существенно, однако недостаточно для того, чтобы оказывать значительное воздействие на социокультурную и политическую обстановку; третья охватывает Адыгею, частично Северную Осетию и Абхазию, в которых религиозная ситуация характеризуется следующим образом: люди считают себя верующими мусульманами, но слабо знакомы с вероучением или вовсе его не знают, выполняют частично или не выполняют вовсе большую часть религиозных предписаний, ориентируются на «мирской» образ жизни в целом.

В связи с этим основывающаяся на ценностях образовательная и культурная практика становится важным орудием для борьбы с ненавистью и нетерпимостью, преодоления барьеров, создаваемых усилиями определенных политических сил, стремящихся использовать культурное и религиозное невежество для достижения собственных политических целей.

Да, конечно, разные народы в силу своих исторических, религиозных, культурных традиций имеют отличные друг от друга правовые и политические уклады, поэтому так важно наладить конструктивную работу по сближению межрелигиозных позиций по важнейшим ключевым вопросам жизни.

Россия, имеющая внушительную историю культурного разнообразия с точки зрения религий и религиозных воззрений, языков, выраженных этнических групп и интенсивных миграционных процессов, во все возрастающей степени рассматривает культурное разнообразие в качестве ресурса. Рассматриваемый с этой позиции Северный Кавказ является специфическим регионом России. Данный регион демонстрирует исключительное разнообразие групп этнического типа: собственно этнических, этнолингвистических, этноконфессиональных, этнорегиональных, клановых и т. д. На его территории живут народы, говорящие на языках нескольких крупных семей: индоевропейской, тюркской, картвельской, северокавказ-

¹ Журавский А. В. Столкновение идентичностей и конфликт интерпретаций // Глобализация и столкновение идентичностей. Международная интернет-конференция: сборник материалов; под ред. А. Журавского, К. Костюка. – М.: КноРус, 2004. – С. 39.

² См.: Ляужева С. А. Религиозная идентичность в условиях культурной глобализации // Многоуровневая идентичность / З. А. Заде, Е. С. Куква, С. А. Ляужева, А. Ю. Шадже. – М.: Российское философское общество. – Майкоп: ООО «Качество», 2006. – С. 219–220.

ской. На Кавказе распространены крупнейшие мировые конфессии.

В настоящее время на Северном Кавказе проживает 17,7 млн. человек¹. По сравнению с другими регионами Российской Федерации Северный Кавказ отличается высоким уровнем этнокультурной мозаичности населения, сохранившего внутриэтнические солидарные связи. Проживая в непосредственной близости, вступая в тесное хозяйственное взаимодействие и находясь в одном политическом пространстве на протяжении уже более полутора столетий, народы региона, тем не менее, сохраняют и поддерживают достаточно непроницаемые культурные границы.

Однако для России в силу целого ряда причин противопоставлено противостояние мусульманскому миру, с которым она исторически связана. Внутри страны мусульманское население является второй по численности, после православно-христианской, религиозной группой. Являясь поликонфессиональной страной с многочисленной мусульманской общиной, Россия непосредственно граничит с исламскими республиками бывшего Советского Союза и мусульманскими государствами Ближнего и Среднего Востока. Кроме того, концептуальная близость духовных ценностей ислама и православия, в отличие от западного христианства, дает основание говорить о межцивилизационном контакте и диалоге, культурном взаимопроникновении.

Разумеется, эти контакты и культурное взаимопроникновение возможны лишь со здоровыми силами исламского общества, которые, прежде всего, представлены традиционным и модернизирующимся исламом. Государство, его институты должны противодействовать экстремизму на религиозной основе, но это противодействие в рамках действующего законодательства должно быть направлено против ультра-радикалов, тех, кто организует террористические акты, провоцирует вооруженные столкновения, но не против ислама как такового.

В Коране есть такой аят: «Самыми близкими к вам являются те, кто называют себя христианами». Надо отметить, что ислам и Ветхий и Новый Завет признает как книги богооткровенные, и считает христиан и иудеев людьми Писания. Коран признает Иисуса Христа Пророком. Ислам считает иудеев, христиан и мусульман последователями одной традиции, идущей от Авраама (Ибрахима) к Мухаммаду, последнему Пророку. Поэтому ис-

лам не может не испытывать уважения к религии, находящейся вместе с ним в рамках единой традиции. Православие и ислам веками жили друг с другом, и сейчас как никогда необходим мир, чтобы противостоять тем, кто пытается сеять вражду между мусульманским и христианским населением Российской Федерации.

Проблема этноконфессиональных отношений в России в целом и ее регионах – важный фактор обеспечения и формирования толерантности в социальных, межэтнических, межконфессиональных отношениях, который последовательно решается в ходе реформ, проводимых в стране. Она выступает основной доминантой содержания концептуальных документов политического руководства Российской Федерации, регламентирующих обеспечение национальной безопасности, стабильного социально-экономического развития страны и регионов, формирования установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе.

В условиях полиэтнической России, с обилием различных религиозных и культурных традиций, только диалог и сотрудничество разных конфессий и разных культур всех людей доброй воли можно считать той «национальной идеей», какую мы ищем; точнее было бы назвать ее сверхнациональной или общенациональной идеей. Следование по такому пути поможет нам сегодня решить многие трудные наболевшие проблемы в рамках СНГ, а завтра – смею надеяться – в рамках единой Европы.

Столетия совместного проживания привели к сглаживанию противоречий и воспитанию национальной и конфессиональной толерантности.

«По ключевым принципам миропонимания у русского православия значительно больше общего с исламом, нежели с западным христианством, поэтому западные нравственные ценности, основанные на абсолютизации индивидуализма и всемерного обогащения, в равной степени отторжимы среди православных, почитающих «нестязательство», и среди мусульман, признающих безгреховность только честно нажитого капитала и бескорыстной помощи неимущим. Коллективистско-общинный менталитет русских православных и «российских» мусульман – это именно та нравственно-психологическая основа, на которой стоит российская цивилизация и которую невозможно сломать без серьезного морального ущерба для российских народов»².

¹ Денисова С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов-на Дону, 2003. – С. 26.

² Баширов Л. А. Ислам и этнополитические процессы в современной России. – М., 2000. – С. 49.

Для того чтобы сформировать реалистическое видение перспектив Северного Кавказа, необходимо, во-первых, суметь определить константы в социально-историческом развитии региона на протяжении всего периода его пребывания в составе России, а во-вторых, суметь вычлени в текущей ситуации базовые общественные процессы, которые будут определять будущее на долговременную перспективу. Путь к их позитивному воплощению в политической практике лежит не столько через управление территориями или населением, сколько через управление базовыми общественными процессами, протекающими в регионе. Таковыми являются процессы, которые разворачиваются в настоящее время

в экономике, этнодемографической структуре и культуре Северного Кавказа. Отдельных решений для этих проблем не существует – они не просто взаимосвязаны, но и взаимообусловлены. Здесь требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексной региональной модернизации.

Таким образом, этническая и религиозная идентичности являются доминантной процессом конструирования идентичности на Северном Кавказе, интенсивность и направление которых определяется историческими и культурными предпосылками, получившими свое продолжение в рамках политического процесса.

УДК 159.9.01

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И ОТЧУЖДЕНИЯ В РАБОТЕ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ «ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА»

Д. М. Зиновьева

В статье проанализирована работа Г. В. Ф. Гегеля «Феноменология духа» с целью операционализации феномена отчуждения в контексте психологического подхода. Обосновывается необходимость классификации отчуждения на «обратимое» и «необратимое». На основе такой дифференциации предложена систематизация базовых теоретических подходов к категории «отчуждение».

Ключевые слова: отчуждение, самоотчуждение, личность, самосознание, деятельность, прaxis.

PROBLEMS OF PSYCHOLOGY OF PERSONALITY AND ALIENATION IN G. V. F. GEGEL'S WORK «SPIRIT PHENOMENOLOGY»

D. M. Zinovjeva

In article G. V. F. Gegel's work «Spirit phenomenology» is analysed with the object of alienation phenomenon's specification in a context of the psychological approach. Necessity of classification of alienation on «reversible» and «irreversible» is proved. On the basis of such differentiation the systematization of base theoretical approaches to category «alienation» is offered.

Keywords: alienation, self-alienation, personality, self-consciousness, activity, praxis.

Традиционная трактовка «Феноменологии духа» Гегеля как произведения о сущности науки, философии науки затеняет смысл работы как произведения о развитии и становлении личности, произведения о механизме отчуждения. Традиционно считается, что под отчуждением Гегель понимал овнешнение, объективацию, опредмечивание, институализацию сущностных сил человека, под преодолением отчуждения – распредмечивание, «присвоение». Такая трактовка нам представляется суженной и верной лишь на первый взгляд, «вырывающий» понятие отчуждения из общего контекста работы.

Методичное чтение «Феноменологии духа» позволяет сделать следующие выводы: индивид для Гегеля есть самосознание, **становящееся**

в деятельности, причем пока индивид не действовал, самосознание не знает, что оно есть для себя. Оно лишь незнаемое *нечто*, пока не действовало. «Истинное бытие человека, ... есть его действие; в последнем индивидуальность действительна...» [1. С. 172].

Прежде всего рассматривается проблема взаимосвязи Я и иного (не-Я): «я» обладаю достоверностью *через* нечто иное, а именно *через* вещь; а эта именно последняя достоверная точно так же *через* нечто иное, а именно *через* «я» [1. С. 52].

Аналогичный взгляд, как известно, у И. Г. Фихте: «...Я никогда не осознает самого себя и не может осознать иначе, как в своих эмпирических определениях, и что эти эмпирические определения непременно предполагают нечто вне Я.

Уже тело человека, которое он называет *своим* телом, есть нечто вне Я» [4. С. 12].

Гегель полагает, что «сознание должно проявлять деятельность только для того, чтобы то, что есть *оно в себе*, было *для него*, или: **деятельность и есть становление духа как сознания**. Что есть оно *в себе*, оно знает, стало быть – из своей действительности. Индивид поэтому не может знать, что есть он, пока он действованием не претворил себя в действительность. <...> ...он должен *сразу* начинать и при любых обстоятельствах должен приступать к деятельности, без всякого размышления о *начале, средствах и конце...*» [1. С. 212–213]. Мотив к действию – вождление, то есть потребности индивида.

Фактически Гегель даже снимает оппозицию идеального и материального, он не ставит в начало сознание, оно – *одновременно* с действованием. Сущность сознания – процесс опредмечивания себя (отчуждение себя созданием *иного* из себя же) и присвоения этого предмета себе. «Но сознание как сущность само есть весь этот процесс перехода из себя как простой категории в единичность и предмет и созерцания этого процесса в предмете, снятия предмета как различенного, присвоения его себе и провозглашения себя достоверностью того, что оно есть вся реальность – как оно само так, и его предмет» [1. С. 128].

Реальные произведения сознания не хороши и не плохи, мы не должны судить о них, их задача в отражении натуры индивидуальности, это – «индивидуальная жизнь определенной натуры, которая в нем осуществляет себя» [1. С. 214], но в то же время и отчуждение личности. Законченное произведение *несоразмерно* первичному понятию сознания о нем, поскольку вытолкнуто в самостоятельное, отчужденное существование, это «некоторая непосредственно имеющаяся налицо, чуждая ему действительность, которая обладает свойственным ей бытием и которой самосознание себя не узнает» [1. С. 260]. Но посредством *присвоения, уничтожения предметности, здравогомыслия, составления обо всем понятия* «в произведении сознание открывается себе так, как оно поистине есть, и его пустое понятие о самом себе исчезает» [1. С. 216]. В результате сознание несколько изменилось по отношению к себе первичному, предшествующему этому действование, а само присвоенное произведение теряет свой смысл, угасает его необходимость для индивида. В моменте присвоения, единства сознания и произведения (продукта действия) и состоит *суть дела*. Это процесс становления, образования (Bildung) духа. Действование ради действия бесполезно, «чистое действие» *не развивает* индивидуальность (не узнаем ли мы в «чистом действова-

нии», например, современный раздельный, операциональный труд).

Таким образом, «наличное бытие этого мира, точно так же, как и действительность самосознания, основывается на движении отрешения самосознания от своей личности, вследствие чего создает свой мир и относится к нему как к некоторому чуждому миру, так что отныне оно должно завладеть им. ... Самосознание есть только *нечто*, оно лишь постольку обладает реальностью, постольку оно отчуждается от себя самого; тем самым оно утверждает себя как всеобщее, и эта его всеобщность есть его значимость и его действительность» [1. С. 263]. Процесс отчуждения и присвоения, как *творчества (творения) и духовного формообразования* бесконечен, ограничиваясь лишь тем, что «ему позволяет энергия первоначального характера и таланта» [1. С. 264].

После отчуждения и последующего завладения отчужденным дух «погружается в ночной мрак своего самосознания», рефлексивует, присоединяет к себе новое знание, предаваясь воспоминанию. «...И это снятое наличное бытие – прежнее, но вновь рожденное из знания – есть новое наличное бытие, некоторый новый мир и духовное формообразование. В нем дух должен столь же не предвзято начинать сызнова, придерживаясь его непосредственности, и заново вырастить себя из него, словно все предшествующее было потеряно для него и словно он ничему не научился из опыта предыдущих духов. Но воспоминание (die Er-Innerung) сохранило этот опыт и есть внутреннее (das Innere) и фактически более высокая форма субстанции» [1. С. 434]. После этого дух может снова начать свое *образование* (становление), исходя из себя нового, начать на ступени более высокой. Таким образом, мы наблюдаем последовательный ряд все новых и новых состояний сознания, каждое из которых есть приемник предыдущего.

Таков *процесс* становления и развития личности по Г. В. Ф. Гегелю, в котором неотъемлемое место принадлежит отчуждению как самообъективации в форме отчужденной действительности и ее присвоению. Но до сих пор мы рассматривали формы самообъективации, в которых индивидуальности удавалось «узнать свое», и присвоить их себе снова, ощутив «счастье» и «наслаждение» (Гегель) от этого единения.

Итак, индивидуальность подтверждает существование себя посредством создания и присвоения иного. Но, видимо, при этом следует различать «присвояемое» иное, и «неприсвояемое» иное. О существовании «неприсвояемого» иного Гегель дает нам понять, говоря: «Для самосознания, далее, тот предмет *хорош и в себе*, в котором он

находит себя само, а тот, в котором он находит противоположное себе, плох; *хорошее* есть *равенство* предметной реальности с ним, *дурное* же – *неравенство*» [1. С. 267–268].

Таким образом, удается выявить, что есть две действительности: в которой самосознание находит себя, и другая, в которой самосознание не находит себя. Вероятнее всего это два вида иного: *хорошее* – сотворенное самой индивидуальностью и *дурное* – сотворенное другими индивидуальностями *многообразное наличное бытие всеобщего*, а также продукты «действия ради действия», в которых индивидуальность не узнает себя.

Это создает предпосылки для вывода о двух видах отчуждения – обратимом (развивающем индивидуальность, здоровом) и необратимом (патологическом). Из вышесказанного вполне ясно, что обратимое отчуждение, это когда индивиду удается *присвоить* себе отчужденное, найти себя самого в равнодушной вещи, а необратимое – отчужденное не поддается усилиям сознания присвоить его себе, оно так и остается *равнодушным, отчужденным*. Если согласовывать необратимое отчуждение с вышеописанным понятием счастья как единства сознания и вещи, то необратимое отчуждение – это несчастье, трагедия сознания, переживаемое как *«несчастное, раздвоенное внутри себя сознание»* [1. С. 112]. Например, в государственной власти индивидуальность не узнает себя, она ей *неравное* и *дурное* [1. С. 268]. Но и здесь не все потеряно, и это отчуждение можно преодолеть, «притом в такой степени, в какой ему позволяет энергия первоначального характера и таланта» [1. С. 264].

Гегель отмечает, что процесс присвоения иного, чуждого индивидуальность не всегда осознает как становление самой себя, а расценивает как абстрактный процесс познания. «Сознание ... мнит и говорит, конечно, что оно хочет узнать на опыте *не себя само*, а напротив *сущность вещей как вещей»* [1. С. 130], но это уже, собственно, неважно для самого процесса становления индивидуальности.

Таким образом, процесс становления личности есть «банальный» диалектический процесс – тезис (*первичное сознание*) – антитезис (*отчужденная действительность*) – синтез (*новое, образованное сознание*), в котором отчуждение играет ведущую роль, далее продукт синтеза занимает место тезиса и т. д. Говоря сегодняшним языком психологии личности, гегелевскую теорию личности мы можем по праву назвать когнитивно-деятельностной, а точнее когнитивно-праксиологической, где личность – процесс, а не константа. Из вышесказанного ясно, что деятельность

(праксис) имеет здесь преимущественно креативный характер.

Подытоживая рассмотренное, мы можем выделить три уровня отчуждения (ранее уже умозрительно названные И. С. Коном, но трактуемые им как недостаток концепций отчуждения):

- 1) философский, как процесс объективации сознания индивида;
- 2) социологический, как различные объективированные формы, действительность;
- 3) психологический, как состояния и процессы, переживаемые в процессе присвоения объективированных форм и объектов.

Теперь становится ясным мнение Адама Шаффа о вечности отчуждения, о том, что оно будет существовать столько же, сколько будет существовать человечество.

Важнейшим результатом нашего анализа явилась возможность различать **обратимые** (здоровые) и **необратимые** (патологические) виды всех трех уровней отчуждения. Обратимое отчуждение характеризуется возможностью присвоить отчужденное бытие (*das Sein*), сделать его *своим* (*des Seinen*) [1. С. 129]. Необратимое отчуждение – это то отчуждение, когда отчужденное бытие не удастся присвоить, узнать в нем себя, сделать его «моим» (*Mein*), то, которое так и остается «равнодушным *посторонним*» [1. С. 128]. Не требует объяснения, что *свое* и *мое* здесь не в аспекте механического обладания чем-то, а в аспекте знания индивида об «ином», которое оказалось тем, о чем составлено мнение (*Meinen*) [1. С. 128]. Иметь, присвоить не сам объект, а его сущность и существование, вот что важно для личности.

И. С. Кон замечал, имея в виду отчуждение как опредмечивание сознания: «Зачем называть отчуждением необходимое условие любой человеческой деятельности, без которого невозможно никакое самовыражение, никакое самоутверждение личности? [2. С. 256], но если не рассматривать механизм обратимого отчуждения личности как существенную характеристику динамики социально-психологического развития и становления личности, то практически невозможно раскрыть сущность необратимого, патологического отчуждения (которое собственно и является основным предметом исследований философов и социологов XX века), найти пути его смягчения или преодоления, выявить его взаимосвязи с социальными типами поведения людей (конформизм, агрессия, творчество, потребность во власти, социальные неврозы и др.). Следует заметить, что в существующих психологических

подходах рассматриваются лишь уже конечные психологические состояния, вызванные патологическим отчуждением.

Предлагаем следующую систематизацию основных существующих описаний отчуждения:

Систематизация подходов к отчуждению

Уровни отчуждения	Обратимое отчуждение	Необратимое отчуждение
Философский, общеметодологический уровень	Овнешнение, объективация, опредмечивание, институализация собственного сознания, духа (<i>Г. Гегель, К. Маркс</i>)	Овнешнение, объективация, опредмечивание, институализация чужого сознания, чужих целей и идей (<i>К. Маркс</i>)
Социологический уровень (социальные формы и процессы)	Произведение собственного сознания (<i>Г. Гегель</i>)	Произведение, полученное в результате действия ради действия (<i>Г. Гегель</i>); продукт отчужденного труда, частная собственность (<i>К. Маркс</i>); запретные действия (<i>З. Фрейд</i>); враждебное общество (<i>К. Хорни</i>); Gemeinschaft und Gessellschaft (<i>Ф. Теннис</i>); разделение труда, «независимый продукт, деньги (<i>Г. Зиммель</i>); разделение труда (<i>Э. Дюркгейм</i>); бюрократический аппарат (<i>М. Вебер</i> и др.); мертвый мир Оно (<i>М. Бубер</i>); потребительство, нетворческий труд (<i>Э. Фромм</i>); манипуляция потребностями (вожделениями) (<i>Г. Маркузе</i>)
Психологический уровень (психологические процессы и состояния)	Процесс и состояния присвоения собственного произведения, счастливое сознание (<i>Г. Гегель</i>); «перетекание» субъекта через объект вновь в субъект (<i>Г. Зиммель</i>); диалог Я и Ты (<i>М. Бубер</i>)	Несчастное, противоречивое сознание (<i>Г. Гегель</i>); потеря духовной родовой сущности (<i>К. Маркс</i>); конфликт между Сверх-Я и Оно (<i>З. Фрейд</i>); коренная тревога (<i>К. Хорни</i>); самоубийства, аномия (<i>Э. Дюркгейм</i>); чувство несвободы (<i>М. Вебер</i>); страх, тревога, бессмысленность и др. (<i>К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю</i>); нарушение диалога Я и Ты (<i>М. Бубер</i>); слияние отчужденного человека со своим отчужденным бытием (<i>Г. Маркузе</i>); бессилие, бессмысленность, аномия, изоляция и самоотчуждение (<i>М. Симен</i>); сужение личностной жизни (<i>С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская</i>)

Перечисление отчуждающих форм, объектов, факторов, состояний можно продолжать, так как все это действительно «различные измерения одной и той же человеческой ситуации» [3. С. 44–45], характеризующейся конфликтом между актуальным человеческим существованием и его желаниями и способностями. И необходимым здесь представляется не бесконечное описание форм отчуждения, а рассмотрение его социально-психологического механизма с последующими практическими выводами.

Изложим некоторые аспекты авторской психологической реконструкции механизма отчуждения. Если несколько упрощенно понимать отчуждение как субъективное неблагополучие личности, то субъективно отчуждение переживается личностью как эмоционально-оценочное отношение к степени *отраженности* «Я-идеального» в «Я-актуальном» личности. «Я-актуальное» и «Я-идеальное» нами рассматриваются как основные компоненты Я. «Я-идеальное» – сознательно-бессознательное «Я-желаемое», а «Я-актуальное» – как реальное, эмпирическое, актуальное,

его можно более точно назвать «Я-деятельным» (А. В. Карпов). Мера неотраженности и разрыва между ними у каждого своя и является необходимой в качестве источника развития личности. Основным же средством регуляции отраженности-неотраженности «Я-идеального» в «Я-актуальном» (и наоборот) служит «Я-рефлексивное», уровень его сложности и развитости определяет характер, направление и интенсивность стратегии коррекции отраженности-неотраженности.

Также для простоты анализа сужаем основные сферы отчуждения личности до уровней основных интенций жизнедеятельности личности, опираясь на укрупненные группы потребностей: физиологические (витальные), социальные и когнитивно-праксиологические потребности, или на три ипостаси «Я», что вполне согласуется с существующими подходами (У. Джеймс, А. Маслоу, Г. Г. Дилигенский, А. Т. Москаленко, В. Ф. Сержантов, П. В. Симонов и др.). Предложенная иерархия потребностей относительно условна, все группы потребностей присутствуют одновременно в деятельности личности, актуализируясь в зависимости от внутренних и внешних условий, от субъективно и объективно временных параметров развития. Актуализация какой-либо группы потребностей образует одну из основных форм интенциональности личности, определяя основную направленность связи личности с миром. При этом остальные, неактуализированные, группы потребностей выполняют вспомогательную, служебную роль по отношению к ведущей группе.

Динамическое взаимодействие «Я-идеального», «Я-актуального», «Я-рефлексивного» на трех уровнях жизнедеятельности (витальном, социальном, когнитивно-праксиологическом) позволяет интегрировать в себя множество явлений, проявлений, компонентов, следствий отчуждения и субъективного благополучия.

В условиях высокой дифференциации различных аспектов жизнедеятельности, раздельного наемного труда и других многообразных социальных факторов, любая личность вынуждена согласовывать свое «Я-актуальное» с внешней регламентацией ее существования. Возможность спонтанного действия в соответствии с актуализированными потребностями, мотивами и привычной стратегией поведения ограничена, более того подвергается ответным репрессивным реакциям общества, что снижает уровень ее субъективного благополучия.

Субъективно благополучно личность может существовать лишь в мире «знакомых» объектов, в мире, который является ее продолжением, где внутреннее находит себя во внешнем. Именно

степень психологического «нахождения себя в мире» определяет, на наш взгляд, меру отчужденности, удовлетворенности-неудовлетворенности, определяет социальное поведение личности и ее характер. Именно неудовлетворенность является источником развития личности, двигателем активности человека (Г. Г. Дилигенский, Б. Д. Парыгин и др.), определяет социальную стратегию поведения.

С нашей точки зрения, существует три формально схематизированных пути преодоления отчужденности-неудовлетворенности, три пути сближения «Я-идеального» и «Я-актуального» личности в поисках субъективного благополучия, которые эксплицируются в форме стратегий социального поведения.

Первая социальная стратегия (интросубъективная) – это конформизм (порой доходящий до аутоагрессии), выражающийся в ломке, реконструкции «Я-идеального», вектор этих явлений направлен «внутрь». Фактически – это способ «присвоить и схватить» мир, присоединившись к нему, это поведение **по модусу слияния**. Для социально ориентированной личности этот путь всегда доброволен и типичен (в конструктивном аспекте предположительно выражается в просоциальном поведении), для физиологически и когнитивно-праксиологически ориентированных личностей – вынужденный, обусловленный «непреодолимыми обстоятельствами». В плане социально-психологических взаимоотношений такая стратегия характеризуется восприятием себя как объекта, а Другой, Другие воспринимаются как субъекты. Условно можно выделить как «чистый» тип социально-конформную личность.

Вторая стратегия (экстрасубъективная) направлена во внешний мир – это склонность к экстернальной агрессии, деструктивности, цель которой – сблизить «Я-актуальное» с идеальным, присваивая и приводя внешний мир в максимально полное соответствие со своими потребностями и представлениями. Такой путь характерен прежде всего для физиологически направленной личности, поведение которой строится **по модусу обладания**, ведь удовлетворение физиологических потребностей предполагает присвоение, схватывание в прямом смысле этого слова. Такое поведение можно оценивать как агрессивное, в некоторых случаях как девиантное. Здесь следует уточнить, что к агрессии (как и другим стратегиям поведения) мы подходим широко, предполагаем взаимодействие человека и мира во всем его многообразии. Под ломкой внешних условий мы предполагаем не только лишь разрушение и уничтожение неуютного-отчужденного, но, и, вследствие неумения «схватить» внешнее на сущностном, рефлексивном уровне, стремление схватить

внешнее механически, присвоить. Агрессия здесь семантизируется в широком смысле – как попытка обладать и манипулировать миром в соответствии лишь с собственными установками, без учета внешних объективных обстоятельств.

В плане взаимодействия с другими индивидами личность с экстрасубъективной стратегией поведения воспринимает себя как субъект, а Другого как объект. В качестве «очищенного» типа: физиологически-агрессивная личность.

Третья стратегия (интро-экстрасубъективная), характеризуемая нами как «смешанная» или творческая, – это диалектическое взаимодействие «Я-идеального» и «Я-актуального», преимущественно характерное для личности с когнитивно-праксиологической направленностью. В этом случае коррекции, изменениям подвергается и внутреннее, и внешнее в соответствии с индивидуальной и социальной возможностями личности, и трактуемая нами как творческая и оптимальная (здоровая) для человека. Уровень рефлексивной культуры личности определяет способность к «смешанной» или творческой стратегии. Личность с такой стратегией поведения воспринимает себя одновременно субъектом активности и объектом интерпретации, взаимосвязь с Другим может характеризоваться отноше-

нием и как к субъекту, и как объекту, в зависимости от характера ситуации и осуществленной категоризации Другого. Такое поведение строится по **модусу творения**, созидания. Далее нами рассматривается как творческий тип личности.

В результате логико-психологического анализа можно предположить, что такие стратегии поведения личность использует, пытаясь разрешить свои внутренние конфликты, преодолеть отчуждение и достичь субъективного благополучия, проявляемого в психологическом пространстве личности, как отраженность «Я-идеального» в «Я-актуальном». Данные стратегии являются «чистыми, идеальными типами», позволяющими выявлять некие типичные характеристики для классификации субъектов.

Библиографический список

1. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа [Текст] / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1992.
2. Кон, И. С. Социология личности [Текст] / И. С. Кон. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967.
3. Маркович, М. Маркс об отчуждении [Текст] / М. Маркович // Вопросы философии. – 1989. – № 9.
4. Фихте, И. Г. Несколько лекций о назначении ученого [Текст] / И. Г. Фихте // Фихте И. Г. Сочинения в двух томах. – Т. 2. – СПб.: Мифрил, 1993.

УДК 316.77

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

А. В. Юнда

В статье рассматривается одна из причин распространения девиантного поведения молодежи – влияние средств массовой информации. Постоянное восприятие через печать, телевидение и так далее большого количества информации о различных формах и проявлениях девиаций способствует популяризации и последующему воспроизведению асоциального поведения, особенно среди молодежи.

Ключевые слова: девиантное поведение, средства массовой информации, подростковый и юношеский возраст, асоциальные установки

THE ROLE OF MASS MEDIA IN AN EXPANSION OF BEHAVIOR DEVIATION OF YOUTH

A. V. Yunda

In article the influence of mass media is considered as one of the reason of behavior deviation expansion of youth. The permanent perception of a mass of information about various forms and displays of deviations through the press, TV etc. promotes its popularization and the following reproduction, especially among youth.

Keywords: deviance, mass media, perception, teenager, youth, asocial attitude

Проблема девиаций – отклонений в поведении от общепринятых социальных норм и образцов существует на всех возрастных этапах развития. Хотя наиболее часто эта проблема обсуждается в контексте подросткового возраста [4, 11, 21, 22]. В современном мире выражена тенденция все более частого и все более раннего в онтогенезе возникновения патологических форм поведения.

Причины девиаций различны, хотя многие исследователи сходятся в том, что они связаны с культурно-историческим процессом в целом, техническими, экономическими и политическими инновациями, вступающими в противоречие с традиционными культурными образцами, системами ценностей, стереотипами сознания и поведения, что затрудняет ориентацию людей в социокультурной ситуации и их адаптацию [5, 20].

Высказывается мнение, что «девиация сегодня – это своего рода “конвейерный цикл”, где каждое отклонение производит мультипликационный эффект... Исключительная плотность информационного пространства создает самую благоприятную для работы “конвейера” среду» [10. С. 214]. Действительно, многие исследователи отмечают значительную роль средств массовой информации (СМИ) в распространении девиантного поведения.

Различные способы передачи информации массовой аудитории – радио, телевидение, печатные издания, видео- и аудиозапись, Интернет и другие осуществляют функцию социального общения в масштабах всего общества. Содержание их сообщений охватывает весь спектр воздействия – от информирования и обучения до убеждения и внушения [7]. СМИ являются одним из средств социализации. С их помощью транслируются мнения, ценности, образцы поведения, задаются социальные нормы, формируется общественное мнение и т. д. [2. С. 11–29].

Многочисленные телевизионные программы постоянно демонстрируют насилие в разных видах – эта тематика является одной из самых популярных и занимательных, привлекает внимание и возбуждает интерес населения. С одной стороны, такая визуальная демонстрация информирует зрителя, подготавливает его к жизни в социуме, вводит детей в мир взрослых [7].

Кроме того, просмотр сцен насилия может оказывать катарсическое воздействие, актуализируя и высвобождая травмирующие переживания зрителя: герои могут реализовывать бессознательные побуждения человека, расправляясь с обидчиком, и при этом не неся наказания. Идентификация с таким героем разряжает накопленные агрессивные импульсы, способствует временному снижению напряжения [12. С. 20–26].

С другой стороны, для индивидов, которые с трудом управляют своими агрессивными импульсами, постоянное соприкосновение с информацией о насилии может обострить проблему и угрожать их самоконтролю [13]. Проведенное в восьмидесятых годах исследование в шести странах позволило сделать вывод о существовании связи между насыщенностью телевидения

сюжетами, связанными с агрессией, и уровнем преступности. Так, Польша имела наименьший процент преступности. Тогда она стояла на предпоследнем месте по числу использования телевизоров; на последнем месте по числу показа по телевидению сюжетов агрессивного содержания и по проценту показа фильмов или сюжетов, связанных с насилием. США, которые в 1980 г. являлись рекордсменом по преступности, имели наивысший процент содержания сцен насилия в телевизионных программах (Цит. по [13]).

Авторы указывают, что современные СМИ вносят большой «вклад» в популяризацию и распространение асоциального поведения молодежи, способствуют формированию и закреплению девиантных субкультур, так как подробно раскрывают (нередко в положительном ключе) жизнь членов преступных сообществ, культивируют акты насилия, агрессию, превосходство физической силы, героизируют преступников с их вседозволенностью и безнаказанностью, рекламируют психоактивные вещества и т. п. [2, 15, 18].

«Всевозможные викторины, лотереи, телевизионные игры, “реальные шоу” с крупными призовыми фондами формируют жизненные стратегии, в которых целеустремленный труд и, вообще, всякое усилие, являются отрицательными ценностями, ассоциируются с принуждением, рабством, неуспехом, позором. Необходимость честно трудиться воспринимается как тяжелая жизненная неудача» [20. С. 21]. В результате «расшатыванию подвергаются универсальные для большинства мировых культур ценности, такие, как ценность человеческой жизни, уважение к личности, ее правам и свободам, уважение к старшим, забота о детях, женщинах, нетрудоспособных, патриотизм, соблюдение общепринятых норм социального поведения, отрицательное отношение к пьянству и наркомании» [17].

Искаженные представления о ценностях, созданные с помощью СМИ, особенно опасны для восприятия детей и подростков, не имеющих достаточного опыта для адекватной оценки информации.

В. Чеснокова, В. Абрамкин [21] отмечают, что «средства массовой коммуникации..., стремясь восполнить недостаток человеческого общения, создают его суррогат – иллюзию приобщения к чему-то важному, к каким-то социальным группам. Ребенка и подростка, проводящего очень много времени перед экраном, телевизор отключает от реального общения с ровесниками и взрослыми: они кажутся ему менее интересными и значимыми, будничными и слишком сниженными по сравнению с теми персонажами, которых показывают по телевизору. В результате

подросток не овладевает умением строить свои отношения с окружающими людьми: добиваться взаимопонимания, решать конфликты, овладеть ситуацией в сложных случаях», и в реальном взаимодействии становится жертвой своей неопытности и непредусмотрительности. Это, в свою очередь, ведет к поиску иных, девиантных форм самореализации.

Н. Е. Марковой [15] изучался вопрос влияния средств массовой информации на аудиторию несовершеннолетних в возрасте от 12 до 18 лет. Было определено, что все каналы СМИ (радио, телевидение, газеты, журналы) поставляют для детской и юношеской аудитории один и тот же набор тематики:

1) секс-пропаганда, содержащая дискредитацию секса как личностного акта половой любви и пропаганда секса в качестве развлечения;

2) молодежная мода. Пропаганда шокирующей эпатажной моды с пропагандой различных субкультур, моды для дискотеки, унисекс, клеймение (татуировки, выбривание головы и т. п.);

3) тема девиантности и преступления (разрушение табу и общепринятых норм поведения). Сюда относится описание различных видов преступлений, публичного полового акта, нецензурная брань и т. д.;

4) «drug-мифология» (*drug* (англ.) – наркотики). В нее входит пропаганда «безбашенности», «экстремальности», экстремальных видов спорта. Под всем этим скрывается завуалированная для непосвященного взгляда пропаганда наркотиков. Распространяется информация о возможности постижения мистики и сверхчувственного: об астрологии, ужасах, пришельцах, НЛО. Таким образом, вокруг человека образуется мифологическая оболочка, которая способствует потере ориентации в жизни. Становится зыбкой грань между реальным и воображаемым;

5) рок-звезды и рок-музыка. Реклама поп-звезды, сведения о ее гонорах, поклонниках, описание успеха, богатства, любовные приключения, сообщения о девиантных поступках, т. е. о преступлениях и подверженности наркомании. Время от времени какая-нибудь из рок-звезд снимается в фильме в роли асоциальной, но привлекательной личности;

6) места и способы развлечений: реклама клубов, рок-концертов, дискотек, массовых праздников и других «тусовок».

Таким образом, с помощью СМИ «популяризируются» различные формы девиантного поведения среди молодежи.

А. В. Кузуб указывает, что «фильмы можно рассматривать как опосредованные коммуникативные взаимодействия, в ходе которых у субъек-

та формируется круг “значимых других” в лице различного рода киногероев». Они обладают определенной степенью авторитетности и значимости, т. е. являются близким коммуникативным окружением, «которое может выступать в роли регулятора представлений индивида о себе и определять его отношение к себе и его систему ценностей» [14. С. 32–33].

В. Г. Ромек [19] и многие другие авторы отмечают склонность людей воспроизводить в реальности различные модели поведения, прочитанные, услышанные, увиденные в СМИ, что является мощным рычагом управления общественной и частной жизнью. Так, в исследовании Д. Филипса обнаружено, что после публикаций, содержащих сведения о самоубийствах, их совершалось больше, чем обычно, причем преимущественно описанным способом. Полученные им данные свидетельствовали, что отчеты в СМИ о самоубийствах изменяли предрасположенность к суициду в долгосрочной перспективе (Цит. по [19. С. 42–43]).

По некоторым данным, люди, наблюдая за чужой агрессией, учатся вести себя агрессивно [8], при этом осваиваются и новые формы поведения. А. А. Мачина указывает на то, что распространяемая с помощью СМИ информация о преступлениях вызывает подражательные преступления. Неуверенные в себе люди склонны подражать другим. Испытывая дискомфорт, они пытаются справиться с ним так же, как это делают другие похожие на них люди, и в этом плане фильмы и информационные программы предоставляют им образцы для подражания [16. С. 238–239].

М. Хьюсманн с группой исследователей отслеживали корреляцию между просмотром телепередач и агрессивностью в течение 20 лет (Цит. по [1. С. 115]). Они обнаружили, что тяжесть совершенных преступлений в возрасте 30 лет соответствует предпочтениям в телепередачах в возрасте 8 лет. Механизм формирования агрессивного поведения посредством телевидения может выглядеть следующим образом: чрезмерное увлечение телепередачами – агрессивные фантазии – отождествление себя с персонажем – усвоение агрессивного способа решения проблем и влияния на людей – повторение агрессивных действий – использование агрессии для разрешения проблем в межличностных отношениях – подкрепление – агрессивные привычки – неразвитые социальные и учебные умения – фрустрация – чрезмерный просмотр телепередач и т. д.

Формирование агрессивного поведения через наблюдение возможно при выполнении нескольких условий. Во-первых, увиденное должно выгля-

деть реально и захватывать. Во-вторых, увиденное должно восприниматься именно как агрессия. В-третьих, агрессия перенимается, когда зритель отождествляет себя с агрессором, а потенциальный объект агрессии для конкретной личности ассоциируется с жертвой агрессии в фильме. Следующим принципиальным условием научения является то, что в результате агрессии герой достигает цели или получает удовольствие, значимое для зрителя [7, 9].

С. Н. Ениколопов [8. С. 43] отмечает, что больше половины персонажей применяли насилие к другим людям независимо от того, были ли это «хорошие парни» или «плохие парни». В большинстве случаев агрессивное поведение персонажей приводило к счастливому концу, то есть насилие являлось действенным средством для достижения желаемой цели. Это может побудить зрителей имитировать такую же поведенческую модель, тем более что она не только результативная, но и эмоционально яркая – жизнь таких персонажей показана, как очень насыщенная и интересная. Нужно учитывать, что в подростковом возрасте поиск образцов, моделей поведения, социальное экспериментирование являются крайне актуальными [22. С. 7].

Еще одним важным аспектом является изменение и формирование установок. Чем больше человек видит теле- или видеонасилия, тем больше он принимает установку на агрессивное поведение. Благодаря большому количеству сцен насилия, демонстрируемых телевидением, установки на агрессию «фанатов» кино и телевидения будут более позитивными, так как они воспринимают агрессивное поведение как норму [7].

В результате просмотра агрессивных сцен ослабляются и сдерживающие агрессию факторы, человек думает: «Если это делают другие, то почему не могу сделать я?». Дети могут, таким образом, и привыкнуть к агрессии как обыкновенному способу решения проблем, так как не задумываются о том, что увиденные на экране ситуации крайне редко встречаются в жизни, не оценивают и не понимают реальных возможных последствий действий героев [12].

Изменения в установках людей, часто наблюдающих сцены насилия, можно объяснить когнитивной десенситизацией (потерей чувствительности) к насилию. Так, было показано, что дети, которые регулярно смотрели сцены насилия по телевидению или видео, обнаруживали гораздо меньший уровень физиологического возбуждения в ответ на показ сцен насилия, чем обнаруживала контрольная группа детей [12. С. 23–24]. Подобные эффекты может вызывать и чрезмерное увле-

чение детей и подростков компьютерными играми с агрессивным содержанием.

Конечно, степень подверженности указанным негативным влияниям СМИ во многом зависит от личностных особенностей ребенка, его опыта, в том числе агрессивного поведения, и от того, какой результат оно имело [7].

Обобщая различные точки зрения, можно сделать вывод, что отсутствие контроля, со стороны общества и значимых взрослых, информации, потребляемой детьми и подростками с помощью СМИ, приводит к усугублению проблемы распространения девиантного поведения. Требуется большее внимание к организации досуга детей и подростков, проведение мероприятий, направленных на повышение их социально-психологической компетентности, информирование о последствиях девиантного поведения (сочетающее рациональное и эмоциональное воздействие).

Бесспорно важным направлением для профилактики и преодоления все растущего числа девиаций молодежи является и повышение психологической родительской компетентности, так как в современных семьях нередко родительские функции выполняются некорректно, перекладываются на образовательные учреждения и других лиц, личностное доверительное взаимодействие с детьми либо нарушено, либо вообще отсутствует, что повышает вероятность деструктивного влияния на формирующуюся личность, снижает возможности эффективного контроля и коррекции поведения детей в рамках семьи [3, 6].

Библиографический список

1. Бэрн, Р. Агрессия [Текст] / Р. Бэрн, Д. Ричардсон // Психология человеческой агрессивности: хрестоматия; сост. К. В. Сельченко. – Мн.: Харвест, 1999. – 656 с.
2. Васильева, О. С. Взаимосвязь проявлений агрессивности подростков и их предпочтений в просмотре художественных фильмов и телепередач [Текст] / О. С. Васильева, В. В. Скарга // Модели СМИ и реальность жизни: сборник статей; отв. ред. В. Г. Ромек, Н. В. Мирзабекова. – Ростов н/Д: ООО «Терра», 2003. – 72 с.
3. Воспитание трудного ребенка: Дети с девиантным поведением [Текст]: учеб.-метод. пособие / под ред. М. И. Рожкова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 240 с.
4. Выготский, Л. С. Собрание сочинений в 6 т. [Текст] / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1984.
5. Гриценко, В. В. Кросскультурные исследования. Ценностные ориентации и склонность к девиантному поведению (на примере этнических мигрантов и коренных жителей Саратовской области) [Текст] / В. В. Гриценко, Т. Н. Смотровая // Психологический журнал. – 2005. – № 6. – С. 44–59.
6. Девиантология: хрестоматия [Текст] / авт.-сост. Ю. А. Клейберг. – СПб.: Речь, 2007. – 412 с.

7. Ениколопов, С. Н. Массовая коммуникация и проблема насилия [Электронный ресурс] / С. Н. Ениколопов. – Режим доступа: <http://www.kovaleva.ru>
8. Ениколопов, С. Н. Некоторые проблемы психологии агрессивного поведения детей и подростков [Текст] / С. Н. Ениколопов // Социальная и клиническая психиатрия. – 2002. – №2.
9. Змановская, Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения) [Текст]: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений / Е. В. Змановская. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
10. Инкина, С. А. Девиация как «негативная интеграция» в общество риска [Текст] / С. А. Инкина // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – Вып. 8. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 472 с.
11. Клейберг, Ю. А. Социальная психология девиантного поведения [Текст]: учеб. пособ. для вузов / Ю. А. Клейберг. – М.: ТЦ Сфера, 2004. – 192 с.
12. Копченова, Е. Е. Телевидение и детская агрессия [Текст] / Е. Е. Копченова // Психология и школа. – 2002. – № 2.
13. Креч, Д. Нравственность, агрессия, справедливость [Текст] / Д. Креч, Р. Кратчфилд, Н. Ливсон // Ребенок и семья. Хрестоматия: учеб. пособ. по детской и возрастной психологии для факультетов психологии, педагогики и социальной работы; ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара: Издательский Дом БАХРАХ-М, 2002.
14. Кузуб, А. В. Конструирование ценностей под влиянием художественных фильмов [Текст] / А. В. Кузуб // Модели СМИ и реальность жизни: сборник статей; отв. ред. В. Г. Ромек, Н. В. Мирзабекова. – Ростов н/Д: ООО «Терра», 2003. – 72 с.
15. Маркова, Н. Е. СМИ и наркомания [Электронный ресурс] / Н. Е. Маркова. – Режим доступа: <http://www.narcom.ru>
16. Мачина, А. А. Влияние средств массовой информации на уровень агрессивности [Текст] / А. А. Мачина // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – Вып. 8. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 472 с.
17. Первова, И. Деструктивные факторы процесса социализации подрастающего поколения в современном российском обществе [Электронный ресурс] / И. Первова. – Режим доступа: <http://www.narcom.ru>
18. Пирожков, В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) [Текст] / В. Ф. Пирожков. – Тверь, 1994.
19. Ромек, В. Г. Жизнь и телевизионные модели: трагическое соответствие [Текст] / В. Г. Ромек // Модели СМИ и реальность жизни: сборник статей; отв. ред. В. Г. Ромек, Н. В. Мирзабекова. – Ростов н/Д: ООО «Терра», 2003. – 72 с.
20. Тхостов, А. Ш. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации [Текст] / А. Ш. Тхостов, К. Г. Сурнов // Психологический журнал. – 2005. – № 6. – С. 16–25.
21. Чеснокова, В. Некоторые причины девиантного поведения детей и подростков [Электронный ресурс] / В. Чеснокова, В. Абрамкин. – Режим доступа: <http://www.narcom.ru>
22. Эльконин, Б. Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития [Текст] / Б. Д. Эльконин // Вопросы психологии. – 1992. – №3.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ

УДК 378.1

ИНСТРУМЕНТЫ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД (информационный обзор участия в V Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения» «Социальная и культурная динамика России в условиях глобального кризиса: к 120-летию со дня рождения П. А. Сорокина»)

Е. А. Кулагина, М. Ю. Корнеева

В статье содержится аналитический обзор работы конференции, очерчены основные контуры проблемного поля: современный финансово-экономический кризис в контексте теории социокультурной динамики и нелинейного прогресса П. А. Сорокина. В статье представлено краткое содержание докладов Пленарного заседания и секционные выступления авторов статьи.

Ключевые слова: конференция, П. А. Сорокин, теория социокультурной динамики, теория нелинейного прогресса, кризис, социальные проблемы.

SOCIAL PROBLEMS DECISION TOOLS IN CRISIS PERIOD (information review of participation in V All-Russia Scientific Conference «Sorokin's readings» «Social and Cultural Dynamics of Russia in Conditions of Global Crisis: to the 120 Anniversary from the Date of P. A. Sorokin's Birth»)

E. A. Kulagina, M. Y. Korneeva

The article contains the analytic review of the conference. The basic frames of the subject are outlined: the current financial and economic crisis in context of Social and cultural dynamics theory and P. A. Sorokin's Nonlinear progress. There is also the summary of the reports of the Plenary session and the section reports of author's articles.

Keywords: conference, P. A. Sorokin, social and cultural dynamics theory, nonlinear progress theory, crisis, social problems.

В декабре 2009 г. на базе главного вуза страны – МГУ им. М. В. Ломоносова – под эгидой Российской социологической ассоциации (РосА) и социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова состоялось очередное значимое событие для профессионального социологического сообщества – V Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения». В этом году самый масштабный научный форум современной российской социологии собрал свыше 500 участников из самых разных регионов страны и ближнего зарубежья, поскольку статус конференции предполагал международное участие.

По критерию количества поданных заявок ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы» оказалась в первом десятке традиционно оглашаемого на Пленарном заседании списка – было представлено 12 работ по социально-гуманитарным наукам – профессора О. В. Байдало-

вой, профессора Н. С. Субочева, доцента Г. В. Лысенко, доцента Ю. А. Дроздовой, И. Г. Салагиной и других.

С содержательной точки зрения представляется интересным проследить, каков был вектор смещения смыслового акцента конференции год от года, что отражено непосредственно в тематике «Сорокинских чтений».

Этот анализ позволит определить и оценить существенные изменения социально-политического фона, постепенное переосмысление целевых социальных ориентиров развития российского общества, динамику возникновения новых социальных проблем, подходов и механизмов в их решении.

Так, I Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения» прошла в 2004 г. под названием «Российское общество и вызовы глобализации», II «Сорокинские чтения» – под назва-

нием «Будущее России: стратегии развития», рабочим названием III «Сорокинских чтений» было обозначено как «Социальные процессы в современной России: традиции и инновации». Особенностью IV «Сорокинских чтений» стало их проведение не традиционно на базе МГУ, а по 12 региональным округам России, сформированным для проведения конференции под названием «Отечественная социология: обретение будущего через прошлое».

Динамику изменения смысловых дискурсов конференции можно рассмотреть, на наш взгляд, в двух аспектах: первое – в русле становления российского общества как целостного социокультурного феномена и системного объекта социологии и второе, с точки зрения самоопределения российского государства в новых условиях цивилизационной глобализации XXI в.

Общую логику этой смысловой цепочки «вызов (запрос) общества – ответ социологов» в рамках конференции нарушил начавшийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис, который в очередной раз акцентировал внимание профессионального социологического сообщества всего мира на теории социокультурной динамики П. А. Сорокина, заставив ученых в очередной раз переосмыслить его творческое наследие.

Основное содержание Программы V «Сорокинских чтений» составили доклады в рамках заявленной в названии конференции проблематики, предметом которых стало рассмотрение комплекса социальных проблем, связанных с генезисом и эволюцией мирового финансово-экономического кризиса сквозь призму теории бифуркации П. А. Сорокина.

В свете теории социокультурной динамики П. А. Сорокина современный мировой кризис является началом смены глобальных социокультурных суперсистем.

В контексте данного тезиса состоялось Пленарное заседание, открыл которое доклад д-р философ. наук, проф., Президент РоСА, декан социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, зав. кафедрой истории и теории социологии МГУ им. М. В. Ломоносова Владимир Иванович Добренков. Название доклада – в духе лермонтовских традиций: «Кризис нашего времени в контексте социокультурной динамики П. А. Сорокина», в рамках которого В. И. Добренков отметил, что «именно данная теория вскрывает глубинные социальные основы современных кризисных явлений – переход от чувственной социокультурной суперсистемы (во многом, культуры потребления) к идеационной, в основе которой лежат религиозные и традиционные ценности. Россия относительно недавно и еще

не в полной мере оказалась втянутой в чувственную суперсистему, поэтому она должна первой перейти к идеационной суперсистеме». В качестве и значимого условия такого перехода докладчик назвал развитие в стране чисто консервативной идеологии.

Доклад зав. кафедрой социологии культуры, воспитания и безопасности социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Вячеслава Николаевича Кузнецова был посвящен становлению концепции посткризисного развития человека, общества и цивилизации, в которой ключевой проблемой, по мнению автора, является тот факт, что «мир фактически расколот на две части: «золотой миллиард» и «третий мир». В. Н. Кузнецов представил вниманию участников конференции собственную концепцию «культуры развития», в основе которого четыре главных тренда: духовно-нравственный, экологический, модернизации и борьба против ядерной угрозы.

Основную мысль профессора В. И. Добренкова продолжил зав. кафедрой социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Центра консервативных исследований профессор Александр Гельевич Дугин, отметив, что Питирим Сорокин действительно раскрыл многие корни современного глобального кризиса, именно этот ученый, вопреки расхожим мнениям, заложил фундаментальные основы для критики теории линейного социального прогресса. «Сорокинский подход к анализу социальных процессов основан на принципе цикличности, что позволяет занести наследие Сорокина в общий багаж русской консервативной идеи. Теория Питирима Сорокина носит консервативный характер», – подытожил профессор Дугин.

Петербургский социолог, профессор Петр Иванович Смирнов в своем выступлении представил разработанную им концепцию стратегических ориентиров для управления эволюцией современного общества.

Пленарное заседание «Сорокинских чтений» завершилось докладом ставропольского культуролога, профессора Виктории Валерьевны Василенко, в котором были представлены новые изыскания в области осмысления жизни, творчества и культурного наследия Питирима Сорокина.

Более детально вопросы, обозначенные и актуализированные в рамках Пленарного заседания, были проработаны в ходе заседаний 26 тематических секций и двух «круглых столов», один из которых был посвящен 65-летию Великой Победы и духовной безопасности России, а другой – социокультурной динамике международных процессов в современном мире.

Авторы настоящей статьи выступили с докладами на двух секционных заседаниях.

Е. А. Кулагина, аспирант кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», выступила с докладом: «Система антикризисных мер социального государства в контексте пенсионной реформы в Российской Федерации» в рамках работы секции «Социальное государство: управление и социальная политика».

По мнению автора, процесс становления социального государства в России в настоящее время носит нелинейный и фрагментарный характер. На сегодняшний день можно констатировать, что происходит накопление *отдельных элементов* социального государства, причем этот процесс протекает неравномерно в конкретных сферах социальной политики и отличается по степени интенсивности. Особую актуальность сегодня приобретает социальная защита пенсионеров и соответствующая политика социального государства по обеспечению этой защиты, поскольку данная социальная группа является одной из наиболее уязвимых в проблемном поле социальной политики. Приоритетность развития данной сферы обозначена высшими чиновниками на государственном уровне: по заявлению главы Министерства здравоохранения и социального развития Т. А. Голиковой, «совершенствование системы пенсионного обеспечения граждан РФ – приоритет социальной политики государства» [1].

Социально-политическим и экономическим фоном продолжающегося моделирования основ пенсионной системы в России, коррекции и совершенствования профильного законодательства и институциональных механизмов реализации реформы является развернувшийся в стране в сентябре–октябре 2008 г. мировой финансово-экономический кризис (так называемый период «проекции внешнего шока»). С ноября 2008 г. началась новая стадия кризиса – «кризис внутренней экономической политики», продолжающаяся и в настоящее время [3]. Социальные риски наиболее уязвимых групп населения в кризисный период многократно возрастают, требуя, таким образом, повышенных социальных обязательств со стороны государства; его своевременной, всесторонней и адресной поддержки. Несмотря на то что в настоящее время в стране создана и функционирует комбинированная система пенсионного обеспечения (предполагающая ответственность и других социально-экономических институтов – негосударственных пенсионных фондов, управляющих компаний, их союзов), первоочередным гарантом снижения подобных социальных рисков является социальное государство.

Очевидно, что первоочередной мерой повышения уровня пенсионеров в кризисный период является индексация размеров пенсий (в течение кризисного 2009 г. мы наблюдали четырехэтапную индексацию пенсий).

В то же время даже столь пристальное внимание государства по отношению к данной сфере не решает всех проблем. Так, в стране отчетливо наблюдается достаточно странный феномен ограниченности *социального эффекта роста* – рост реальных располагаемых доходов населения лишь в очень ограниченной степени сопровождается снижением социальной дифференциации. Это означает, что социальный эффект от расширения доходов населения даже в условиях интенсивного экономического роста не распространяется на массовые социальные группы. Отчасти, это стало результатом сложившейся модели инфляции, характеризующейся ускоренным удорожанием товаров и услуг, потребляемой малообеспеченной частью населения (продуктов питания, медикаментов, услуг ЖКХ и транспорта). Так, например, на октябрь 2009 г. по сравнению с октябрём 2008 г. в стране отмечен рост цен на: медикаменты – 21,4 %, одежду и обувь – 12,0 %, услуги ЖКХ – 19,8 %, электроснабжение – 25,1 %, медицинские услуги – 14,5 % [2].

В этом состоит дополнительный осложняющий фактор – крайне «*антисоциальный*» характер российской инфляции: рост инфляции происходит, прежде всего, на рынках товаров и услуг, приобретаемыми малообеспеченными слоями населения. Это требует дополнительных мер социальной поддержки малообеспеченных лиц, что, в свою очередь, способно стать дополнительным инфляционным стимулом.

Динамика соотношения пенсий с прожиточным минимумом также показательна: во II квартале 2009 г. ПМ увеличился по сравнению с I кварталом на 2,0 %, но при этом стоимость продуктов питания потребительской корзины увеличилась на 2,5 %, непродовольственных – на 3,4 % [2]. Да и сам размер прожиточного минимума в абсолютном выражении суживает отдельного внимания и регулярной корректировки. По мнению одного из ведущих политологов, эксперта, главы Фонда «Либеральная миссия» Е. Н. Ясина, «отечественная потребительская корзина пенсионера имеет весьма аскетичный образ». Таким образом, реальная покупательная способность пенсий в течение 2009 г., несмотря на периодические индексации их размера, снизилась за счет роста цен. По итогам 2008 г. инфляция составила 13,3 %, по инфляционным итогам 2009 г. высказываются самые различные оценки, но, учитывая сложный период «кризиса внутренней политики» на фоне

общемирового кризиса, вряд ли инфляция будет ниже данной отметки.

В свете теории П. А. Сорокина и концепций, предложенных в рамках Пленарного заседания конференции, можно констатировать, что перспектива развития социального государства в России тесно связана с противостоянием антагонистических социокультурных систем не только на глобальном уровне («золотой миллиард» – «третий мир»), но и в национально-государственном масштабе (богатые и бедные). Численность населения с доходами ниже величины ПМ по итогам II квартала 2009 г. составила в России 21,1 млн. чел. (15 % населения) [2].

Однако именно на Россию возложены надежды, озвученные на конференции в рамках докладов ведущих социологов, и связаны они с перспективой отказа от нескончаемой гонки потребления и концепции общества консюмеризма, за счет которого станет возможным установление фиксированных цен на жизненно необходимые товары и услуги для *всех* граждан, сопровождающееся отказом от роскоши и излишества для *немногих*. Консервативно-сдерживающая парадигма потребления позволит осуществить первые шаги на пути перехода к идеационной социокультурной суперсистеме и развивать такие неоспоримые общечеловеческие ценности, как солидарность, справедливость, социальная ответственность поколений друг перед другом и другие ценности, находящиеся в настоящее время в состоянии социокультурной деформации [4. С. 401].

Актуальную социальную проблему подняла в своем выступлении М. Ю. Корнеева, аспирант кафедры социологии управления ФГОУ ВПО ВАГС. Доклад на тему «Диагностика показателей экологической ситуации в опросе общественного мнения: региональный аспект» был посвящен обоснованию эффективности системы экологического менеджмента в решении проблем природопользования. Эмпирическим объектом исследования выступил ОАО «СУАЛ» – филиал «ВГАЗ – СУАЛ» (ОАО «Сибирско-Уральская алюминиевая компания» – филиал «Волгоградский алюминиевый завод Сибирско-Уральской алюминиевой компании»). На основе применения методики социологической диагностики автором была проведена оценка реального состояния объекта, должного состояния объекта, определение рассогласования между должным и реальным состояниями, а также выработаны конкретные рекомендации по сокращению этого рассогласования [5. С. 30].

В рамках блока описания реального состояния объекта был произведен анализ документации, проведен экспертный опрос сотрудников отдела экологии Волгоградского алюминиевого завода

и анкетный опрос населения, проживающего в зоне влияния производственных факторов предприятия. Целью исследования было определение проблем и перспектив природоохранной деятельности данной организации.

Для определения должного состояния объекта использован нормативный метод, а именно, ориентация на международный стандарт ISO 14001:2004 «Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по использованию» [6].

Произведенная процедура соотнесения реального и должного состояния объекта позволила заключить, что руководство предприятия уделяет значительное внимание вопросам охране труда и промышленной безопасности, управлению экологическими рисками и проведению экологических аудитов. Тем не менее условия труда большей части рабочих остаются вредными и опасными. В условиях экономического кризиса в 2008 г. завод начал осуществление политики избавления от непроизводственных активов, в рамках которой с баланса была снята большая часть объектов социально-культурного назначения. На основании этого можно предположить, что в ближайшие годы предприятие будет сокращать социальные расходы, что негативным образом скажется на качестве социального обеспечения работников.

В организации присутствует правильное понимание целей экологического аудита: не наказать виновных, а выявить причины нарушений, устранить их и предотвратить их повторение. Однако существует проблема независимости аудиторов. Деятельность ведущих аудиторов официально не связана с аудируемыми объектами, но они являются сотрудниками подразделений, ответственных за контроль качества окружающей среды, в частности, санитарно-промышленной лаборатории. Этот факт позволяет поставить под сомнение незаинтересованность аудиторов в открытии некоторой информации.

Рекомендуемые автором мероприятия условно можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние касаются оптимизации корпоративной структуры предприятия, коммуникативных потоков в организации, внутренней политики компании. К таким мероприятиям относятся:

1. Объединение отдела экологии и санитарно-промышленной лаборатории под единым началом для разрешения ныне существующего конфликта полномочий. Укрупнение в данном случае должно привести к исключению дублирования функций этими подразделениями, а значит, к сокращению трудовых затрат.

2. Расширение кадрового состава отдела экологии с целью приведения в соответствие штатной численности отдела выполняемым функциям.

3. Организационное оформление горизонтальных связей между структурными подразделениями позволит более оперативно решать тактические вопросы.

4. Налаживание функционирования «обратной связи» между сотрудниками отделов и топ-менеджментом. Это позволит высшему руководству в большей мере «владеть ситуацией», а подчиненным – четче понимать суть получаемых заданий и распоряжений.

5. Установление личной ответственности за управление системой экологического менеджмента путем назначения соответствующего должностного лица.

6. Ужесточение контроля над эксплуатацией объектов низкой экологической опасности, таких, например, как полигон твердых производственных отходов, что позволит снизить экологические риски.

Мероприятия, ориентированные на внешнюю среду, должны способствовать улучшению экологического имиджа компании, предотвращению экологических конфликтов, повышению конкурентоспособности, прибыльности и ликвидности предприятия. К числу таких мероприятий мы отнесли следующие:

1) разработка программы экологического PR;

2) проведение социологических исследований с целью определения общественного мнения и установления обратной связи с местным сообществом;

3) активное участие в экологических рейтингах для повышения степени открытости организации;

4) активизация поиска путей вторичного использования отходов предприятием или сторонними организациями в целях более полного использования производственных ресурсов и сокращения издержек на размещение отходов.

Комплексная реализация указанных мероприятий преследует две взаимоувязанные цели. С одной стороны, она приведет к повышению экономической устойчивости и экологической ответственности самого предприятия, с другой – снизит уровень экологических опасностей и улучшит качество окружающей природной среды за счет мониторинга, контроля и превентивных мер экологической службы предприятия, а также повысит уровень доверия и лояльности населения к деятельности завода.

Подводя итоги, можно отметить, что система экологического менеджмента на ОАО «СУАЛ» – филиале «ВгАЗ-СУАЛ» внедрена, однако, ее функционирование осуществляется «по инерции», так как нет подразделения, ответственного за реализацию задач этой системы. Таким образом, нет гарантий дальнейшего успешного развития экологического менеджмента на предприятии без определенных структурных преобразований, на которые и должно быть ориентировано высшее руководство компании на данном этапе.

Подводя итоги работы конференции, можно с уверенностью сказать, что идеи и традиции, заложенные великим русским ученым-социологом П. А. Сорокиным, по-прежнему находят практическое применение в решении актуальных социальных проблем современного российского общества. Новое осмысление его теории создает основы для очередного витка развития социологического знания.

Библиографический список

1. Доклад министра здравоохранения и социального развития Т. А. Голиковой «Совершенствование системы пенсионного обеспечения – приоритет социальной политики государства граждан РФ» на Втором Пенсионном форуме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minzdravsoc.ru/videobank/173>. – 25.11.2009.

2. Доклад Федеральной службы государственной статистики «Социально-экономическое положение населения: январь-октябрь 2009 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/portal/OSI_N/UR

3. Аналитический обзор Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования «О развитии российской экономики в 2008–2009 гг. и прогнозе на 2010–2012 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forecast.ru/mainframe.asp>

4. Кулагина, Е. А. Приоритеты социальной политики современного государства: морально-ценностный аспект пенсионной реформы в РФ [Текст] / Е. А. Кулагина / VIII Международная научно-практическая конференция «Диалог культур-2009: поиск общих целей и ценностей»: сборник научных статей; под науч. ред. И. В. Радикова. – СПб.: Астерион, 2009.

5. Щербина, В. В. Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения [Текст] / В. В. Щербина // Социологические исследования. – 2007. – №3.

6. ISO 14001:2004 Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по использованию [Текст]. – М.: Стандартинформ. – 2006. – 48 с.

УДК 316.344.42

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ФОРМИРОВАНИЕ РЕЗЕРВА
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ**
(информационный обзор Всероссийской научно-практической конференции
«Политическая элита и формирование резерва управленческих кадров»,
состоявшейся 16–17 ноября 2009 г. в г. Волгограде в ФГОУ ВПО ВАГС)

POLITICAL ELITE AND FORMATION OF MANAGING CADRES' RESERVE
(informational review of Russian scientific conference
«Political elite and formation of managing cadres' reserve»
which held in November 16–17, Volgograd, VAGS)

Практика государственного строительства в Российской Федерации во втором десятилетии XXI в. объективирует необходимость подбора высокопрофессиональных и ответственных руководителей и исполнителей в систему государственной и муниципальной службы. Научное осмысление проблем функционирования политико-административной элиты и формирования кадрового резерва в условиях современной модернизации, для решения стратегических, тактических и оперативных задач, придает исключительную значимость Всероссийской научно-практической конференции «Политическая элита и формирование резерва управленческих кадров», которая состоялась 16–17 ноября 2009 г. в г. Волгограде в ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». Соучредители конференции: Южный научный центр РАН, администрация Волгоградской области, ФГОУ ВПО «Северо-Кавказская академия государственной службы» и ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы».

В работе Всероссийской конференции приняли участие академик РАН, председатель Южного научного центра РАН *Г. Г. Матишов*; консультант Аппарата полномочного представителя Президента РФ в ЮФО *В. М. Шевченко*; заместитель главы администрации Волгоградской области – управляющий делами администрации Волгоградской области *А. А. Федюнин*; д-р ист. наук, профессор, ректор ВАГС *И. О. Тюменцев*; канд. экон. наук, доцент, ректор СКАГС *В. В. Рудой*; 97 представителей региональных органов власти Южного федерального округа РФ, а также ведущие ученые, аспиранты и студенты системы вузов государственной службы.

В рамках конференции работали три секции:

1. «Политическая элита: вопросы теории и практики», соруководители: проректор по науке СКАГС, д-р полит. наук, профессор *А. М. Старостин*; д-р полит. наук, зав. кафедрой истории и теории политики ВАГС *В. А. Колесников*; д-р

полит. наук, профессор кафедры истории и теории политики, доцент ВАГС *А. И. Бардаков*.

2. «Резерв управленческих кадров: традиции, формирование, технологии», соруководители: д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой социологии управления ВАГС *О. В. Байдалова*; начальник Организационного управления аппарата главы администрации Волгоградской области *Г. В. Костин*; канд. филос. наук, доцент кафедры социологии управления ВАГС *С. Г. Лагутин*.

3. «Политическая социализация молодежи в современной России», соруководители: канд. социол. наук, доцент кафедры социологии ВАГС *Е. Р. Мкртчян*; канд. психол. наук, зав. кафедрой психологии управления ВАГС *Д. М. Зиновьева*. Секретарь *А. В. Одинцов*, старший преподаватель кафедры философии и культурологии.

На заседании первой секции «Политическая элита: вопросы теории и практики» выступил 21 человек: тематика сообщений соответствовала проблемам, поставленным для обсуждения на конференции. Особую колоритность обсуждаемым проблемам политической элиты придали выступления д-ра полит. наук, профессора *А. М. Старостина* о философском осмыслении политических форм управления, д-ра ист. наук, профессора *В. Б. Убушаева* о роли личности в формировании регионального элитаризма на примере деятельности *А. И. Чапчаева* в Калмыкии. Высокая планка научности, заданная этими известными подвижниками отечественной науки, стала определенным ориентиром в работе секции.

В рамках строгого научного анализа, выступила д-р полит. наук, профессор *Л. Г. Швец*, которая не только поставила в острой форме вопросы о роли женщины в управлении, политике, но и обозначила направления решения этой злободневной проблемы. Убедительна в своем выступлении была и д-р ист. наук, профессор *Е. Г. Олейникова*, раскрывшая значение социальной ответственности бизнес-элит в условиях реформирования российской экономики и предложившая пути гармонич-

зации отношений различных социальных групп. Развернутое выступление канд. филос. наук, профессора Э. Г. Баландиной о противоречивых тенденциях в социальной группе интеллигенции также вызвало живой интерес у участников конференции. Дискуссии и оппонирование возникали практически после каждого выступления. Значимым в порядке развития научного знания и поддержания дискуссии явился доклад, д-ра полит. наук, профессора С. С. Восканяна, который предложил оригинальную классификацию элит в новейшей истории России посредством компаративной аналитики «серых» и «харизматических» элит.

Развивающим «качество» в работе конференции было сочетание выступлений теоретиков и практиков. Начальник управления общественных связей аппарата главы администрации Волгоградской области, канд. филос. наук Т. И. Красильникова ознакомила участников секции с постановкой политических сил в Волгоградской области и обозначила перспективы развития региональной элиты. Опираясь на солидную эмпирическую базу, начальник отдела государственной службы, кадров и организационной работы Управления по региональным тарифам администрации Волгоградской области, канд. полит. наук С. В. Китаев раскрыл позитивные моменты выборности и номенклатурного подбора в формировании политико-административных элит. Выступление работника Аппарата парламента Республики Калмыкия канд. ист. наук О. В. Северцева также вызвало живой интерес, так как докладчик раскрыл внутренние противоречия в становлении советской политической элиты. Актуально прозвучало сообщение канд. социол. наук, доцента Е. Р. Мкртчян об отражении в общественном мнении трансформации дискурса российской политической элиты. Яркими и с эмоциональным акцентом были выступления д-ра филос. наук, профессора Р. А. Данакари, канд. социол. наук, доцента Л. В. Намруевой об этнической и религиозной составляющих элитаризма. Атмосфера корректности выступлений и аргументированности суждений, всплески дискуссий и острота постановки вопросов, царившие на секции – реальная основа плодотворной работы данной секции.

В работе второй секции «Резерв управленческих кадров: традиции, формирование, технологии», приняли участие представители научного сообщества Волгограда, Ростова-на-Дону, Астрахани, руководители органов власти и управления Волгоградской области, преподаватели волгоградских вузов аспиранты, студенты, представители СМИ. Для участия в работе конференции

по данному направлению поступило свыше тридцати заявок. Непосредственно в работе второй секции приняли участие 25 человек. В рамках секции были заслушаны доклады конкретных участников. В ряду направлений, обсуждаемых на секции, особо выделим: проблемы изучения профессиональных и нравственных ценностей государственных гражданских служащих, вопросы совершенствования процедуры подбора кадров, формирования системы качеств государственных гражданских служащих, проблемы формирования кадрового резерва государственных гражданских служащих.

В ходе работы секции наибольшее внимание вызвали вопросы применения и эффективности современных методов диагностики системы качеств государственных гражданских служащих, анализ системы ценностей, формирующихся под влиянием различных социальных факторов. Живой интерес вызвала оценка ситуации с практической подготовки резерва управленческих кадров в системе государственной гражданской службы Волгоградской области. Выступления всех участников были обеспечены и соответствующей технической поддержкой: была организована презентация слайдов, таблиц, графиков, наглядно демонстрирующих динамику исследуемых процессов. Отметим также органичное сочетание актуальности проблем, обозначенных в рамках работы секции, и высокий теоретический уровень обсуждения в ходе дискуссии представленных тем.

В работе третьей секции «Политическая социализация молодежи в современной России» особо активно участвовала молодежь: студенты и аспиранты, а также молодые преподаватели. Было заслушано 15 участников. В первый день работы секции были прослушаны доклады, проведены дискуссии и коллегиальное обсуждение выявленных проблем. В целом все выступления были чрезвычайно содержательны и эвристичны. Многочисленные вопросы, дополнения, комментарии способствовали активизации участников секции и их заинтересованности в обсуждаемых проблемах.

Особый интерес вызвало выступление канд. филос. наук, доцента В. А. Пилипенко об участии государства в процессе политического просвещения и образования молодежи и необходимости создания некоей институциональной основы для данной деятельности. В докладе Р. Г. Селезнева было подчеркнуто отсутствие действенных способов вхождения молодежи в органы власти, проанализированы причины и предложены способы решения данной проблемы. Соискатель степени канд. полит. наук П. Е. Пушкин, продолжая дан-

ную проблематику, представил собственное видение форм и механизмов эффективного взаимодействия власти и молодежи. *А. Б. Никольский* остановился на проблемах и перспективах института стажерства в органах власти на конкретном примере Астраханской области. Студент ВАГС *А. В. Еркин* проанализировал роль молодежной администрации, как института политической социализации во включении молодежи в политическое пространство общества. Участники секции с большим интересом выслушали информацию о деятельности Государственной Думы из уст студентки пятого курса *С. М. Бахшалиевой*, прошедшей практику в данном органе власти. Студентка ВАГС *Н. А. Сильнова* проанализировала особенности рекрутирования политической элиты в Волгоградской области и практический опыт ее взаимодействия с институтом губернаторства. Студент ВАГС *М. В. Кубрин* предложил для обсуждения вопрос о целесообразности проведения предвыборной агитации в органах местного самоуправления. Студент ВАГС *А. А. Сеидов* остановился на роли общественных молодежных организаций в формировании управленческих качеств у молодежи.

Во второй день работы конференции для более полного использования интеллектуального ресурса докладчиков, принимавших участие в работе третьей секции, были использованы техники креативного группового принятия решений. Общая тема для сбора идей: «Формы и методы политической социализации молодежи». Были задействованы конкретные техники сбора и обобщения идей: «карточки идей», «мозговой штурм», групповая дискуссия. Работа сопровождалась постоянной визуализацией мнений, идей, точек зрения, предложений. В процессе работы участники молодежной секции освоили простейшие методы креативного группового принятия решений, были проанализированы источники проблем социализации молодежи и выработаны конкретные предложения. Некоторые примеры обозначенных проблем: закрытость и клановость органов власти; субъекты власти сосредоточены на реализации своих частных интересов; отсутствие конкуренции и критериальности при формировании элит. Примеры частных предложений по активизации процессов политической социализации молодежи: анализ социально-экономических потребностей молодежи; привлечение молодежи к решению социальных проблем; финансирование молодежной политики; создание единой молодежной организации.

В результате итоговой групповой дискуссии были синтезированы следующие рекомендации по результатам работы третьей секции:

1. Целенаправленно формировать единое социокультурное пространство, способствующее актуализации социальных и гражданских ценностей молодежи.

2. Важно формирование эффективных каналов обратной связи между властью и молодежью.

3. Востребована разработка систем формирования и рекрутирования элит с целью преодоления современной закрытости элит для молодежи.

4. Необходимо обеспечение подготовки, обсуждения и принятия Национальной доктрины политического и гражданского образования молодежи, а также создание соответствующей нормативно-правовой базы на федеральном и региональном уровнях.

5. Необходимо создание институциональной основы политического просвещения и политического образования молодежи. Для этого:

- обеспечить в средних, средних специальных и высших учебных заведениях методическую разработку и внедрение в практику преподавания общественных дисциплин формы непосредственного контакта с представителями муниципальных и региональных органов власти, территориальных избирательных комиссий, судебных органов;

- создать медиа-холдинг молодежного вещания при государственной поддержке, который объединит в себе общенациональный телевизионный канал, канал радиовещания, периодическую печать и интернет-ресурсы;

- обеспечить разработку координационных форм политического образования и политического просвещения в соответствии с культурными, этническими религиозными и социально-экономическими условиями и потребностями молодежи конкретных территорий на базе институтов местного самоуправления.

6. Требуется технологическая конкретизация законов о государственной и муниципальной службах в части положений о конкурсном отборе персонала и кадровом резерве, позволяющая создать открытость, критериальность, доступность для молодежи участия в конкурсе на занятие должностей в органах власти.

7. Целесообразно использование потенциала молодежных политических и общественных организаций при формировании кадрового резерва для государственной и муниципальной службы.

8. Назрело создание института стажерства в органах власти в регионах. Для этого необходимо:

- изучить опыт функционирования института стажерства в городах Астрахани и Ростове-на-Дону и возможности его внедрения в практику формирования резерва управленческих кадров в других субъектах РФ.

- изучить опыт формирования и деятельности молодежной администрации города Волгограда как института политической социализации молодежи и перспективы его внедрения в других субъектах РФ.

9. Важно всестороннее изучение возможности создания всероссийской общественной (неполитической) организации, позволяющей формировать социальные и управленческие компетенции у социально активной молодежи.

На заключительном пленарном заседании Всероссийской научно-практической конференции по итогам работы приняты ряд решений и практических рекомендаций. Отметим, важнейшие из них.

По совершенствованию нормативной базы формирования кадрового резерва:

- Издать нормативный документ на федеральном уровне об утверждении Концепции реализации кадровой политики в федеральных органах исполнительной власти, закрепляющей приоритеты, принципы, цели, задачи, функции, статусы субъектов, понятийный аппарат и основные положения социально-нормативного регулирования кадровой политики.

- Издать нормативный документ на федеральном уровне о создании федерального органа управления государственной службой с отнесением к предмету ведения, в частности, следующих функций:

- разработка, координация и контроль кадровой политики в государственных органах;
- организация формирования резерва кадров, в том числе на должности руководящего состава;
- обеспечение деятельности кадровых служб государственных органов, в том числе по вопросам формирования системы управления профессионализмом, развития управленческой организационной и правовой культуры государственных служащих.

- Издать во исполнение Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 г. №79-ФЗ нормативный документ на федеральном уровне об утверждении Положения о резерве кадров.

- Разработать и нормативно закрепить современные кадровые технологии (в первую очередь, в части формирования, развития, использования и оценки профессионального потенциала кадрового корпуса), позволяющие обеспечить реализацию рациональной кадровой политики, основанной на комплексном сочетании формально-стимулирующего способа воздей-

ствия на мотивационную сферу государственных служащих.

- Разработать модель государственного служащего, специалиста, зачисляемого в кадровый резерв управленческих кадров РФ, которая включает в себя:

- требования к уровню образования;
- требования к уровню и качеству знаний, навыкам и умениям;
- перечень компетенций;
- требования к личным качествам.

- Составить реестр, отражающий качественные характеристики персонального состава региональной политической элиты, на основе членства в политических партиях.

- Подготовить, обсудить и принять Национальную доктрину политического и гражданского образования молодежи, а также создать соответствующую нормативно-правовую базу на федеральном и региональном уровнях.

По совершенствованию подготовки кадрового резерва:

- Создать при Правительстве РФ или Администрации Президента РФ специальный государственный орган, обеспечивающий реализацию единых стандартов подготовки и переподготовки кадров государственной службы.

- Сформировать общественный кадровый резерв при главе администрации субъекта Российской Федерации с использованием потенциала молодежных политических и общественных организаций в соответствии со сложившимися пропорциями политических сил в регионе и строгом соответствии профессионального образования предполагаемой сфере деятельности.

- Сформировать систему обучения вновь избранных глав муниципальных образований на уровне субъекта Российской Федерации при участии системы вузов государственной службы на основе бюджетного финансирования.

По совершенствованию подготовки и переподготовки преподавателей и сотрудников системы вузов государственной службы:

- Используя собственную ресурсную базу вузов системы РАГС, организовать подготовку и переподготовку преподавателей и сотрудников по вопросам государственной службы и государственного и муниципального управления специально для работы с кадровым резервом.

- Совместно с органами государственной власти организовать стажировки преподавателей вузов государственной службы в органах власти и управления федерального, регионального, муниципального уровней власти.

- Обеспечить участие ученых зарубежных вузов и практиков из Центров по подготовке кад-

ров для государственной и муниципальной службы с циклами лекций и семинаров для преподавателей по актуальным вопросам организации кадровой работы.

○ Регулярно проводить на базе вузов системы РАГС ежегодную региональную научно-практическую конференцию по кадровому потенциалу и резерву государственной службы.

○ Внести дополнения в соответствующие нормативные документы в части придания социально-правового и материального статуса, соответствующего статусу должностей государственной гражданской службы субъекта РФ, должностям профессорско-преподавательского состава государственных образовательных учреждений, целенаправленно осуществляющих подготовку кадров для системы государственной службы (например: профессор-консультант; доцент – главный специалист-эксперт; старший преподаватель – ведущий специалист-эксперт; преподаватель – специалист-эксперт; ассистент-специалист 1 разряда).

В целом на Всероссийской научно-практической конференции «Политическая элита и формирование резерва управленческих кадров», которая состоялась 16–17 ноября 2009 г. в Волгограде

в ФГОУ ВПО ВАГС, на пленарных заседаниях и секциях было заслушано 85 докладов и сообщений, проведены дискуссии и коллегиальное обсуждение актуальных и практических проблем формирования резерва управленческих кадров современной России. На заключительном заседании участниками конференции поддержано предложение продолжить практику совместного проведения академиями государственной службы научно-практических конференций Всероссийского уровня по вопросам качественного обеспечения кадрами органов государственной и муниципальной службы, структур государственного и муниципального управления в современной России.

Материал информационного обзора подготовили:

*В. А. Колесников,
А. И. Бардаков,
С. Г. Лагутин,
Е. Р. Мкртчян,
Д. М. Зиновьева*

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

032000 «ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ И АРХИВОВЕДЕНИЕ»

Специальность «Документоведение и архивоведение» дает комплекс знаний в области закономерностей документообразования, документов, систем документации и баз данных государственных, муниципальных, кооперативных и частных учреждений, организаций и предприятий, управления информационно-документационными ресурсами, экспертизы ценности документов организации, информационно-документационного обслуживания управленческой деятельности.

Документовед может работать в государственных органах федерального уровня, муниципального уровня в государственных, общественных, кооперативных и коммерческих учреждениях, фирмах, предприятиях на должностях по информационно-документационному обеспечению, требующих высшего образования.

Основными видами профессиональной деятельности специалиста являются:

- организационно-управленческая;
- организационно-проектная;
- аналитическая;
- исследовательская;
- консультационная.

Специалист может адаптироваться к следующим видам смежной профессиональной деятельности:

- кадровой;
- управленческой;
- библиотечной.

В процессе обучения студенты осваивают:

- общие свойства документа как источника и носителя информации, историю документоведения, документалистики и архивоведения;
- новые методы и средства документирования текстовой, графической, электронной, изобразительной, фото-, аудио-, кино-, голографической и других видов информации;
- процессы записи, хранения, обработки, восстановления, распознавания и защиты от подделки и искажения буквенно-цифровой, графической и полутоновой документальной информации;
- механизмы старения документов на различных физических носителях, методы и средства обеспечения их сохранности, восстановления, консервации и реставрации.

*Выбирая специальность «Документоведение и архивоведение»,
Вы выбираете востребованную профессию XXI века!*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Арефьев Е. С.* – аспирант кафедры истории и теории политики
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Балабанова М. А.* – канд. ист. наук, доцент кафедры археологии, древней и средневековой истории ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»
- Бардаков А. И.* – д-р полит. наук, профессор кафедры истории и теории политики, доцент ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Данильченко Т. Ю.* – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры методики и практики преподавания иностранных языков и культур Краснодарского государственного университета культуры и искусств
- Дринова Е. М.* – канд. филос. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и педагогики Волгоградского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации
- Зиновьева Д. М.* – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Каменская Е. А.* – соискатель ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Колесников В. А.* – д-р полит. наук, доцент, зав. кафедрой истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Корнеева М. Ю.* – аспирант кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Красноусова И. Е.* – канд. социол. наук, консультант Комитета по печати и информации Администрации Волгоградской области
- Кузина К. А.* – канд. полит. наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Астраханского государственного университета
- Кулагина Е. А.* – аспирант кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Кулиев Ф. М.* – канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой социальных и политических дисциплин, «Северо-Кавказская академия государственной службы» (филиал), Пятигорск
- Лагутин С. Г.* – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии управления ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Лиджи-Горяева С. Э.* – канд. социол. наук, заведующая отделом социологических исследований ГУ «Институт комплексных исследований аридных территорий», Элиста
- Мельниченко Е. Н.* – канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Мкртчян Е. Р.* – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии управления ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»

- Мукаева С. Г.* – мл. научный сотрудник ГУ «Институт комплексных исследований аридных территорий», Элиста
- Оконов Б. А.* – мл. научный сотрудник ГУ «Институт комплексных исследований аридных территорий», Элиста
- Орлов Г. В.* – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории ГОУ ВПО «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет», член Союза журналистов РФ
- Перерва Е. В.* – канд. ист. наук, гл. специалист аналитик отдела науки ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Плотников А. В.* – канд. социол. наук, доцент, руководитель инновационного центра Волго-Вятской академии государственной службы (филиал), Киров
- Попова Е. Г.* – канд. мед. наук, ГОУ ВПО «Волгоградский государственный медицинский университет», ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, заместитель главного врача МУЗ «Поликлиника №20», Волгоград
- Рябцев А. Л.* – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Международного юридического института
- Стародубов А. А.* – канд. социол. наук, заведующий сектором содействия трудоустройству выпускников Юридического института предпринимательства и агробизнеса ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»
- Старостин А. М.* – д-р полит. наук, профессор, Северо-Кавказская академия государственной службы, Ростов-на-Дону
- Шенкао Г. Х.* – д-р филос. наук, профессор, Карачаево-Черкесская государственная технологическая академия, Черкесск
- Юнда А. В.* – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статья, предназначенная для журнала, должна сопровождаться представлением от учреждения, в котором выполнена работа, и подписана авторами.

2. К статье прилагаются на отдельном листе:

- сведения об авторах на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, домашний, служебный и электронный адреса, телефоны. Если авторов несколько, указать, с кем вести переписку);
- аннотация на русском и английском языках (2–3 предложения);
- название статьи и фамилии авторов на английском языке;
- индекс УДК;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–8).

3. Объем статьи должен быть не более 8 страниц машинописного текста, включая список литературы (не больше 10 источников), таблицы и рисунки (не более 5).

4. Статья должна быть набрана в соответствии с правилами компьютерного набора.

Авторы высылают в редакцию 2 экземпляра статьи и *полностью идентичный* вариант на диске. На одном диске располагается *только одна* статья. Статья должна быть оформленной в формате *Microsoft Word 97–2003, 2007* через 1,5 интервала, шрифтом *Times New Roman* размером 14 *пт*. Поля со всех сторон – 2,5 см. Использование любых других шрифтов возможно только в виде исключения, если они внесены в код файла. Не следует использовать знаки принудительного переноса и дополнительных пробелов. Векторные величины выделяются полужирным шрифтом.

5. Для записи формул применять только редактор формул *Equation 3.0*. При этом формула должна помещаться только на половине строки. Большие формулы необходимо разбить на несколько строк. Запрещается масштабировать формулы. При наборе формул необходимо придерживаться параметров по умолчанию. Формулы не должны включать в состав знаки пунктуации и нумерацию.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться. Нумеруются только те формулы, на которые имеются ссылки. Нумерация формул должна быть сквозная по всей статье.

Таблицы должны иметь заголовки; в них допускаются только общепринятые сокращения.

Размер рисунков по ширине рекомендуется не более 15–17 см. Рисунки, графики и схемы делаются как сгруппированный объект. Все подписи оформляются как отдельно набранный текст, не входящий в границы объекта, в тексте статьи обязательно дают ссылку на каждый рисунок.

Рисунки и графики должны быть выполнены четко, в формате, обеспечивающем ясность передачи всех деталей, и быть пригодными для прямого воспроизведения.

Единицы измерения следует давать в соответствии с Международной системой (СИ).

6. Литература приводится в порядке упоминания в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках только на опубликованные материалы. Подстрочные ссылки и ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Ссылки на иностранные источники даются на языке оригинала, а в случае перевода на русский язык с указанием на перевод.

7. Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.01-2003, 7.05-2008.

8. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
№1 /3/ 2010**

Серия «Политология и социология»

Редактор *Е. И. Кагальницкая*

Компьютерная верстка *Е. Е. Таракановой*

Директор издательства *Е. И. Башилов*

Свидетельство ПИ №ФС77-34687 от 23.12.2008.

Подписано в печать 29.03.2010. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Усл.-печ. 13,95 л. Уч.-изд. 14,1 л.

Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

vestnik_polit@vags.ru

Издательство ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10.